РУССКАЯ ЭПИГРАММА

РУССКАЯ ЭПИГРАММА

Москва
«Художественная литература»
1990

ББК 84Р1
Р89

Классики и современники

Поэтическая библиотека

Составление, вступительная статья и примечания
В. Васильева

Художник
Г. Клодт

Р $\frac{4702010102-179}{028(01)-90}$ 24-90

ISBN 5-280-01014-6

БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭПИГРАММУ

Благоговею перед созданием «Фауста», но люблю и эпиграммы.
А. С. Пушкин

Эпиграмма родилась в Древней Греции приблизительно две тысячи восемьсот лет назад. Литературным жанром она стала не сразу, о чем речь впереди, но когда прочно утвердилась в литературе, то значимость ее возросла настолько, что и за пределами этого жанра любая острóта, причем даже в прозаическом изложении, получила в новое время почетное право называться эпиграммой.

Сегодня в мире преобладает сатирическая эпиграмма. В античности же это ее качество проявилось как результат длительного развития. Там ей сначала отводилась роль посредницы между простыми смертными и обитателями Пинда. Эпиграмма представляла собой посвятительную надпись на треножнике, на щите, на вазе или на другой утвари богу-покровителю (эпиграмма в переводе с греческого и означает «надпись»). В дальнейшем прибавилась разновидность эпиграммы — эпитафия, то есть надгробная надпись, сообщавшая, как и теперь, краткие сведения об усопшем человеке.

Чем короче был текст, тем легче труд резчика, который работал на твердом материале, в основном на камне. Поскольку надпись служила только для того, чтобы обессмертить факт приношения, то она заключала сухую бесстраст-

ную информацию, и не более. Мало-помалу в ней стихийно начали появляться строки, согретые чувством любви, в эпитафии — чувством скорби. Пробуждение эмоций, а вместе с ними и художественных черт позволило эпиграмме в VII—VI веках до н. э. перейти с мемориального предмета на свиток и встать в ряд с другими лирическими жанрами литературы.

Изменение статуса обогатило эпиграмму новым содержанием. Ее темой стали мимолетные философские размышления о мире и сам предметный мир во всем его многообразии. Теперь поэту представлялась возможность выразить в эпиграмме любую мысль; любую, но традиционно только одну, и эту одну-единственную мысль по канону он обязан был завершить оригинально. Своеобразная, неожиданная развязка стихотворения, называющаяся по-латински клаузулой, у французов — пуантом, а в нашем обиходе — солью эпиграммы, составляет ее душу. Любопытное наблюдение сделал английский поэт XIX века Колридж:

Для эпиграммы нужна быстролетность.
Плоть ее — краткость, душа — искрометность.

По мере того как эпиграмма стала окрашиваться в сатиоические тона, роль пуанта возрастала. А сатирические тона в ней улавливаются уже в VII веке до н. э. Вот как Архилох ополчался на гетеру:

Много воро́н на утесе смоковница кормит плодами:
Всех Пасифила гостей, добрая, рада принять.

(Перевод Л. Блуменау)

Но эпиграмматический смех в полный голос зазвучал лишь на рубеже новой эры, чему способствовали особые обстоятельства: разложение рабовладельческого строя и падение нравов, вызывавшее негодование и сарказм художников.

Попав из Греции в Древний Рим, эпиграмма расцвела в устах гениального Марциала, который творил в «вечном городе», начиная с последних лет правления Нерона до смерти императора Домициана (96 г.), и создал там около полу-

тора тысяч наполненных горькой правдой зарисовок из жизни агонизирующей империи.

В то время как античная городская цивилизация изживала себя, а роль культурно-просветительских центров в известной мере начали играть христианская церковь и монастыри, сатирические эпиграммы сошли на нет. Вновь наибольшее распространение получили эпиграммы посвятительные, и прежде всего христианские. Как видим, путь эпиграммы к своему классическому облику был извилист.

Сатирическую эпиграмму вернули к жизни писатели европейского Возрождения. Гуманисты великой эпохи сначала сочиняли эпиграммы по канонам, выработанным в античности. Образцом им служили греки, в частности сатирик I века Лукиллий, и древнеримские поэты Катулл, Марциал и Авсоний. До XVI века эпиграммы в основном писали полатыни, а с XVI века появляются острые стихотворные мысли на современных европейских языках: итальянском, французском, испанском, английском, польском.

С некоторым опозданием эпиграмма становится популярной и в России. Почва для нее была подготовлена фольклором и всем предшествующим развитием литературы. У нас сатирическая фольклорная традиция на редкость разнообразна и по жанрам, и по сюжетам. Наряду со сценкой-позорищем (что в древности означало театральное представление), с острым словцом, с потешкой, с шуточной песенкой бытовали колкие пословицы и прибаутки, такие, как: «Жыть было весело, да исть нечево», «Хлеба ни куска, а платья ни лоскутка», «Аптека улечит на полвека». Что же касается сюжетов, то отголоски многовекового поношения дворянства и духовенства, неунимающаяся издевка над отдельными пороками искрятся в раешных стихах посадского люда, например: «И садится рак, // печатной дьяк, // на ременчатой стул, // чтобы чорт не сдул» («Повесть о Ерше») или «Радуйся, что у тебя бороденка выросла, // а ума не вынесла!» («Сказание о попе Саве и о великой его славе»).

На раннем этапе развития фольклор в России особенно действенно влиял на литературу, а литература, в свою очередь, на фольклор. Наглядную картину этого взаимопроникновения показывает творчество посадских людей, занимающее промежуточное положение между литературой и фольклором, когда эпиграмматически заостренные выражения можно обнаружить даже в длинных повествовательных стихотворениях. Народные же пословицы в эпиграмматическом духе настолько близки жанру эпиграммы, что между ними иногда невозможно провести границу. Сравним построенные на игре слов державинскую эпиграмму: «О, как велик На-поле-он! // Он хитр и быстр, и тверд во брани; // Но дрогнул, как простер лишь длани // К нему с штыком Бограти-он» (т. е. Багратион) и народную пословицу, сложенную в те же годы: «Был не опалён (т. е. Наполеон, имя которого крестьянину трудно выговорить. — *В. В.*), а из Москвы вышел опалён». Они образуют удивительное жанровое единство.

Впрочем, в этом ничего удивительного нет: общие законы человеческого мышления и мировосприятия принципиально одинаковы как для всех общественных классов, так и для всех народов. На Востоке жанр эпиграммы существовал, кажется, только в арабском и персидском средневековье, но у скольких философов и поэтов — в китайских изречениях Конфуция, в индийской лирике Кабира и в других литературах — встречаются миниатюры, которые иначе чем эпиграммой не назовешь. Взять хотя бы стихи курдского поэта Хажара (родился в 1920 году в Иране). Явно из кладезя народной мудрости почерпнул он тему традиционного восточного гостеприимства, пришедшего в противоречие с бедностью, а может быть, и со скупостью старика: «Мчался всадник. // «Куда ты в полночную тьму? // Заночуй у меня!» — крикнул старец ему. // Всадник ждать не заставил: «Коня мне куда бы // Привязать?» — «Привяжи к языку моему».

В России также со времени появления письменности эпиграмматические элементы присутствовали во всех жанрах, в том числе в так называемых обличительных словах, восходящих к традиции византийского учительского слова. Темой их обличения служили «идоломоление», волхвование, верование в «птичий грай», «плясания беззаконная», то есть ритуальные пляски, сохранившиеся еще от дохристианской эры, а из человеческих пороков «запойство», златолюбие, «татьба», поклеп, злосердие, «лжа», блуд и «вся прочая». Острое слово выковывается и в сатирических повестях. Не обходится без взаимных выпадов и жаркая схватка публицистов. Сатира проглядывает в отдельных исторических анекдотах, в изречениях мудрецов древности («Апофтегматах»), является основным элементом переводных басен Эзопа и известных на Руси со второй половины XVII века «смехотворных новелл» — фацеций, или жартов (от польского слова «шутка»). И наконец — пародия. Целая ветвь демократической литературы брала за основу пародическое переосмысление высокой словесности и даже церковной службы. Вот как в сатирической «Службе кабаку» пародируется известная молитва «Святыи боже, святыи крепкии, святыи бессмертныи, помилуи нас»: «Свяже хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих помилуи нас голянских».

Несмотря на то что сатирический дух властвовал в древнерусской литературе от самого ее зарождения, сатира как жанр сложилась в ней только в XVII веке. Академик Д. С. Лихачев отмечает: «Никогда еще ни до XVII века, ни после русская литература не была столь пестра в жанровом отношении. Здесь столкнулись две литературные системы: одна отмиравшая, средневековая, другая зарождающаяся — нового времени».

Новая система была связана с барокко, первым в России литературным направлением. Исходный принцип барочной эстетики — сопряжение несоизмеримых или полюсных

понятий и вещей — основывался на теории остроумия (acumen) и благоприятствовал скорейшему появлению эпиграммы, для которой к тому времени созрела и общественно-историческая обстановка.

Если в национальные литературы стран Запада эпиграмма пришла через латынь, то у восточных славян активно действовали сразу два языковых фактора: та же латынь и книжно-славянский язык, на котором в несколько отличающихся одна от другой редакциях писали и украинцы, и белорусы, и русские. И. Н. Голенищев-Кутузов справедливо говорил: «Комплекс польско-украинско-русской культуры XVI—XVII веков не следует разбивать, исключая взаимные влияния, охраняя призрачные границы «самобытности», гораздо важнее братская связь на Востоке славянских народов. Вспомним лучше свободные дары на поприще школьного дела, образования, красноречия и пиитики, поступавшие на северо-восток из Украины и Белоруссии».

Если это положение развить применительно к эпиграмме, то нельзя не заметить, что в украинской литературе она появилась в конце XVI столетия, что ей отдали дань почти все украинские поэты XVII — первой половины XVIII века, связанные с киевской школой, и что в этом жанре особенно ярко блеснул Иван Величковский (ум. 1701), который переводил на книжно-славянский язык неолатинского поэта из Англии Джона Оуэна и сочинил много оригинальных эпиграмм (они сохранились в рукописных сборниках 1670—80-х годов). Что-то из стихов наверняка попадало в Московию хотя бы через Киево-Могилянскую академию, поставлявшую культурные кадры всему восточнославянскому региону.

А у белоруса Симеона Полоцкого, царем Алексеем Михайловичем приглашенного в Москву на постоянное жительство, находим первые эпиграмматические опыты, созданные под небом России. Его «Вертоград многоцветный» и по названию, и по содержанию примыкает к барочным

«Садам» современных ему польских поэтов Кохановского и Потоцкого, которые также вырастили немало фрашек (фрашка в Польше — род эпиграммы). Не следует только забывать, что в те времена унаследованная от античности эпиграмма понималась шире, чем сегодня. По тогдашним представлениям, у Симеона Полоцкого эпиграмм предостаточно, но в поисках истоков именно сатирической эпиграммы нам хочется знать, существовала она тогда или не существовала. Для этого проведем некоторые сопоставления. Возьмем двустишие Лермонтова «Тот самый человек пустой, // Кто весь наполнен сам собой», одну из надписей Карамзина на статуе Купидона «Любовь — анатомист: где сердце у тебя,// Узнаешь, полюбя» и двустишие Симеона Полоцкого «Огонь есть со сеном — инок со жена́ми, // Не угасимый многими вода́ми». Приведенное выше двустишие Лермонтова и два ему подобных («Есть люди странные...» и «Стыдить лжеца...») включены в только что переизданную «Библиотекой поэта» (Большая серия) «Русскую эпиграмму». Однако того же типа карамзинские «Надписи на статую Купидона» (см. на с. 93) и весь Симеон Полоцкий оказались за пределами книги, поскольку «Библиотека поэта» решила изъять из предшествующего издания все, что не подходит под понятие сатирической эпиграммы.

Сразу возникает вопрос: что подходит и что не подходит под понятие сатирической эпиграммы? Наша «Краткая литературная энциклопедия» (т. 8, стлб. 914) в числе ее признаков, кроме краткости и сатиричности, о чем уже говорили и мы, называет конкретность (т. е. «стихи на случай»). Этот третий признак ни к одному из только что приведенных стихотворений не подходит. Но, на наш взгляд, он вовсе не обязателен. Согласно зарубежным энциклопедиям, эпиграммой называется, как правило, небольшое стихотворение, изящно и афористично выражающее какую-нибудь мысль и заканчивающееся пуантом, в настоящее время чаще всего сатирического характера. Исходя из такого определения, ду-

мается, самого правильного, рассмотренные стихотворения следует признать юмористическими (карамзинские «Надписи на статую Купидона») и сатирическими эпиграммами (Лермонтов и Симеон Полоцкий).

Если даже кто-то с нами не согласится и в качестве абсолютного доказательства потребует сатирических «стихов на случай» в рамках XVII века, то и здесь найдутся примеры. Это хотя бы разговор философа Диогена с его учениками о том, как его хоронить, у Симеона Полоцкого и у Евфимия Чудовского двустишие по случаю выхода в свет сборника проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный».

Любопытно еще вот что: эти стихотворения XVII века дают представление о двух основных типах сатирических эпиграмм, на которые, по нашему мнению, делится рассматриваемый жанр. К одному типу принадлежат эпиграммы-остро́ты. Они предельно кратки, как, например, двустишие Евфимия Чудовского. В качестве пуанта в них используются разные намеки, каламбуры, игра слов и другие хитроумные приемы. За молниеносность их можно было бы назвать блиц-эпиграммами. В XVII веке их успешно применял на практике и ратовал за них в теории законодатель французского Парнаса Буало. В своем трактате «Поэтическое искусство» он резюмировал:

Стих эпиграммы сжат, но правила легки:
В ней иногда всего острота в две строки.
(Перевод Э. Линецкой)

Немецкий просветитель Лессинг обосновал иной тип эпиграммы. Свои наблюдения он проводил в XVIII веке, но материалом ему служило творчество многих эпиграмматистов, начиная с Марциала. Идеалом эпиграммы Лессинг считал эпиграмматическую сказку (от французского термина conte épigrammatique). Он обратил внимание, что она обладает мини-сюжетом, чем несколько напоминает басню. Однако между эпиграмматической сказкой и басней существует различие: композиционно той и другой свойственно двух-

частное построение, но в басне вторая часть логически вытекает из первой (вспомним хотя бы эзоповский сюжет с вороной и лисицей), в эпиграмматической же сказке после всех перипетий должен последовать неожиданный «выстрел» (пуант). Чтобы поразить жертву с наибольшим эффектом, автор ведет читателя в ложном направлении и лишь в заключительной фразе, иногда даже в последнем слове, вдруг поворачивает вспять то, что развивалось естественно и, казалось бы, благополучно для адресата эпиграммы. Если эпиграмматическую сказку сравнить с детективом, то нетрудно заметить, что в детективе требуется установить, как произошло убийство, а в эпиграмматической сказке автор, наоборот, пытается скрыть, каким образом будет поражена его жертва.

Чтобы замаскировать свои намерения и надлежащим образом подготовить пуант, автору эпиграмматической сказки бывает необходимо восемь и более строк. В упомянутом выше стихотворении Симеона Полоцкого «Диоген» их даже четырнадцать. Иногда возникает спор: что по художественным качествам выше — блиц-эпиграмма или эпиграмматическая сказка? Ответить непросто. Во всяком случае, из двух крупнейших французских острословов — Жана-Батиста Руссо и Понса-Дени Экушар-Лебрена — первый успешно сочинял исключительно эпиграмматические сказки, второй же не менее успешно сыпал как из рога изобилия эпиграммы-остро́ты.

Интересно суждение Пушкина об этих типах эпиграмм. На примере творчества Баратынского он отметил, что эпиграмма-острота «скоро стареет и, живее действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет силу при повторении», между тем в эпиграмме Баратынского, «менее тесной, сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободнее, сильнее. Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства».

Возвращаясь к русской эпиграмме XVII века, нужно отметить и переводы из иностранных сатириков, потому что в России художественный перевод как самостоятельная ветвь обособился лишь во второй половине XIX века. Мы и сегодня, например, басенные переводы Крылова из Лафонтена и переводные баллады Жуковского воспринимаем как оригинальную отечественную поэзию. Большой интерес представляют недавно обнаруженные анонимные переводы на русский язык эпиграмм крупнейшего польского поэта XVI столетия Яна Кохановского. Тут уместно упомянуть и о Максиме Греке, жившем в первой половине XVI века. Он перевел с греческого (это был его родной язык) эпиграмму поэта I века Леонида Александрийского и переадресовал ее астрологу Николаю Немчину, высмеяв его несбывшееся предсказание о «конце света».

Перейдем теперь к XVIII веку. В области эпиграмматики в эту эпоху интересной личностью предстает Феофан Прокопович. Сподвижник Петра I, украинец по национальности, он, по словам его младшего современника К. А. Кондратовича, «не выпущавший почти из рук Марцияла, и оному подражавший, и сочинивший многия Епиграммы как латинския, так и российския», содействовал дальнейшему развитию отечественной эпиграммы. Прекрасное знание латыни помогло ему осмыслить эпиграмму теоретически, потому что тогда в Европе имели хождение всевозможные трактаты по поэтике и по риторике на латинском языке, в которых непременно затрагивались эпиграммы — в поэтике как жанр, в риторике как фигуры остроумного построения речи. В ранний период творческой деятельности, будучи преподавателем Киево-Могилянской академии, Феофан Прокопович создал свой собственный курс лекций «О поэтическом искусстве: («De arte poetica», 1705) и «О риторическом искусстве» («De arte rhetorica», 1706). В первом трактате четыре главы посвящены эпиграмматическому жанру (кн. III),

пожалование высокопоставленному лицу ордена Золотого Руна» и др.). Сумароков особенно преследовал судей неправедных, судейских чиновников; это «крапивное семя» он жестоко высмеивал и в прозе, и в стихах, в том числе эпиграмматических («Эпитафия подьячему», «Стряпчий», «Судьи́ приказных дел у нас не помечали...» и др.).

Российская действительность XVIII столетия заставила обратиться к эпиграмме и такого поэта-философа, как Гаврила Романович Державин. В эпиграмматическом роде он написал не много, но это была подлинно державинская пророческая эпиграмма, в основе которой — суровое предупреждение (memento mori! — помни о смерти!). Только так воспринимается его стихотворение «На смерть собачки Милушки», в котором, коснувшись истории казни Людовика XVI, поэт исподволь обращается ко всем коронованным особам: «Не все ль судьб игрушка — // Собачки и цари?»

На таких же высоких нотах звучат некоторые эпиграммы крупнейшего баснописца XVIII века И. И. Хемницера и драматурга и поэта В. В. Капниста. Хемницер не ограничивается отвлеченной критикой монархов и без обиняков указывает на русских императриц в связи с распространенным тогда предположением, что вольтеровскую «Историю государства Российского при Петре Великом» инспирировали Елизавета и Екатерина II. В эпиграмме на создание этой «Истории» Хемницер, как бы оправдывая Вольтера, лукаво вопрошает: «Ну, виноват ли он, когда его дарили // И просили, // Чтоб вместо правды ложь он иногда писал?» И уж совсем дерзко намекает на Екатерину II Капнист в рукописном цикле «Встречные мысли»: «А сколько было в свете жен, // На мужниных сидевших тронах!»

Для эпохи русского классицизма все же наиболее характерным оставалось осмеяние общечеловеческих пороков без указания конкретных лиц. «Героям» обычно давались условные имена — Клит, Клав, Бавий, Альциндор. Подчас в самом имени раскрывался тот или иной ущерб: любителя выпить на-

рекали Хмельниным, скупого — Скрягиным, бездарного писателя — Мараловым и т. д. На рубеже XVIII—XIX веков классицистические каноны стали тесны для эпиграммы, нравоучительный тон мешал ей в полной мере проявить природную живость, сатирический темперамент, эмоциональность. И вот из потаенных недр оппозиционно настроенного дворянства и разночинных групп выплеснулась наружу серия инвектив против отдельных чиновников и офицеров, против породившей их бюрократии, против церкви, а подчас против знати и царей. Такие эпиграммы не могли быть напечатаны. Они тайно передавались из уст в уста, а наиболее удачные нашли прибежище в рукописных сборниках тех лет. Одновременно возникли по духу близкие эпиграмме сатирические и водевильные «куплеты».

Эпиграммы, созданные в период сентиментализма и романтизма, заиграли новыми красками. Идейный вождь сентименталистов, один из гуманнейших и самых просвещенных людей своего времени Н. М. Карамзин не обошел вниманием любимый русским искусством жанр эпиграммы и обогатил его новым содержанием. Автор «Бедной Лизы» заметно усиливает эмоциональный строй эпиграммы, приглушая, однако, ее сатирическое звучание; за образец он берет альбомные стихи, вошедшие в моду еще в XVIII веке. Карамзин украсил рифмами многие философские афоризмы, тем самым сделав их выразительнее и доходчивее. Если же рассматривать его рифмованные афоризмы вместе с нерифмованными, то они далеко не идилличны. Чего стоит, например, такая его сентенция о придворной среде: «Больше лиц, нежели голов; а душ еще меньше».

К сожалению, его последователи — «карамзинисты» (В. А. Жуковский, В. Л. Пушкин и др.) стремятся придать эпиграмме исключительно салонный характер, иначе говоря, свести ее к тем «трудным пустякам», которые осудил еще Феофан Прокопович.

Русская эпиграмма совершила стремительный взлет, ког-

да к ней прикоснулся Пушкин. Гениальный поэт стал теоретиком и истолкователем капризного жанра «окогченной летуньи», как метко окрестил эпиграмму Баратынский. Пушкин взял на вооружение весь арсенал накопленных до него приемов и, овладев оружием классического образца еще в лицейские годы, затем придал эпиграмме новые боевые свойства.

Так, пользуясь классицистической традицией обыгрывания имен, он проводит эту игру не по давно обкатанной схеме (глупый человек — Глупон, женщина-обольстительница — Прелеста и т. д.), а находит точные смысловые созвучия между фамилиями своих адресатов и отрицательными чертами их характера: Каченовский вследствие его журналистской драчливости ассоциируется с кочергой, и поэт назвал его Кочерговским; Булгарина за его приспособленчество и частую смену взглядов он сравнил с флюгером и нарек Флюгариным, да еще за доносы и пронырливость дает ему позорное прозвище Видок Фиглярин (см. примеч. к с. 132).

Однако ярче всего пушкинская новизна проявилась в эпиграммах-портретах. Если сравнить две эпиграммы на Аракчеева — одну, написанную Баратынским, а другую — Пушкиным, то, отдавая должное Баратынскому, который создал законченный тип верноподданного «слуги царя», легко заметить, насколько глубже пушкинское постижение того же типа, выпестованного николаевским режимом. Аракчеев Баратынского может быть соотнесен с любым временщиком, а у пушкинского Аракчеева мы видим не только личину, свойственную царским сатрапам («Всей России притеснитель», «Полон злобы, полон мести»), но и черты, присущие исключительно Аракчееву, своеобразному «феномену» зла и жестокости. Курсивом выделяя слова «Преданный без лести», поэт, с одной стороны, усиливает индивидуализацию Аракчеева через девиз, который тот сочинил для своего герба, а с другой, дает возможность в общем контексте всю фразу воспринять на слух, как «Преданный б е с лести», что приводит к уничтожающей «героя» игре слов.

Но, пожалуй, наиболее искусной в своей нетрадиционности является эпиграмма Пушкина на другого высокого сановника, наместника Крыма М. С. Воронцова. Казалось бы, это четверостишие развивается аналогично одной из миниатюр Вяземского в его «Поэтическом венке Шутовского» (Шаховского), комедию которого «Полубарские затеи...» вместе с другими его пьесами Вяземский неожиданно называет «затеями полного глупца». Между тем в пушкинской характеристике Воронцова первые пять ключевых слов эпиграммы намеренно приведены в логическое противоречие как по своему внутреннему, двухкомпонентному сочетанию («Полу-милорд, полу-купец» и т. д.), так и в смысловом соотношении друг с другом («полу-мудрец, полу-невежда» и т. д.). И это еще не все. В стихотворении есть второй план, намекающий на то, что самолюбивый и тщеславный Воронцов в ту пору страстно и безрезультатно ждал производства в «полного генерала» — генерал-аншефа.

Острые эпиграммы не всегда для их творцов проходили безнаказанно. Не последнюю роль сыграли они и в трагической судьбе Пушкина. Царь не простил поэту (наряду с другими «прегрешениями») эпиграмматических стрел, направленных в тех, кто окружал его священную особу, и даже в него лично. Зато дар эпиграмматиста, блеск и острота ума высоко ценились в передовых кругах России. Эти качества, мятежная искрометность служили своеобразной визитной карточкой гражданственности. Эпиграмма с восторгом принималась среди декабристов, в обществе «Зеленая лампа». К ней охотно прибегали в беседах и спорах выдающиеся ученые и деятели культуры тех лет.

Из блистательной когорты эпиграмматистов пушкинского времени наиболее представительными, кроме самого Пушкина, были его друг, душа петербургских салонов С. А. Соболевский, а также Е. А. Баратынский и П. А. Вяземский. Мы уже познакомились с оценкой, которую Пушкин дал Баратынскому. Что касается Вяземского, он более других русских

поэтов размышлял о судьбах эпиграмматического жанра.

В молодости следовавший принципам Карамзина с его абстрактно-философскими и альбомными стихами, П. А. Вяземский с 1820-х годов первым наметил другой, перспективный путь развития жанра. Поэт стал разрабатывать эпиграмматическую сказку как удобную форму реалистического отражения мира. Ее объем позволял Вяземскому хотя бы бегло наметить индивидуальные черты осмеиваемого и одновременно типизировать его. Теперь перед читателем вставал не ходульный герой, не лекарь или судья вне времени и пространства, а человек своей страны, живо очерченный в определенных исторических обстоятельствах.

Поэты первых трех десятилетий XIX века, каждый внеся посильную лепту, подняли русскую эпиграмму на невиданную до того высоту. Велик и ее сатирический диапазон — от изящной тонкой шутки, меткой насмешки, глубокой иронии и сарказма до разящей громоподобной эпиграммы-приговора, смертоносного политического оружия. Такая эпиграмма вершит суд в веках, невзирая на чины и звания, осуждая своих «героев» на бессмертие позора. С этим несмываемым клеймом живут в памяти потомков вдохновители реакции, мракобесы типа Булгарина, Коцебу, Каченовского, как и осужденные на вечное посрамление правдолюбами последующих поколений продажный журналист и издатель Катков, шеф жандармов Плеве, оберпрокурор синода Победоносцев, приближенный царя, авантюрист Распутин и, наконец, сами цари.

Искусство мгновенного, молниеносного обнажения низменной сути персонажа, точность словесного выражения, прекрасное владение рифмой и метрикой не только поставили эпиграмму в ряд ведущих жанров русской литературы, но и способствовали другому любопытному процессу: эпиграмма стала оказывать влияние на крупные формы, а о малых и говорить не приходится. Границы между жанрами, чистоту которых так оберегали классицисты, постепенно стирались.

Эпиграмматические афоризмы, как известно, любил Гри-

боедов, наполнивший ими комедию «Горе от ума», любил их и ироничный Лермонтов, у которого они пронизывают почти все произведения. Эпиграмматична природа крыловских басен. Стихия эпиграммы ощущается в творчестве Салтыкова-Щедрина, особенно в его сатирических циклах и в сказках, которые вообще можно назвать эпиграмматическими. Эпиграмма проникает в эпистолярный жанр: переписка И. С. Тургенева с друзьями расцвечена остроумными стихами «на случай» и друг на друга.

К 1840-м годам на российскую арену выдвигаются разночинцы. Центр общественно-политической борьбы сосредоточивается в редакциях газет и журналов. Здесь детище дворянства — эпиграмма — чувствует себя менее уютно, чем в салоне. Чтобы приспособиться к новым условиям, ей необходим определенный срок. Такая адаптация наступает к середине века — классическая эпиграмма прочно связывает свою судьбу с русским освободительным движением. Разночинные интеллигенты 60-х годов, обращаясь к новому, демократическому читателю, облачают эпиграмму в простую одежду, и та начинает говорить неведомым ей дотоле языком крестьянина, мелкого чиновника, откупщика, мастерового. Таковы сатирические стихи Некрасова, Щербины, Шумахера, Михайлова, Курочкина, Минаева. Изменения претерпел не только язык, но даже структура и сюжеты эпиграммы. Блиц-эпиграмма почти полностью вытесняет эпиграмматическую сказку. Все большая ставка делается на осмеяние с помощью игры слов, зачастую сплетенных в затейливой рифме. Эта тенденция найдет поддержку у преемников сатирического жанра конца XIX — начала XX века. «Для новой рифмы // Готовы тиф мы // В стихах воспеть...» — шутливо напишет в предреволюционные годы В. В. Князев. А вот как жонглировал словами Апухтин, играя на созвучии противопоставленных значений, когда он язвил министра Тимашева, намекая на его хобби: «Он, правда, лепит хорошо, но министерствует нелепо».

Темы и сюжеты эпиграмм порой возникали прямо на улице из подслушанного анекдота или из подхваченной молвой остро́ты. Но чаще всего местом сбора такого материала служили редакции газет и журналов, литературные кафе, спортивные и другие клубы. Много курьезного можно было услышать и за кулисами театров. Так, во время гастролей в Петербурге московского премьера Шумского драматург и острослов, к тому же сам актер — П. А. Каратыгин, увидев Шумского в роли Иоанна Грозного из пьесы А. К. Толстого, заметил в кругу своих друзей: «Не счастливится графу Алексею Константиновичу...» «А что?»— поинтересовался кто-то из стоявших с ним рядом. «Да как же: в его произведении мы видели Павла Васильевича, Василия Васильевича и Сергея Васильевича, — намекнул он на актеров Васильева, Самойлова и Шумского, — а Ивана Васильевича не видали». Это высказывание — под заглавием «Смерть Иоанна Грозного» на сцене» — удачно интерпретировал стихами Н. Ф. Щербина: «Талантливых наших актеров, наверное, тем не обижу, // Когда бы им правду в глаза я сказал, // Что Павла Васильича видел, Василья Васильича вижу, // Ивана ж Васильича я не видал».

А сколько удовольствия получали литераторы и актеры в московской кофейне Бажанова, когда в ней появлялись вместе два острослова: «друг шипучих вин» Н. Х. Кетчер и его приятель Д. Т. Ленский. Остро́та, парированная ответной остро́той, приобретала еще больший вес, создавала драматические коллизии не менее острые, чем на театральных подмостках.

Что касается конкретного содержания новых эпиграмм, то совершенно исчезли или ушли на задний план давно примелькавшиеся образы астрологов, шарлатанов, философов, врачей, адвокатов, священников, болтливых жен и глухих мужей, модниц и модников; больше не варьируются темы непроходимой глупости, дворянской спеси. Освободительное движение в России требовало разрешения неотложных злободневных проблем. К ним эпиграмма и обратилась. Мы заметим эту

новизну, если просто беглым взглядом пройдемся по заголовкам маленьких сатир М. Л. Михайлова: «Деспоту», «Конституционалист», «Полицейская гуманность», «Христианское законодательство» и т. д.

Эпоха 1860-х годов знаменуется расцветом политической сатиры. «Король рифм» Минаев заявлял: «Мы верим в смех как в гражданскую силу». Такому целенаправленному смеху активно способствовали «Свисток» (1859—1863 гг., приложение к журналу «Современник») и сатирический журнал «Искра» (1859—1873). В «Свистке» тон задавали Добролюбов, Чернышевский, Некрасов, Михайлов, Салтыков-Щедрин, А. К. Толстой, братья Жемчужниковы, в «Искре» — Курочкин, Минаев, Жулев, Пальмин и др. Оба журнала выражали устремления революционно-демократических сил, однако сотрудничавшие в них сатирики, отчетливо видя цель своих обличений, порой смутно представляли идеалы, которые необходимо отстаивать.

Эти идеалы определились у революционных поэтов начала XX века. Авторы из низших сословий не всегда в достаточной степени владели формой стиха, но убежденность в правоте своего дела, вера в конечную победу неимущих классов придавала их эпиграммам эмоциональную силу и неоспоримость суждений. Печатались революционные поэты в сатирических листках и журналах, которых в 1905 году издавалось как никогда много — не только в Петербурге и Москве, но и в самых глухих уголках страны. На страницах прессы удобным видом политической пропаганды стали разоблачительные стихотворные надписи к карикатурам — традиция, идущая в русской литературе еще от лубочных картинок.

Не следует думать, что в этот бурный период нашей истории, да и в предшествующие времена, эпиграммы сочинялись только на царей, на проводников их политики и на классы, стоявшие у власти. Бунтующих сатириков ожидали как репрессивные меры воздействия, так и огонь ответных эпиграмм. Эпиграмматические баталии всегда развертывались вокруг

насущных проблем или в связи с деятельностью какого-либо государственного института, занимающего в стране главенствующее положение. Таким учреждением в Италии была папская курия, во Франции — Французская академия, а в России начала XX века — Государственная дума. Каждая партия, представленная в ней, пробивала дорогу к избирателям, от которых она зависела, используя все средства — от серьезных программных и теоретических печатных статей до сатирических выпадов против своих конкурентов.

Эпиграмматическую активность политиков-литераторов интересно проследить на примере творчества члена Государственной думы, крайнего черносотенца В. М. Пуришкевича. Когда он громит разные буржуазные партии, находя в них несоответствие между декларируемыми целями и способом их достижения или выискивая слабые места в поведении отдельных депутатов, его эпиграммы вызывают интерес. Когда же он пытается зажечь толпу великодержавными настроениями и даже подтолкнуть ее к погромным действиям, его антигуманизм у порядочного человека не вызывает ничего, кроме возмущения и омерзения. То же самое можно сказать и о П. К. Мартьянове.

Экстремистские взгляды Пуришкевича, Мартьянова и иже с ними находили решительный отпор у лучших представителей общества. Так, большую симпатию вызывает гражданская позиция А. В. Амфитеатрова, которая хорошо видна не только в его эпиграммах, но и в нашумевшем на всю Россию памфлете «Господа Обмановы» (1902), и в критических выступлениях. В статье «Тэффин грех» он писал: «Смех прекрасен, когда он озаряет движение общественности, когда ясна его культурная цель, когда светлою стрелою летит он в мрак, убивает и ранит его чудовищ». Самоотверженно сражался с чиновниками мракобесия и В. В. Князев.

Но в ряду гуманистов, начавших эпиграмматический путь в ту мятежную пору, хочется прежде всего отметить Демьяна Бедного и В. В. Маяковского.

Демьян Бедный пересмотрел старые поэтические формы и возродил басню, признававшуюся в начале XX века лишь как явление литературного прошлого, и вместе с басней не менее забытый вид эпиграммы — сказку.

Напоминаем, что по совокупности признаков все сатирические эпиграммы, как нам кажется, делятся на блиц-эпиграммы и эпиграмматические сказки. В каждой из этих групп возможно дальнейшее формообразование. Во Франции, например, в конце XIX века была изобретена «экспресс-басня», названная так потому, что из четырех канонических строк последняя несет в себе мораль, как положено для басни, и в эту последнюю строку вкладывается столько неожиданного или остроумного, что, согласно Лессингу, четверостишие из басни преображается в эпиграмму, как это видно у Александра Поте (1820—1897): «Жан попался красотке в сети... // Под луной обвенчался с ней// И убил ее на рассвете. // (Мораль:) Утро вечера мудреней».

А у нас Демьян Бедный в рамках эпиграмматической сказки создал всесокрушающее оружие политической сатиры — «маленький фельетон», небольшое стихотворение в виде диалогической сценки или бытовой картинки пародийно-насмешливого характера. Отправной точкой «маленького фельетона» служит конкретный жизненный факт, о котором часто сообщается в эпиграфе. Данный факт в стихах переосмысливается, утрируется, и в то же время мы чувствуем отношение к нему автора, если не открытое, то подспудное. О стиле баснописца Д. Бедного, который неразрывно связан и с «маленьким фельетоном», критик тех лет П. Мирецкий (П. П. Казмичев) в 1913 году отозвался так: «Это уже не прежний, плавный, певучий язык... Нет, это живой, находящийся в творческом процессе образования, язык народной массы наших дней, переживший все мучительные толчки последнего перелома русской жизни, язык необыкновенно богатый, красочный, нервный, бойкий, часто дерзкий, часто грубый, приближающийся к фабрично-заводской частушке».

В результате на переломе русской жизни столкнулись два направления: одно, показательное для писателей, группировавшихся вокруг журнала «Сатирикон», и другое, выражавшее крестьянские и рабочие интересы и настроения. Поэты-сатириконцы опирались на традиции первой половины XIX века и основное внимание уделяли эстетическим качествам эпиграммы, уклоняясь в сторону ее изящества и игривости. А крестьянским и пролетарским писателям была ближе скорбная муза Некрасова и демократизм поэтов-искровцев.

Тенденция последних решительно возобладала после революции 1917 года. Стране срочно понадобились стихи, которые сорвали бы маски с внешних и внутренних врагов нового строя языком, доступным самым широким массам. Таким первым глашатаем революции стал Маяковский.

Наделенный незаурядным талантом поэта и графика, он с головой ушел в плакат, в то время один из самых популярных и самых действенных видов идеологической борьбы. Начав работу поэта-плакатиста еще в дореволюционный период, Маяковский своего апогея достиг в «Окнах РОСТА» в годы гражданской войны, когда для большей оперативности советская сатира вынуждена была выступать «в телеграфном стиле». Выведший эпиграмму на площадь (известно, что на штурм Зимнего дворца матросы шли с его частушкой-эпиграммой на устах), поэт давал облик классового врага без индивидуализации его черт, благодаря чему разоблачение доходило до сознания самого неподготовленного слушателя. Так, в «Окнах РОСТА», сопоставляя Деникина и Россию, он хитроумно подновил известную пословицу: «Русь свинье не товарищ». Непримирим он был и к тем неурядицам, которые затрагивали основы государства. В 1921 году в подписях к рисункам на страницах журнала «БОВ» (Боевой орган весельчаков) Маяковский, осуждая беспечность, расхлябанность и бюрократию и сравнивая их по опасности с белогвардейщиной, в третьем, заключительном двустишии пи-

шет: «Третья белогвардейщина — советский бюрократ // Противней царского во сто крат».

Примеру Маяковского последовали другие писатели. Эпиграмма опять потянулась к своим истокам: обличительной реплике, афоризму, сатирическому диалогу, частушке, которая родилась в крестьянской среде сразу же после отмены крепостного права и неизменно набирала силу. Понимая большую социальную значимость сатиры, первый комиссар народного просвещения республики А. В. Луначарский уже на заре социалистического строительства призывал создавать «братство веселых красных скоморохов, цех истинно народных балагуров».

Мастера сатиры ставили к позорному столбу бюрократов, нэпманов, спекулянтов, лодырей. Их высмеивали на страницах журналов «Соловей», «И смех и грех», «Красный шмель», «Красный дьявол», «Красная колокольня», «Бегемот», «Крокодил» и многих других.

К концу 1920-х годов в связи с ухудшением в стране общественно-политического климата, к сожалению, пафос сатирических обличений резко понизился. Робкие попытки возродить вековые традиции жанра (статья А. Лежнева «На пути к возрождению сатиры» в «Литературной газете» от 22 апреля 1929 года и там же в январском номере 1930 года полемика под руководством М. Кольцова «Нужна ли нам сатира?») не дали результатов. Политические эпиграммы ушли в подполье, а на поверхности остались мелкотравчатая тематика да обмен писателей дружескими шаржами.

Новые благоприятные условия для эпиграммы создались в наши дни, о чем свидетельствует и выход данной антологии. Воспользуются ли этими условиями современные сатирики, покажет время.

В. Васильев

НАРОДНОЕ ОСТРОУМИЕ

АГА ВАБА
ЕДЕТ Б СКОГ
КОЬНЛОА Б
ДРАТНСА
НА
СВМІ
ДАУНІ
ПОКУСЬ
АНЦА
С МУЖИКМ
ПЛЕШИВЫМЪ

ЭПИГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

* * *

Пословица живуща и плодуща.
И про вашу честь пословица есть.
Есть пословица и про Ивана Петровича.
На дурака да на пословицу суда нет.

* * *

Наши дураки
не смотрят на кулаки.

* * *

Осла знать по ушам,
медведя — по когтям,
а дурака — по речам.

* * *

Личико беленько,
да ума маленько.

* * *

Хорош пень в вешний день,
а все пень.

* * *

Поглядел дурак на дурака
и плюнул: эка невидаль кака!

* * *

Из пустой клети либо сыч, либо сова;
из пустой головы — глупые слова.

* * *

С виду детина,
а в остальном скотина.

* * *

И ряб, да божий раб;
и гладок, да гадок.

* * *

Голова с поклоном,
сердце с покором,
язык с приговором,
ноги с подходом,
руки с подносом,
каблуки с поворотом.

* * *

Говорит день до вечера,
а слушать нечего.

* * *

**Шей, вдова, широкие рукава —
было бы во что класть небылые слова[1].**

* * *

**На языке мед,
а под языком лед.**

* * *

**Тому виднее,
у кого нос длиннее.**

* * *

**В правом кармане сочельник,
в левом чистый понедельник.**

* * *

**Покорному дитяте
все кстати.**

* * *

**Просит покорно,
наступив на горло.**

---

[1] ***Небылые слова*** **— сплетни.**

* * *

Сухо
по самое ухо.

* * *

Сытое брюхо
к учению глухо.

* * *

Не спрашивай у старого,
спрашивай у бывалого.

* * *

Молодой — игрушки,
а старой — подушки.

* * *

Старой бабе
на печи ухабы.

* * *

Пошла по масло,
и в печи погасло.

* * *

Лучше умирать в поле,
чем в бабьем подоле.

* * *

Аптека
улечит на полвека.

* * *

Лекарство для пьяницы —
на столе в склянице.

* * *

У Фили были, у Фили пили,
да Филю же и побили.

* * *

Как пьян,
так и капитан,
а как проспится,
свиньи боится.

* * *

Храбр после рати,
как залез на полати.

* * *

И я бы шел на войну,
да жаль покинуть жену.

* * *

И еще бы воевал,
да пищал потерял.

* * *

Либо полковник,
либо покойник.

НА НАПОЛЕОНА I

Был не опален,
а из Москвы вышел опален.

* * *

Солдат шилом бреется,
дымом греется.

* * *

Хоть шилю,
лишь бы брилю.

* * *

Дело спорится:
что сошьется, то и распорется.

* * *

**Не умеешь шить золотом,
так бей молотом.**

* * *

**Рассказчики
не годятся в приказчики.**

* * *

**От трудов праведных
не нажить палат каменных.**

* * *

**У кого счастье поведется,
у того и петух несется.**

* * *

**Ждал, бедный, теленка,
а бог дал ребенка.**

* * *

**Живем богато: со двора покато —
чего ни хватись, за всем в люди катись.**

* * *

**Зимой без шубы не стыдно, а холодно,
а в шубе без хлеба и тепло, да голодно.**

* * *

Пальто ветром подбито,
морозом подшито.

* * *

Богат Авдей:
полна хата детей.

* * *

Брюхо-то есть,
да нечего есть.

* * *

На брюхе-то шелк,
да в брюхе-то щелк.

* * *

Все полезно,
что в рот полезло.

* * *

Кабы знал наперед,
так бы расширил рот.

* * *

Четыре полы,
а бока голы.

* * *

Только и родни,
что лапти одни.

* * *

Не грози щуке морем,
а нагому — горем.

* * *

Долг не ревет,
а спать не дает.

* * *

Рогатого скота ухват да курица,
медной посуды крест да пуговица.

* * *

Я креститься, что не спится,
погляжу: ан не ужинавши лежу.

* * *

Все наготове:
сани в Казани,
хомут на базаре.

⟨НА ЖИТЕЛЕЙ МЦЕНСКА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ⟩

Амчанина[1] цыгане
семь верст объезжали.

⟨НА ГОРОД НОРОВЧАТ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ⟩

Норовчат:
— одни колышки торчат.

⟨НА ЖИТЕЛЕЙ ПЕНЗЫ⟩

Пенжане
свою ворону в Москве узнали.

* * *

Говорят,
в Москве и кур доят,
а как поехал за молоком,
так назвали дураком.

⟨НА КУПЦОВ ГОРОДА ЗУБЦОВ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ⟩

— Ты чей молодеч?
— Зубчёвский купеч.
— А где был?
— В Москве по миру ходил.

[1] *Амчанин* — житель Мценска.

* * *

Купчик —
голубчик —
деньголупчик.

* * *

Заимодавец —
удавец.

* * *

Купец торгом,
а мужик го́рбом.

* * *

Не пожалеть за рубль алтына,
не придет рубль, так придет полтина.

* * *

Хоть денег ни гроша,
да походка хороша.

* * *

На грош амуниции,
а на рубль амбиции.

* * *

За свой грош —
везде хорош.

* * *

Захочешь добра —
посыпь серебра.

* * *

Серебряный молоток
пробьет железный потолок.

* * *

Без денег
везде худенек.

* * *

Были бы бумажки,
будут и милашки.

* * *

Есть в мошне,
так будет и в квашне.

* * *

У кого колос,
у того и голос.

* * *

Жил бы тихо,
да от людей лихо.

* * *

Поползень втихомолочку
нашел богомолочку.

* * *

Пожалел волк кобылу:
оставил хвост да гриву.

* * *

Кобыла с волком судилась,
да домой не воротилась.

* * *

Законы святы,
да законники — супостаты.

* * *

Закон — что дышло:
куда поворотил, туда и вышло.

* * *

Вор ворует не для прибыли,
а для гибели.

* * *

Наш Филат
не бывает виноват.

* * *

Была бы спина,
Найдется и вина.

* * *

Всякий кулик
на своем месте велик.

* * *

Князья в платье, бояре в платье,
будет платье и на нашей братье.

* * *

Не ходи к воеводе с одним носом,
ходи к нему с приносом.

* * *

Богу — слава,
а попу — каравай сала.

* * *

Бог-то бог,
да и сам не будь плох.

* * *

Где просто, там ангелов со́ сто,
а где мудрено, тут нет ни одного.

* * *

Взял у черта рогожу,
отдать будет и кожу.

⟨БЫЛО БЫ ЖЕЛАНИЕ, А ПОВОД НАЙДЕТСЯ⟩

Бал —
черт с печки упал.

* * *

Все черти
одной шерсти.

* * *

Бойся тестя богатого,
как черта рогатого.

* * *

Тесть любит честь,
зять любит взять.

* * *

Свату первая чарка
и первая палка.

* * *

Сватались, сватались,
да все и попрятались.

* * *

Нет паренька,
не отдашь за пенька.

* * *

Ах ты, моя кралечка,
дал бы тебе пряничка,
да ломаного нет.

* * *

Прости меня, ми́ла,
что ты меня била.

* * *

Муж в дверь,
а жена в Тверь.

* * *

Сами кобели,
да еще собак завели.

* * *

Черного кобеля
не отмоешь добела.

* * *

Свинье не до поросят,
коли саму палят.

* * *

Была бы охота, —
найдем и доброхота.

* * *

Какова пелена,
такова ей и цена.

* * *

Надел треух,
так не будь вислоух!

* * *

На чужой сторонушке
рад своей воронушке.

* * *

Где хвост — начало,
там голова — мочало.

⟨НА КАДЕТСКУЮ ГАЗЕТУ «НАШ ВЕК»⟩

Честь в корзинку,
а сам с «Нашим веком» по рынку.

* * *

Живучи на веку —
поклонишься и Колчаку.

* * *

Самодержавно-фараонская плетка —
для белых любимая тетка.

САТИРИЧЕСКАЯ ПЕСЕНКА
СМУТНОЕ ВРЕМЯ. ПОП ЕМЕЛЯ

Ехала свадьба, семеры сани,
Семеры сани, по семеру в са́нях,
Семеро пешками, а всё с бердышками,

Семеро верхами, а всё с мешками.
Навстречу той свадьбе поп-от Емеля,
Поп-от Емеля, крест на ремéни,
Крест на ремени полуторы сажени:
«А боже вам в помочь, духовные дети,
Духовные дети, в чужие-то клети,
В чужие-то клети, молебны пети.
Добро-то берите, а душ не губите».

〈НА А. А. АРАКЧЕЕВА, который в последние годы царствования Александра I из-за частых разъездов царя по стране неумеренно привлекал крестьян к дорожным работам и в поспешности не доводил дел до конца〉

(Хороводная песенка деревенских баб Саратовской губернии)

Аракчеев-дворянин,
Аракчеев .... сын,
Всю Россию разорил,
Все дорожки перерыл.

АПОКРИФИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА

(Из рукописного сборника XVIII века)

Стоит град пуст,
около ево куст,
в кусте старец,
у старца ставец[1],
в ставце уварец[2],
в уварьти перец,
в перьцы горость[3],

[1] *Ставец* — деревянное блюдо (*обл.*).
[2] *Уварец* — варево (*обл.*).
[3] *Горость* — горечь (*обл.*).

в горости сладость,
в сладости смерть старцу.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

1

Стоят вилы,
на вилах — бочка,
на бочке — едало,
на едале — сморкало,
на сморкале — мигало,
на мигале — рожь.

Человек

2

Скручена, связана,
На кол посажена,
А по двору пляшет.

Метла

СКОМОРОШИНЫ

1

Клоун *(говорит, обнимая нарумяненную плясунью)*

А вот, робята, это — Параша.
Только моя, а не ваша.
Хотел было я на ней жениться,
Да вспомнил: при живой жене это не годится.
Всем Параша хороша, да больно щеки натирает,
То-то в Питере кирпичу не хватает.

2

Клоун *(один)*

А еще, робята, что я вам скажу:
Гулял по Невскому пришпехту
И ругнулся по «русскому диалехту».
Ан тут как тут передо мной хожалый:
В фартал, говорит, пожалуй!
За что ж? говорю... — А не ругайся!
Вот за то и в часть отправляйся!
Хорошо еще, что у меня в кармане рупь целковый случился,
Так я по дороге в фартал откупился.
Так вот, робята, — на Невском пришпехте
Не растабарывайте на «русском диалехте».
Так-то!

ЭПИГРАММАТИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ

* * *

Только вышла за ворота —
Два подкидыша лежат:
Одному лет сорок восемь,
А другому — пятьдесят.

* * *

У моей у прялицы
Всё сидели пьяницы.
А тверезый — никогда:
Видно, прялица худа.

* * *

Не форси, залетина,
У вас рубашка тетина.
А штанишки дядины —
Христа ради дадены.

* * *

Я любила сто попов,
А дьяконов триста.
Что хотите говорите,
Моя душа чиста.

* * *

Светит месяц, как целковый,
Часты звезды — пятаки;
Выйду замуж за монаха...
Не замолит ли грехи.

* * *

Я не столько нагуляла,
Сколько начудесила:
Троим голову вскружила,
Семерым повесила.

* * *

Ягодинка, на гуляночку
Бери сестру и мать.
Пускай выберет комиссия,
С которою гулять.

* * *

Поцелуй-распоцелуй,
Моя распоцеловочка.
Раньше славно целовались,
Ныне — забастовочка.

* * *

Мы с миленочком сидели,
Обнимались горячо;
Я ему сломала руку,
Он мне вывихнул плечо.

* * *

Говорил мне дорогой:
«Шибко вечером не пой!
Как услышу голос твой,
не могу стоять с другой».

* * *

Сиротой меня считают.
Я какая сирота?
Я, молоденькая девушка,
Любовью занята!

* * *

Две старухи без зубов
Толковали про любовь:
«Мы с тобою влюблены,
Ты — в кисель, а я — в блины».

* * *

На Распутине рубашка,
Вышивала ее Сашка.
На Распутине порточки,
Вышивали царски дочки.

* * *

Наша Дума-модница —
Богачу угодница;
До бедняги мужика
Ей нужда невелика!

* * *

У реки растет береза,
Зеленеют завитки.
У Антанты зубы долги,
Только лапы коротки.

* * *

Пароход стоит
Возле пристани.
Будем рыбу кормить
Монархистами.

* * *

Дедка с бабкою говели —
Только редьку с квасом ели,
А пришел великий пост —
Их стащили на погост.

* * *

Я иду, а милый пашет,
Пашет землю трактором.
Погуляли да расстались —
Не сошлись характером.

* * *

Я в своей-то красоте
Оченно уверена:
Если Троцкий не возьмет,
Выйду за Чичерина.

* * *

Ой, калина-ка́лина,
Шесть условий Сталина,
Одно из них — Рыкова,
Пять — Петра Великого.

* * *

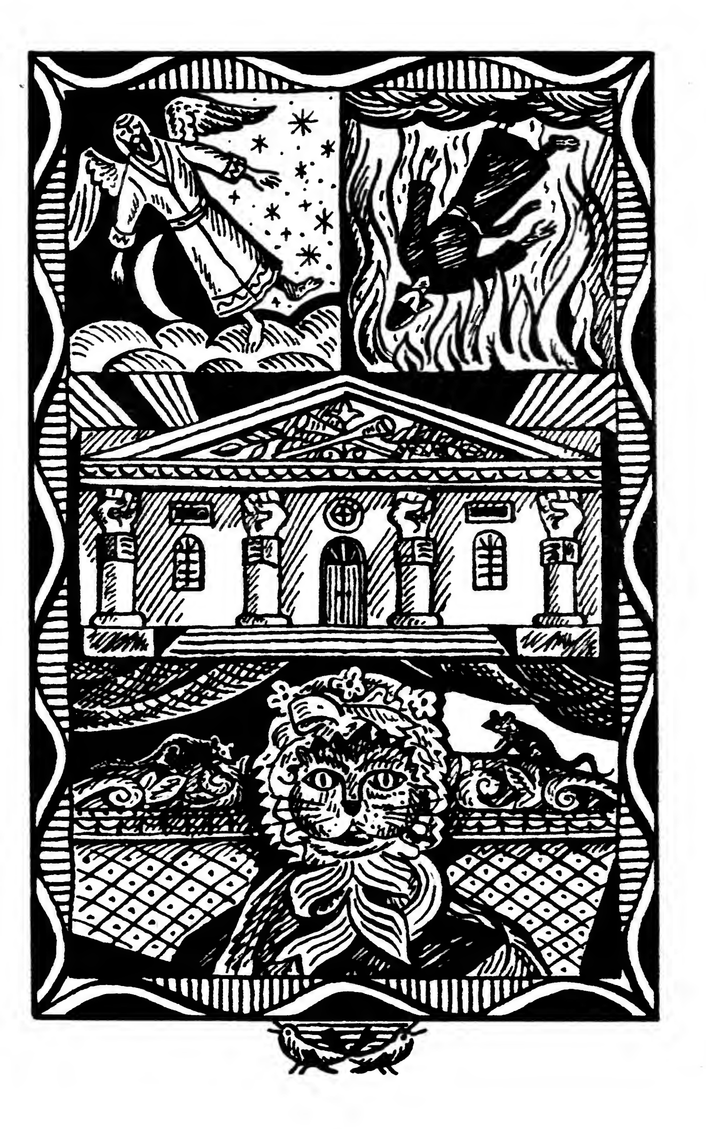
Мы с тобой, товарочка,
Обе комсомолочки,
Мы не сами записались —
Записали дролечки.

* * *

Уж вы, девушки-голубушки,
Не мажьте свои рожи.
Лучше запишитесь
В Союз молодежи.

ОТ ИСТОКОВ ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

1. ⟨ЧТО РАССКАЗАЛ СВЯТОЙ АНДРЕЙ О НОВГОРОДЦАХ, КОГДА ВЕРНУЛСЯ В РИМ⟩[1]

(Из Ипатьевской летописи, XI — начало XII века)

Дивно видѣхъ Словеньскую землю идучи ми сѣмо.
Видѣхъ бани древены,
и пережьгуть е́ рамяно,
и совлокуться, и будуть нази,
И облѣються квасомъ уснияньмъ,
и возмуть на ся прутье младое,
и бьють ся сами, и того ся добьють,
одва вылезуть лѣ живи,
и облѣються водою студеною,
и тако ожиуть.
И то творять по вся дни, не мучими никимже,
но сами ся мучать,
и то творять мовенье собѣ,
а не мученье.

ЭПИГРАММАТИЧЕСКИЕ АФОРИЗМЫ

(Из древнерусских сборников)

* * *

2. Ни птици упущены скоро
можеши опять яти,
ни слова, из уст вылетевша
възвратити можеши и яти.

---

[1] Переводы текстов, помещенных в данном разделе, см. в Приложении (с. 318—324).

* * *

3. Луче молчати,
Негли зле глаголати.

* * *

4. Тогда суд убогым нравиться,
егда судия убогым не богатиться.

* * *

5. Луче есть в утлеи лодьи ездити,
нежели зле жене таины поведати:
она бо точию тело потопить,
а си всю жизнь погубить.

* * *

6. Ленивый гореи есть болнаго:
болныи бо, аще лежить, то не ясть,
а ленивыи и лежить и ясть.

* * *

7. Уне есть слеп очима,
неже слеп сердцем.

* * *

8. Не буди сладок без меры,
егда когда пожруть тя,
не буди без меры горек,
да не отбежать от тебе друг твои.

* * *

9. Уне есть от премудра бьену быти,
неже от безумна маслом помазану быти.

* * *

10. Мир стоит до рати,
а рать — до мира.

Максим Грек

11. СЛОВО НА НИКОЛАЯ НЕМЧИНА, ПРЕЛЕСТНИКА И ЗВЕЗДОЧЕТЦА

Миру убо преставление предвозвещати спешил еси, о Николае, повинувся звездам, внезапное же житиа твоего раззорение предрещи не возмогл еси, ниже предъуведети.

Что твоего безумиа безумнейше!

То убо воистину суетныя есте премудрости учителе, елицы непщуете звездами обноситися всем, ваше же безчастие не можете предъуведети, яко же глаголет Леонид:

«Волхвы, елицы смотряете звездное шествие,
Изчезнете, суетныя премудрости сущи лжи учителе;
Вас смельство родило, безумие воспитало,
Иже ни свое безчастие можете предъуведети».

Симеон Полоцкий

ВЕРТОГРАД МНОГОЦВЕТНЫЙ

12. ИЗ ЦИКЛА «ОБЛИЧЕНИЕ»

Идеже[1] место несть обличению,
тамо свобода грехов творению.

---

[1] *Идеже* — где.

13. ПРАВДА

Знающе[1] правду, а о ней молчати —
есть злато в землю тщетно закопати.

14. НИЩЕТА ЦАРЕЙ

Царие и князи, суще пребогати,
обыкоша скудость едину страдати:
Много рабов имуть, сокровище в злато
соблюдают иным зело пребогато,
Но нищи суть в други правду глаголивы, —
вси бо по их воле глагол деют лстивы.

15. ИЗ ЦИКЛА «МОНАХ»

1

Огонь есть со сеном — инок со жена́ми,
не угасимый многими водами.

2

В кремень железо тогда ударяет,
егда пол женский инока касает.

16. ИЗ ЦИКЛА «ПОХОТЬ»

Похоть псу есть подобна: гонима — гонзает[2],
аще[3] же питается — в тебе пребывает.

---

[1] *Знающе* — зная.
[2] *Гонзает* — бежит.
[3] *Аще* — если.

17. СЛЕПЕЦ

Слепец аще слепцу руководж бывает, —
и вождь, и водимый во яму падает.

18. ИЗ ЦИКЛА «НЕВЕЖДА»

Невежда ученого елма[1] поучает,
слепец очитого[2] мужа провождает.

19. ИЗ ЦИКЛА «ЗАВИСТЬ»

Яко[3] ехидну плод чрева снядает,
тако завистна зависть умерщвляет.

20. ДИОГЕН

Диоген-философ егда умираше,
от друг обстоящих вопрошаем бяше[4],
Где изволит телу погребенну быти.
«Изволте мя, — рече, — в поли положити
На версе земленнем»[5]. Они отвещают:
«Тамо тело твое звери растерзают».
Он рече: «Палицу при мне положите».
Они: «Что ти есть в ней, друже нарочите[6]?
Не почюеши бо[7], сый[8] души лишенный».
Он же: «Вскую убо[9] бываю смущенный?
Аще не почую, звери не досадят,
егда растерзавше тело мое снядят[10].
Где-либо хощете, тамо погребите,
мне во ин век с миром отити дадите»[11].

---

[1] *Елма* — в то время как. [2] *Очитого* — зрячего. [3] *Яко* как. [4] *Бяше* — был. [5] *На версе земленнем* — здесь: на насыпном холме. [6] *Друже нарочите* — друг почтенный. [7] *Бо* — ибо. [8] — *Сый* — своей. [9] *Вскую убо* — почему же. [10] *Снядят* — Съедят. [11] *Мне во ин век с миром отити дадите* — мне в иной мир с миром отойти дадите.

21. КОНЦА ЗРЕТИ

Егда хочщеши дело начинати,
конец первее требе разсуждати.

Евфимий Чудовский

22. 〈НА СБОРНИК ПРОПОВЕДЕЙ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО «ОБЕД ДУШЕВНЫЙ»〉

Новосоставленная книга сия «Обед»
подвлагает[1] снедь, полну душетлительных бед.

23. СЛАВА

Уне есть мясо ясти[2], вино сладко пити,
неже ближняго славу злым словом вредити.

24. МАМОНА

Иже любити сребро подущает,
той ся Мамона-демон нарицает.
Кто убо сребро, той Мамону любит,
обема служя, душу свою губит.

25. МОНАХ

Часто преносимое древо не рождает.
Монах, часто бегаяй[3], бесплоден бывает.

---

[1] *Подвлагает* — предлагает. [2] *Уне есть мясо ясти* — лучше мясо есть. [3] *Бегаяй* — бегающий, то есть меняющий монастыри.

26. ИНОК

Зле умыслил человек иночествовати,
иже бысть инок, хотя празден пребывати.
Иже в мире рукама пищу си стяжаше
и от трудов никогда престати можаше.
Быв же инок, нимало трудов полагает,
но, праздно живя, труды чуждыя глощает.
Тунеядец не инок сей должен ся звати,
ни удобь спасение возможет стяжати.
Аще бо плотска праздну Павел бранит хлеба,
наипаче тунеядец лишен пищ неба.

Федор Иванов, дьякон Благовещенского собора в Московском Кремле, старообрядец

27. ИЗ СОЧИНЕНИЯ «О ПОЗНАНИИ АНТИХРИСТОВОЙ ПРЕЛЕСТИ»[1]

О прелесте! понеже еси пестра:
церковные стены созидаются,
законы же ея разоряются
и злохульно укоряются.
О прелесте! понеже еси пестра:
иконное поклонение почитается,
образы же святые яко непотребны отменяются.
О прелесте! понеже еси пестра:
причастие, тело и кровь Христову исповедуют,
тайнодейства же ея еретичеством оглаго́луют.
О прелесте! понеже еси пестра:
правоверием нарицается,
благоверные же побиваются.

[1] *Прелесть* — здесь: обман.

Сильвестр Медведев

28. ⟨НАДПИСЬ ДЛЯ ГРАВИРОВАНИЯ ПОД ИКОНОЙ⟩

От древа крестна диавол связася,
люта и злоба и прелесть попрася
Древом челюсти сомкнушася ада
человеком бысть нехищна отрада.

Мардарий Хоников (Ханыков), справщик Печатного двора

29. ПРИПОВЕСТЬ

Людие суть ⟨очи яко⟩:
Иных видят, себе ж никако;
⟨Вне дома островижёвы[1]⟩,
В дому же своем кротовы.

Феофан Прокопович

ЭПИГРАММЫ, СОЧИНЕННЫЕ НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

* * *

30. Nobitium antistes vesanus amor equorum
Qui mirari unquam nil nisi novit equos
Nunc jam donat equos, proceros dum praestat avaros
Quos sibi propicios conciliare studet.
Donat equos, brutisque datis veneranda supremi
Munera Pontificus vanus equiso rogat.
Nec vero mirum est, cupit hoc quod cultor equorum
Dum tibi Consul equus, Roma profana fuit.

---

[1] *Островижёвы* — зорки.

31. AD SARTOREM

Fecisti collare mihi, mi sartor, hiatu,
Armosi caperet quod bene colla bovis;
Non accepto: geris morem, collare resarcis,
Sed fiexo digitis structius orbe facis.
Unde in me tantum tibi jus est, improbe? damnas
Ad laqueum, quoniam ferre recuso jugum.

32. IN MORAM STELLERI MEDICI

Dum bonus aegroto quaerit medicamina Steller
lenta morte animam squalidus aeger agit.
Ducitur et funus, lacrimae et siccantur amicis,
riteque legatae distribuuntur opes.
Omnis Stellerum condemnat turba moratum,
haerens, cur equidem, nescio, salus amat.
Tum redit et medicus, faciesque irascit ipsis
praevertit reditum quod fera parca suum.

ИЗ ЭПИГРАММ, СОЧИНЕННЫХ НА ДВУХ ЯЗЫКАХ — ЛАТИНСКОМ И РУССКОМ

33. EPITAPHIUS

Ridebas, o Adam! curas mundi hujus inanes,
tu quoque stultitiae pars aliquanta suae,
Scilicet ut vanos multi sectentur honores
seque has ante diem tabe sitique necent:
Utque alii insomnes ducant noctesque diesque,
quo ibi pestiferae conglomerentur opes:
Utque etiam dominos qui prensat saepe potentes,
nil miserum, quod agant, nil sibi turpe putent.
Cuncta haec ridebas. Sed caelum raptus in altum,
Majore irrides extenuasque joco.

Nos vero ereptos plures tibi plangimus annos;
sed quia et hoc rides, plangere desinimus.
Ita lugens canebat aemulus ejus et commilite
Samuel Tezka, seminarii Theophanej curator.

* * *

34. Ante diem, Luca, proprias invadis in arcas,
Exhauris vacuas, exonerasque leves,
Spargis opes, sed quae nondum tua scrinia rumpunt
Das multum, dum te constat habere parum.
Crede mihi, inverso, Luca, res ordine tractas,
Sis primum condus, postea promus eris.

ПЕРЕЛОЖЕНИЯ С ЛАТИНСКОГО

35. К СЕЛИЮ

(Из Марциала)

Говорит, что бога нет, Селий богомерзкий,
и небо пустым местом зовет злодей дерзкий,
А тем утверждается в догмате нечистом,
что хорошо разжился, как стал афеистом.

36. К СЛОЖЕНИЮ ЛЕКСИКОВ[1]

(Из Ж.-С. Скалигера)

Если в мучительские осужден кто руки,
ждет бедная голова печали и муки.
Не вели томить его делом кузниц трудных,
ни посылать в тяжкие работы мест рудных.
Пусть лексики делает: то одно довлеет,
всех мук роды сей один труд в себе имеет.

---

[1] *Лексики* — словари.

Антиох Дмитриевич Кантемир

37. НА САМОЛЮБЦА[1]

Наставляет всех Клеандр и всех нравы судит:
тот спесив, тот в суетах мысли свои нудит;
Другой в законе не тверд, и соблазны вводит,
и науки новостью в старый ад нисходит, —
Наведи и на себя, Клеандр, зорки очи,
не без порока и ты; скажу, нет уж мочи:
Самолюбец ты, Клеандр; все, кроме тя, знают:
слепец как ведет[2] слепца, в яму упадают.

38. НА БРУТА

Умен ты, Бруте, поруку тому счесть устанешь;[3]
да и ты же, Бруте, глуп. Как то может статься?
Изрядно, и, как я мню, могу догадаться:
умен ты молча; а глуп, как говорить станешь.

39. НА СТАРУХУ ЛИДУ

На что Друз Лиду берет?[4] Дряхла уж и седа,
с трудом ножку воробья[5] сгрызет в пол-обеда. —
К старине охотник Друз: в том забаву ставит;
Лидой медалей число собранных прибавит[6].

---

[1] Сия эпиграмма содержит описание человека самолюбивого, который всех, кроме своих, дела хулит. Писана, как и следующие ⟨две⟩ в Москве 1730 года. *(Примеч. А. Д. Кантемира.)* [2] *Слепец как ведет.* — Когда слепец ведет слепца, оба упадут в яму; так, когда злонравный злонравного наставляет, оба гибели не избегнут. *(Примеч. А. Д. Кантемира.)* [3] *Порук тому счесть устанешь.* — Все тебя, Бруте, умным признают, все о том как бы ручиться готовы. *(Примеч. А. Д. Кантемира.)* [4] *Лиду берет.* — В жены берет, женится на Лиде. *(Примеч. А. Д. Кантемира.)* [5] *С трудом ножку воробья.* — За слабость или затем, что все зубы выпали с старости.

40. САТИРИК К ЧИТАТЕЛЮ

Кольнул тя? Молчи, ибо тя не именую.
Воплишь? Не я — ты выдал свою злобу злую.

Неизвестные авторы XVII — первой половины XVIII века

СТИХИ, ВЫПИСАННЫЕ ИЗ КНИГИ ПОЛСКОЙ ЯНА КОХАНОВСКОГО

41. НА МЛАДОСТЬ

Яко без весны лето быти хотят,
Иже прежити младым в твердости мнят.

42. НА СТАРОСТЬ

Бедная старость, вси тебе желаем,
Внегда же уже будеши, рыдаем.

43. НА СМЕРТЬ

Прелестный мире, яко же се зрится,
Почих аз, паче сей многим глумится.

(Примеч. А. Д. Кантемира.) [6] *Лидой медалей число собранных прибавит.* — Медалями называют старинные деньги. Многие охотники собирают такие медали, и то не без пользы, понеже к изъяснению хронологии много спомоществуют. Стихотворец наш Лиду-старуху приуподобляет старинным деньгам. *(Примеч. А. Д. Кантемира.)*

УЧИТЕЛЯ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ

44. СТИХОСЛОВИЕ К ЭМБЛЕМЕ,

изображающей Какуса, иже[1] пасомые кравы[2] Геркулеса покрал, а дабы следу до его вертепа[3] не было, за ошибы[4] сия втащил, и тако следы не в вертеп, но из вертепа идущих явился с надписанием:

«Хитрое хищение, но праведным мужеством преухищенно будет»

(Из серии картин на триумфальных вратах в день вступления в Москву русских полков под предводительством Петра I после отвоевания Нарвы у шведов)

19 декабря 1704 года

Похитил кравы Какус, след (зри) погубляет,
обманути крепкого Геркулеса чает.
Тожде творит хитрый швед под именем права:
«Моя есть Ижёрская — глаголет — держава.
Зри, хитрче[5], се Алцыдес крепкий близ вертепа,
отзовется, чия есть в хитрости заклепа[6].

[1] *Иже* — который. [2] *Кравы* — коровы. [3] *Вертеп* — пещера. [4] *Ошибы* — хвосты. [5] *Хитриче* — хитрец. [6] *Отзовется, чия есть в хитрости заклепа* — выяснится, у кого больше смекалки.

45. ЛЮБОВЬ И НАД СИЛЬНЫМИ ВЛАСТЬ ИМЕЕТ

Александр 360 наложниц имяше[1],
обаче[2] ему Таис всех любезнее бяше.
Его же та едина на гнев привождаше,
купно же увеселитися оного творяше.

46. ВЕНЕРЫ ЛЮБОВЬ, ЯКО ДЫМ

Яко же дым скоро ся являет,
явившся же, во мгновение ока исчезает,
Тако Венера скоро ся являет,
но оныя любовь, яко дым, исчезает.

47. ЭПИТАФИЯ СКУПОМУ

Зде погребен, который не давал никóму,
хотя было довольно в сундуке и в дому.
Днесь ему за то руки по смерти связáно,
дабы не могл отобрать, что по нем забрано.

---

[1] *Имяше* — имел. [2] *Обаче* — однако.

48. НА ЖЕНУ-БЕЛОРУЧКУ

Казалось, будто добра господыня,
но сей промыслом пуст весь дом и скриня[1].
Не работает, токмо отдыхает.
Не всяка кошка ловушка бывает.

49. ИЗ ФАЦЕЦИЙ

1

Верь ми, егда жену получиши упряму и сварливу,
не даст ти поспати, яко кашель, во всю ношну годину.

2

Воистину не всякому злу демон нас научает,
егда кой человек сам в злых делех присно[2] пребывает.

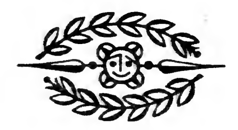
50. РАСКАИВАЮЩЕМУСЯ ЧЕРНЕЦУ

Чернец тот, что ономнясь[3] чрезмерну охоту
имел ходить в клобуке на всяку работу
И в церкви легко сказывал, прося со слезами,
чтобы он был в счете с ангельскими чинами[4],

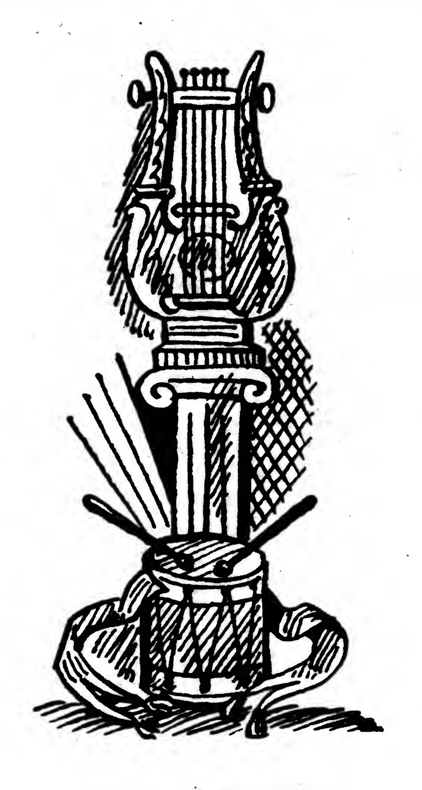
---

[1] *Скриня* — здесь: закрома. [2] *Присно* — всегда. [3] *Ономнясь* — недавно. [4] *Чтобы он был в счете с ангельскими чинами* — то есть принял монашеский чин, который считался низшим ангельским чином.

А ныне не то поет: рад бы скинуть рясу, —
скучили уж сухари, полетел бы к мясу.
Рад к черту в товарищи, лишь бы бельцом быти[1],
нет уж мочи ангелом в слабом теле слыти.

[1] *Бельцом быти* — здесь: порвать с монашеством, стать мирянином.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА

Василий Кириллович Тредиаковский

НА ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ БЫ ТОЛЬ БЫЛ ЗОЛ, ЧТО И ВСЯ ФАМИЛИЯ ЕГО ТЕМ ЖЕ ЗЛОНРАВИЕМ ПОВРЕДИЛАСЬ

Зол ты, друг! Зла жена, дети злы, зла сватья;
Правда, игумен каков, такова и братья.

НАДПИСЬ НА С⟨УМАРОКОВА⟩

Кто рыж, плешив, мигун, заика и картав,
Не может быти в том никак хороший нрав.

⟨НА М. В. ЛОМОНОСОВА⟩

Хоть, глотку пьяную закрыл, отвисши зоб,
Не возьмешь ли с собой ты бочку пива в гроб?
И так же ли счастлив мнишь в будущем быть веке,
Как здесь у многих ты в приязни и опеке?
Никак там твой покров ⟨и черт и⟩ сатана?
Один охотник сам до пива и вина,
Другой за то тебя поставит в аде паном,
Что крюком в ад влечет, а ты — большим стаканом.

Михаил Васильевич Ломоносов

* * *

Отмщать завистнику меня вооружают,
Хотя мне от него вреда отнюдь не чают,
Когда Зоилова хула мне не вредит,
Могу ли на него за то я быть сердит?
Однако ж осержусь! Я встал, ищу обуха;
Уж поднял, замахнул... А кто сидит тут? Муха!
Коль жаль мне для нее напрасного труда.
Бедняжка, ты летай, ты пой, мне нет вреда.

НА ПРОТИВНИКОВ СИСТЕМЫ КОПЕРНИКА

Случились вместе два Астрóнома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: Земля, вертясь, вкруг Солнца ходит;
Другой, что Солнце все с собой планеты водит;
Один Коперник был, другой слыл Птоломей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: «Ты звезд теченье знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?»
Он дал такой ответ: «Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такого,
Который бы вертел очаг вокруг жаркого?»

* * *

Женился Стил, старик без мочи,
На Стелле, что в пятнадцать лет,
И, не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись, оставил свет.
Тут Стелла бедная вздыхала,
Что *на супружню смерть не тронута взирала.*

Александр Петрович Сумароков

* * *

Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор:
Когда подьячему в казну исправно с году
Сто тысячей рублев сбирается доходу,
Честной ли человек подьячий тот иль вор?

* * *

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.
Конечно, голова в почтенье меньше ног.

* * *

«Я обесчещена», — пришла просить вдова.
Однако знал судья, кто просит такова.
«Чем?» — спрашивал ее. «Сегодня у соседа, —
Ответствовала та, — случилася беседа.
Тут гостья на меня так грубо солгала:
Уж ты-де во вдовстве четы́рех родила».
Судья ей говорит: «Плюнь на́ эту кручину;
Стал свет таков, всегда приложат половину».

* * *

Всем сердцем я люблю и вся горю, любя,
Да только не тебя.

* * *

Коль мыслишь, я любовь свою к тебе скончала,
Так ищешь тут конца, где не было начала.

* * *

Милон на многи дни с женою разлучился,
Однако к ней еще проститься возвратился,
Она не чаяла при горести своей,
Что возвратится он опять так скоро к ней,
Хотя ей три часа казались за неделю,
И от тоски взяла другого на постелю.
Увидя гостя с ней, приезжий обомлел.
Жена вскричала: «Что ты, муж, оторопел?
Будь господин страстей и овладей собою;
Я телом только с ним, душа моя с тобою».

ЦЫГАНКА

Цыганку женщина дарила
И говорила:
«Рабенка я иметь хочу,
Ты сделай мне, я это заплачу».
Цыганка говорит на эту речь погану:
«Поди к цыгану».

НЕВЕСТА ЗА СТОЛОМ

Невеста за столом сидела.
Пора вести невесту на подклет[1];
Во ужине ей нужды нет:
Не ради этого она венчалась дела,
Она и у себя в тот день довольно ела.
Зевает девушка, томя девичий взгляд,
И говорит: «Я мню, давно уже все спят».

---

[1] *Подклет* — нижний этаж деревянного дома, предназначенный для жилья или оборудованный под кладовые.

ПОСОЛ ОСЕЛ

В Венеции послом шалун какой-то был,
Был горд, и многим он довольно нагрубил.
Досадой на него венециане дышут
И ко двору о том, отколь посол был, пишут.
Там ведают уже о тьме посольских врак.
Ответствуют: «Его простите,-он дурак.
Не будет со ослом у человека драк».
Они на то: «И мы не скудны здесь ослами,
Однако мы ослов не делаем послами».

Александр Васильевич Суворов

⟨НА Г. А. ПОТЕМКИНА⟩

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет,
Одной ногой разит он друга и врага,
Другою топчет он вселенны берега.

АНОНИМНАЯ ЭПИГРАММА НА ПАМЯТЬ КОНЧИНЫ КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО

Прохожий, помоли всевышнего творца,
Что сей не разорил России до конца.

Иван Семенович Барков

ДИОНИСИЯ КАТОНА ДВУСТРОЧНЫЕ СТИХИ О БЛАГОНРАВИИ К СЫНУ

1. ДЕЛА РАЗУМОМ УПРАВЛЯТЬ

Коль безрассуден ты и нерадив собою,
Фортуны, коей нет, не называй слепою.

2. УБЕГАТЬ ГНЕВЛИВОСТИ

Не зная дела в-точь, не спорь с великим жаром.
Не может истины зреть ум во гневе яром.

ВЫБОР

Муж спрашивал жены, какое делать дело:
«Нам ужинать сперва иль еться зачинать?»
Жена ему на то: «Ты сам изволь избрать.
Но суп еще кипит, жаркое не поспело».

Адриан Илларионович Дубровский

ОВЕНОВЫ ЭПИГРАММЫ

1. МУЖ С ЖЕНОЮ

Как несогласны мы, для нас мал целый двор.
Согласным; на одной постеле нам простор.

2. ПРЕЛЮБОДЕЙ

Я сделал сих детей, не я слыву отец;
Так и овечья шерсть не служит для овец.

3. НА ПЛЕШИВОГО

Не мог я никогда сочесть волос своих,
Не мог и ты своих, затем что нету их.

ЭПИТАФИИ НА СКУПОГО

1

Я в жизнь мою имел богатство неисчетно,
Однако никому то не было приметно.
Не знаешь, для чего? Ответ я дам один:
Я был вещей моих слуга, не господин.

2

Читатель, знай, что здесь зарыт лежит богатый,
Кой не дал ничего по смерть, не взявши платы;
Смотри, чтоб и с тебя не попросил чего,
Затем что ты прочел надгробие его.

Михаил Матвеевич Херасков

ЭПИТАФИЯ ПОДЬЯЧЕМУ

За взятки и грабеж подьячий здесь повис.
Вверх тело поднялось, душа спустилась вниз.

* * *

Поветрие[1], война опустошают свет,
А более всего рецепты да ланцет.

* * *

Наш медик в рот больным без счету капли льет,
Однако от того ни капли пользы нет.

Андрей Андреевич Нартов

НА УЧЕНОГО БОМБАСТА

Бомбаст на всякий день книг по сту покупает,
Чтоб тем о знании своем уверить свет.
Он не обманет нас: он ничего не знает;
Не любит книг совсем, но любит переплет.

Ипполит Федорович Богданович

ПОНЕЖЕ[2]

Понеже говорят подьячие в приказе[3]:
Понеже без него не можно им прожить,
Понеже слово то показано в указе,
Понеже в выписке оно имелось быть,
Понеже секретарь им сделался в заразе,
Понеже следует везде его гласить,
Понеже состоит вся сила в их понеже,
Затем и не живет у них *понеже* реже.

---

[1] *Поветрие* — здесь: эпидемия.
[2] *Понеже* — поскольку (канцеляризм XVIII в.). [3] *Приказ* — судебное учреждение.

ВКУС ВОЗРАСТА

Игрушки свойственны во время первых лет,
И свойственно любить, когда любить прилично,
А умными тогда бываем мы обычно,
Как свет оставит нас и мы оставим свет.

⟨ЭПИГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ⟩

1

Не всё то в печку стелют,
Что бабы трут да мелют;
Не всё то суд,
Что в мире врут.

2

Людское сердце не лукошко,
И не прорежешь в нем окошка.

3

В согласном стаде волк не страшен,
И храбрость крепче стен и башен.

4

Благовоспитанному сыну
Отцов приказ не ломит спину.

5

Не делай милости злодею,
Чтоб после милостью твоею
Не сел другому он на шею.

ОТ ЗРИТЕЛЯ КОМЕДИИ «НЕДОРОСЛЯ»

Почтенный Стародум,
Услышав подлый шум,
Где баба непригоже
С ногтями лезет к роже,
Ушел скорей домой.
Писатель дорогой!
Прости, я сделал то же.

Василий Иванович Майков

⟨НА ПЕРЕВОД «ЭНЕИДЫ» ВЕРГИЛИЯ В. П. ПЕТРОВЫМ⟩

Коль сила велика российского языка:
Петров лишь захотел — Вергилий стал заика.

Иван Иванович Хемницер

⟨НА В. И. МАЙКОВА⟩

Что М⟨айков⟩ никогда, писав, не упадал,
Ты правду точную сказал.
Я мненья этого всегда об нем держался:
Он, сколько ни писал, нигде не возвышался.

⟨ЭПИГРАММАТИЧЕСКИЕ АФОРИЗМЫ⟩

1

Все любят истину, да с разницею той,
Чтоб сказана была она на счет чужой.

2

Он умер, чтоб расход на кушанье сберечь.

3

Что пользы в тишине, когда корабль разбит?

4

Рай на лице ее, однако в сердце ад.

Николай Александрович Львов

ЭПИТАФИЯ И. И. ХЕМНИЦЕРУ

Жил честно, целый век трудился
И умер гол, как гол родился.

Михаил Иванович Попов

* * *

Негодный лицемер, скрыв яд в душе своей,
Обманывает век и бога и людей
И мнит, что бог ему все плутни отпускает
За то, что всякий день он церкви посещает.

* * *

Когда смеются мне, что я рога ношу,
И я смеюся сам: рогатых поношу;
Но те, у коих лоб тягчат рога простые,
Те правда что смешны; а я ношу златые.

Николай Максимович Яновский

* * *

Олень, как говорят о нем натуралисты,
Переменяет в год рога один лишь раз;
Но муж любезныя и дорогой Калисты
Переменяет их почти чрез всякий час.

Василий Григорьевич Рубан

НАДПИСЬ ГОРДОМУ ВЕЛЬМОЖЕ

Надменного в сей день увидел я вельможу,
Кой преклонить свою за тяжесть ставит рожу.
Я кланялся ему, он не нагнулся мне.
Конечно, у него сел чирий на спине.

Павел Иванович Фонвизин

ИСКУСНЫЙ В МИТОЛОГИИ

Кай в митологии искусен без примера,
Понеже испытал, что Бахус, что Венера.

Гавриил Романович Державин

ЭКОНОМКА

Расчетисто ведешь ты дом, хозяйка, твой:
Скончался муженек — в запасе есть другой.

〈ЭКСПРОМТ,

внесенный в тетрадь, в которую Ф. П. Львов записывал свои стихи〉

Пиши, о Львов, пиши
Ты чувствия твоей души, —
И не пиши ты ничего иного,
Поэт ты будешь века золотого!

КОРОЛЬ И ЦИРЮЛЬНИК

Рассказчик-брадобрей, брить короля сбираясь,
В восторге возгласил: «О! Как дерзну, касаясь,
Снять с царского лица брады сребристый куст?»
Монарх ему в ответ: «Не отверзая уст».

НА ПТИЧКУ

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту;
А ей твердят: «Пой, птичка, пой».

Анонимная эпиграмма

ДЕРЖАВИНУ

Когда тебе весы Фелица поручала
Заплакала она, как будто предвещала,
Что верными вовек их не видать:
Ты все их искривил, стараясь поправлять.

Иван Иванович Бахтин

* * *

Как будто за разбой вчерашнего дни, Фрол,
Боярин твой тебя порол.
Но ништо, плут, тебе! Ведь сек он не без дела:
Ты чашку чаю нес, а муха в чай влетела.

Дмитрий Иванович Хвостов

ЭПИТАФИЯ МУЗЫКАНТУ ХАНТОШКИНУ

Прохожий, здесь лежит Хантошкин — наш Орфей.
Дивиться нечему, — у смерти нет ушей.

ВРАЧУ

Что ты лечил меня, слух этот, верно, лжив, —
Я жив.

Василий Васильевич Капнист

* * *

Все хвалят искренность; всяк говорит: «Будь прям»,
А скажешь правду — по зубам.
Что ж делать? — Возносить моленье:
«О боже! положи устам моим храненье!»

* * *

К свободе Русь не подросла:
Не гни холодного стекла.

* * *

Не нужны сильному похвалки.
Не говори: «Побью». Ведь два конца у палки.

* * *

Одним язы́ком нас владыка,
Двумя ушами одарил.
Зачем? — Догадка невелика:
Чтоб больше слушал ты, а меньше говорил.

* * *

«Ты под ручной заклад
Ссужаешь, милый сват,
Друзей твоих деньгами, —
Возьми жену мою, а дай мне сто рублей.
Я в срок, как водится меж добрыми друзьями,
Тебе их заплачу, ей-ей,
И неустойкой ты меня не опорочишь».
«Нет, братец, — отвечает друг. —

Ну, если да просрочишь,
Как сбыть ручной заклад твой с рук?»

НА СБОРНИК «СОЧИНЕНИЙ»

Капниста я прочел и сердцем сокрушился:
Зачем читать учился.

Дмитрий Петрович Горчаков

* * *

Попам заграждена всегда во ад дорога —
Боятся дьяволы великих их затей
И мнят: когда в живых они едали бога,
То здесь немудрено поесть им всех чертей.

* * *

Не попусту Вольтер монахов ненавидел,
Недаром лил на них ток гнева своего:
Он в жизни, верно, то с досадою предвидел,
Что их воспитанник переведет его.

СОЧИНИТЕЛЮ ОПЕРЫ «МЕЛЬНИКА»

Все лица в «Мельнике» мне кажутся на стать.
Один лишь мерин в нем немножечко негоден,
Однако же и тот с натурой был бы сходен,
Когда бы автор сам взялся его играть.

Панкратий Платонович Сумароков

* * *

Тафты, атласы и перкали,
Алмазы, жемчуги и кашемирски шали,
Линоны, кружева, батисты, тарлатан,
Да фунтов несколько притом белил, румян
В карете а́глинской двухтысячной катают
И модной дамою сей сверток величают.

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Портрет сей бесподобен!
Со мною скажет то весь свет.
Души в нем только нет;
Но тем-то более он с подлинником сходен.

ОТВЕТ НА ВОПРОС: ЧТО ЗА ЛЮДИ ДАНТИСТЫ?

Приемы их довольно грубы:
Они стараются чужие зубы
Как можно чаще вырывать,
Чтобы своим зубам доставить что жевать.

* * *

Как Злобин каменной болезнью захворал,
Причины оному никто не понимал.
Мне ж показалося не чудно то нимало:
Знать, сердце Злобина в пузырь к нему ниспало.

* * *

Ты знаешь все, мой друг, но кроме одного,
А именно, что ты не знаешь ничего.

* * *

Какое сходство Клит с календарем имеет?
Он лжет и не краснеет.

* * *

На Клита, верно б, я сатиру сочинил,
Когда бы стоил он бумаги и чернил.

* * *

Клав, борзый наш поэт,
Одною славою питается шесть лет:
Так мудрено ли же, что худ он, как скелет?

Дмитрий Васильевич Дягилев

* * *

У Клита некогда спросил не помню кто:
«Зачем он охранять прилежно деньги тщится?»
А Клит в ответ ему на то:
«Боюся, чтоб друзей мне с ними не лишиться».

Иван Иванович Дмитриев

ОТВЕТ ⟨М. Т. КАЧЕНОВСКОМУ⟩

Нахальство, Аристарх, таланту не замена,
Я буду все поэт, тебе наперекор!
А ты — останешься все тот же крохобор,
Плюгавый выползок из гузна Дефонтена.

НА ЖУРНАЛЫ

Как этот год у нас журналами богат!
И «Вестник от карел», и «Просвещенья сват»,
«Аврора» и «Курьер московский» — не Европы,
А грузный «Корифей» — дорожник на Парнас...
Какой для чтения запас!
А более для...

* * *

«Я разорился от воров!»
«Жалею о твоем я горе».
«Украли пук моих стихов!»
«Жалею я об воре».

* * *

Мне лекарь говорил: «Нет, ни один больной
Не скажет обо мне, что недоволен мной!»
«Конечно, — думал я, — никто того не скажет:
Смерть всякому язык привяжет».

* * *

Поэт Оргон, хваля жену свою не в меру,
В стихах своих ее с Венерою сравнял.
Без умысла жене он сделал мадригал
И эпиграмму на Венеру!

СУПРУЖНЯЯ МОЛИТВА

Один предобрый муж имел обыкновенье,
Вставая ото сна и отходя ко сну,
Такое приносить моленье:
«Хранитель ангел мой! Спаси мою жену!
Не дай упасть ей в искушенье!
А ежели уж я... не дай про то мне знать!
А если знаю я, то дай мне не видать!
А если вижу я, даруй ты мне терпенье!»

НАДПИСЬ К АМУРУ

Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно,
А иначе навек несчастливо оно.

Николай Петрович Николев

* * *

«В веселье видел я Филата:
Конечно, до́быча богата».
«А чем торгует он?»
«Да продает закон».

〈НА Н. М. КАРАМЗИНА〉

Был я в Женеве, был я в Париже,
Спесью стал выше, разумом ниже.

Николай Михайлович Карамзин

НАДПИСИ[1]
НА СТАТУЮ КУПИДОНА

1. НА ГОЛОВУ

Где трудится голова,
Там труда для сердца мало;
Там любви и не бывало;
Там любовь — одни слова.

2. НА ГЛАЗНУЮ ПОВЯЗКУ

Любовь слепа для света
И, кроме своего
Бесценного предмета,
Не видит ничего.

3. НА СЕРДЦЕ

Любовь — анатомист: где сердце у тебя,
Узнаешь, полюбя.

---

[1] Сочинитель сих надписей увидел в одном доме мраморного Амура и с позволения хозяйки исписал карандашом с головы до ног. *(Примеч. Н. М. Карамзина.)*

4. НА НОГУ

Когда любовь без ног? Как надобно идти
От друга милого, сказав ему: «Прости!»

Неизвестные авторы второй половины XVIII века

〈НА ПОВЕСТЬ Н. М. КАРАМЗИНА «БЕДНАЯ ЛИЗА»〉

Здесь бросилася в пруд Эрастова невеста.
Топитесь, девушки: в пруду довольно места.

ОТВЕТ ЧЕСТНОГО МУЖА

Один другому предлагал:
«Не хочешь ли побиться лбами?»
Другой на то ему сказал:
«Мой гладок лоб, а твой — с рогами».

* * *

«Мне сказывал Милон,
Что беса видел он.
Увидевши его, бедняжка испугался,
С ослиными ушми тот бес ему казался...»
«Ошибся твой Милон... Личину зря сию,
Он видел тень свою».

* * *

Хотел было писать на плута я сатиру,
Чтоб плутнями не смел вреда он делать миру.
Но после рассудил: стихов боится ль плут?
На плута лучшая из всех сатира — кнут.

СЧАСТЬЕ

Как счастье сделает приятный оборот,
Появится тогда родня и у сирот.

* * *

Хоть денег у тебя и не один ларец,
Но ты не господин им, а копец.

ОТПЛАЧЕННАЯ НАСМЕШКА

Хотевши государь министру насмеяться,
Который от него не раз бывал послом,
Нарек его ослом.
Министр не захотел в сем звании остаться
И так сказал ему в ответ:
«Осел ли я иль нет,
Я этого не знаю,
О сем я никогда еще не размышлял,
Но это, государь, я часто вспоминаю,
Что вашу я не раз особу представлял».

〈НА П. В. ЛОПУХИНА〉
1. ГРАММАТИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ М〈ИНИСТРА〉 Ю〈СТИЦИИ〉 Л〈ОПУХИНА〉

Вопрос

В изображенье сем что за похабна рожа?

Ответ

Министр юстиции — светлейшая вельможа.

Вопрос

Да как достигнул он сей знати?

Ответ

Он сводник и отец известной Благодати.

2

Не два и не один ограблен,
А целый бедных миллион;
Но тот злодей судом оправлен,
И сам судьею сделан он.

РАЗГОВОР

Первый

Не все хвали царей дела.

Другой

Что ж глупого произвела
Великая Екатерина?

Первый

Сына!

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ЕКАТЕРИНЫ

Дивились нации предшественнице Павла:
Она в делах гигант, а он пред нею карла.

⟨НА ПАВЛА I⟩

Похож на Фридриха, скажу пред целым миром, —
Но только не умом, а шляпой и мундиром.

⟨НА ПАВЛА I⟩

Не венценосец ты в Петровом славном граде,
Но варвар и капрал на вахтпараде.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

Иван Петрович Пнин (?)

КАРИКАТУРА

(Подражание английскому)

«Что это, кумушка? — сказал Медведь Лисице, —
Смотри, пожалуй: Лев наш едет в колеснице,
И точно на таких, каков и сам он, львах!
Неужто же пошли они в упряжку сами,
Неужто силою? Они ведь тож с когтями?»
«Ты слеп стал, куманек, он едет на ослах!»

Николай Иванович Гнедич

* * *

Помещик Балабан,
Благочестивый муж, Христу из угожденья,
Для нищих на селе построил дом призренья
И нищих для него наделал из крестьян.

Иван Андреевич Крылов

* * *

Ест Федька с водкой редьку,
Ест водка с редькой Федьку.

* * *

Федул твердит, что Фока-плут
Его позорит и ругает;
Но я не вижу толку тут:
Кто уголь сажею марает?

НА ПЕРЕВОД ПОЭМЫ «L'ART POETIQUE»[1]

«Ты ль это, Буало? ...Какой смешной наряд!
Тебя узнать нельзя: совсем переменился».
«Молчи! Нарочно я Графовым нарядился;
Сбираюсь в маскарад».

Приписываемое

* * *

Как Карабанов взял «Альзиру» перевесть
И в аде слух о том промчался,
Тогда Вольтер, вздохнув, признался,
Что точно грешникам по смерти мука есть!

Петр Матвеевич Карабанов

ЭПИТАФИЯ СКРИПАЧУ

Орфей когда играл,
К вниманию древа и камни возбуждал,
А ты когда играешь,
Нас в камни претворяешь.

[1] «Поэтическое искусство» *(фр.)*.

НА ЖУРНАЛ «КОРИФЕЙ»

Морфей, увидевши, что свет
Его уставов не блюдет
И что совсем его пренебрегает —
Иной Хераскова читает,
Другой Державина всю ночь,
Его же отгоняет прочь, —
Вскричал: «Я это не оставлю
И непременно спать заставлю;
Или не буду я Морфей».
Сказал — и вышел «Корифей».

Андрей Иванович Бухарский

ЭПИТАФИЯ

Под камнем этим муж столь чудный положён,
Что в жизни от троих рога носил он жен.
Он, видно, под таким созвездием родился,
Что было б то ж, хотя б в четвертый раз женился.

Василий Львович Пушкин

* * *

«Отечеству служить есть первый мой закон», —
Твердит Ликаст важнейшим тоном.
А как же служит он? —
В танцклубе за бостоном[1].

[1] *Бостон* — название карточной игры.

* * *

«Какой учтивец стал Дамон!»
«Что за диковинка? Теперь в отставке он».

* * *

«На что мне жизнь? Лишился я друзей,
Которые меня любить всегда хотели».
«Что ж, умерли они, к злой горести твоей?»
«Нет, живы, но разбогатели».

* * *

Прославился хозяйством Тит;
Убытку в доме он не терпит никакого:
И ест, и пьет, и говорит
Всегда на счет другого.

* * *

О, как болтаньем докучает
Глупец ученый Клит!
Он говорит все то, что знает,
Не зная сам, что говорит.

* * *

Змея ужалила Маркела.
«Он умер?» — «Нет, змея, напротив, околела».

* * *

Возможно ли, скажи, чтоб нежная Людмила
Невинность сохранила?
Как ей избавиться от козней сатаны?
Против нее любовь, и деньги, и чины.

* * *

Какой-то стихотвор (довольно их у нас!)
Послал две оды на Парнас.
Он в них описывал красу природы, неба,
Цвет розо-желтый облаков,
Шум листьев, вой зверей, ночное пенье сов
И милости просил у Феба.
Читая, Феб зевал и наконец спросил,
Каких лет стихотворец был
И оды громкие давно ли сочиняет.
«Ему пятнадцать лет», — Эрата отвечает.
«Пятнадцать только лет?» — «Не более того».
— «Так розгами его!»

Александр Христофорович Востоков

К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

(Эпиграмма из Антологии)

Милая скляночка, свет долгошейка, с круглою дужкой,
Ты, что столько крат тешила в жизни меня,
Бахусу, музам всем и даже любови радела,
Шепчущей свахой мне, верной услужницей быв.
Добрая склян... ба! Да что ты, дружок мой?
Я как грузен стал,
Ты тут стала легка — этак ли дружно живут?

Аким Николаевич Нахимов

К ФРАНТУ, ПРИЧЕСАННОМУ A LA COQ[1]

С забавным встретился сегодня я детиной;
За диво можно бы показывать его:
Петуший гребень у него
На голове ослиной.

ГУРУ

О небо, пощади несчастного меня:
Пусть онемеет Гур иль пусть оглохну я.

СИЛУ

В Париж приехал Сил, но с чем приедет к нам?
Ума не вывезет — кису[2] оставит там!

ПОДЬЯЧЕМУ

«Я так же, как солдат, отечеству служу,
Не правда ли?» — меня ты, Когтин, вопрошаешь.
Большое сходство я меж вами нахожу:
Тот кровь свою, а ты чернила проливаешь!

ЭПИТАФИИ

1. К РОДОСЛОВНОМУ ДЕРЕВУ

На древе сем висит Глупонов древний род.
И в том числе Глупон: какой премерзкий плод!

---

[1] Под петуха *(фр.)*. [2] *Киса* — кошелек.

2. ВЫСОКОУЧЕНОМУ

Гниет здесь гордая латынь.
Аминь.

3. ЗАВОЕВАТЕЛЮ

Завоевателя натиснул камень сей.
Без пушек, без штыков, без труб и барабана —
Одними перьями чудесный крючкодей
Пределы своего распространил кармана.

Сергей Никифорович Марин

НА СОЧИНЕНИЕ И. И. ДИБИЧА «О ВОИНСКОЙ НАУКЕ»

Минерва русская велела в наказанье
«Тилемахиды» лист виновному прочесть.
О, вечно славное Великой подражанье!
О, духу кроткому монархов русских честь!
Взор отвращая свой от казней уголовных,
Се ныне Александр, наместо жертв их кровных,
Умея и без них пороки исправлять,
Две части Дибича «воинския науки»,
Стращая ужасами скуки,
Заставил нас читать.
Исправьтесь, воины, сим средством кроткой власти.
Или страшитесь третьей части.

Николай Мацнев

СОЛДАТСКИЙ ОТВЕТ ФЕЛЬДМАРШАЛУ КНЯЗЮ ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

«К чему так лаврами шатер мой украшают? —
Сказал светлейший князь. — Велите прочь их снять».
«Пожалуйте, — ему солдаты отвечают. —
Но что же пользы в том? Ведь вырастут опять».

Александр Ефимович Измайлов

РАЗГОВОР В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ

«Что, есть у вас Кутузова портрет?»
«Без рамки пять рублей». — «О деньгах слова нет...
Пожалуй, кстати мне Платова, Витгенштейна,
Да их деяния». — «Прикажете связать?»
«Постой... «Записки»... Как? Манштейна.
«Науку побеждать»
Суворова... Люблю его сердечно...
Вот карту бы еще Италии я взял».
«Вам *генеральную?*» — «Конечно:
Я не полковник, *генерал*».

ЭПИТАФИЯ

Под камнем сим лежит великий генерал.
Его солдаты не забудут
И долго, долго помнить будут,
Как он их палками бивал.

РАЗГОВОР ПРИ ВХОДЕ НА ОБСЕРВАТОРИЮ

«Швейцар! Вот на! Возьми билет,
Да сделай, братец, одолженье,
Скажи, куда идти?» — «Уж кончилось затменье».
«И астроном ушел?» — «Он здесь!» — «Так нужды нет.
Он по знакомству не откажет
И на просторе все мне сызнова покажет».

* * *

Клариса, в чепчике степенном и в салопе,
Днем молится в церквах, бежит от мира прочь.
А ночью? О, она, подобно Пенелопе,
Что днем ни сделает, то перепортит в ночь.

* * *

У Лицемерина жена
Черна, скверна —
Медуза, верьте мне, красавица пред нею.
Но потому ль, что так она гнусна,
Супруг зовет ее всегда *душой своею?*

* * *

«Не знаю, как отмстить мне моему злодею,
Зоилу, демону!» — «Изволь, от всей души
Подам тебе совет: под притчею своею
Его ты имя подпиши».

* * *

«О, цензор! О, злодей!
Не пропустил элегии моей!»
«Как? Почему?» — «Да говорит, что в ней
Находит смысл двоякой.
Ну ты читал ее; ты, братец, сам поэт;
Скажи: двусмысленна ль?» — «Вот вздор! Да скажет всякой,
Что в ней и просто *смысла* нет».

* * *

Остановися, гражданин!
Под камнем сим лежит российский дворянин.
Его прапрадед жизнь окончил под Полтавой,
Дед под Кистрином пал со славой,
А под Бендерами отец убит ядром.
Его ж убил — ямайский ром.

〈ЭПИТАФИЯ МОСОЛОВУ, одному из заводовладельцев в селе Шурма Вятской губернии〉

Я русский дворянин,
Родился я в Малмыже,
Воспитан был в чужих краях.
И ах!
В России кончил дни! Но здесь мой только прах:
Душа моя в Париже.

Петр Иванович Колошин

⟨НА Н. В. НЕВЕДОМСКОГО⟩

Неведомский — поэт, не ведомый никем,
Печатает стихи неведомо зачем.

Федор Соловьев

* * *

Смотря на лик сего героя,
Кто не прочтет на лбу: *свободен от постоя.*

Константин Николаевич Батюшков

* * *

Безрифмина совет:
Без жалости всё сжечь мое стихотворенье!
Быть так! Его ж, друзья, невинное творенье
Своею смертию умрет.

⟨НА А. Ф. МЕРЗЛЯКОВА⟩

Вдали от храма муз и рощей Геликона
Феб мстительной рукой сатира задавил;[1]
Воскрес урод и отомстил:
Друзья, он душит Аполлона!

---

[1] Всем известна участь Марсия. *(Примеч. К. Н. Батюшкова.)*

НА ПЕРЕВОД «ГЕНРИАДЫ»,

или Превращение Вольтера

«Что это? — говорит Плутон, —
Остановился Флегетон,
Мегера, фурии и Цербер онемели,
Внимая пенью твоему,
Певец бессмертной Габриели.
Умолкни... Но сему
Безбожнику в награду
Поищем страшных мук, ужасных даже аду,
Соделаем его
Гнуснее самого
Сизифа злова!»
Сказал — и превратил, о ужас! в Ослякова.

НА ПОЭМЫ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

Не странен ли судеб устав?
Певцы Петра — несчастья жертвы:
Наш Пиндар кончил жизнь, поэмы не скончав,
Другие живы все, но их поэмы мертвы.

Аркадий Гаврилович Родзянко

ЭКСПРОМТ НА БРАКОСОЧЕТАНИЕ ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ С ЕГО ВЫСОЧЕСТВОМ ГЕРЦОГОМ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИМ

14 июля 1839 года

О дивная судьбы игра!
В дни наши брак чудесный совершился:
Сын вéнчанного столяра
На внучке плотника великого женился.

* * *

Ах, как учен Дамис, весь мир наук,
Весь мир познаний им измерен!
Да, голова его порядочный сундук,
Но от которого, к несчастью, ключ потерян.

* * *

Арист, в наш нечестивый век,
Наперекор сатиру злому,
Есть целомудренной, есть трезвой человек;
Но тем обязан он неправому святому:
Желудку слабому и кой-чему другому.

* * *

Напуган светской пыткой,
С собой и для себя Клеон жить хочет век;
Прекрасно! если бы он не был человек,
А родился улиткой.

Денис Васильевич Давыдов

К ПОРТРЕТУ БОНАПАРТЕ

Сей корсиканец целый век
Гремит кровавыми делами.
Ест по сту тысяч человек
И ..... королями.

ГЕНЕРАЛАМ, ТАНЦУЮЩИМ НА БАЛЕ

при отъезде моем на войну
1826 года

Мы несем едино бремя,
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.

* * *

Остра твоя, конечно, шутка,
Но мне прискорбно видеть в ней
Не счастье твоего рассудка,
А счастье памяти твоей.

Алексей Дамианович Илличевский

ИЗДАТЕЛЮ ЖУРНАЛА С ЭПИГРАФОМ: «С НАМИ БОГ»

В чем разноречит он с читателем своим?
Он пишет: «С нами бог!» — тот говорит: «Бог с ним».

ЛЕКАРСКОЕ ОПАСЕНИЕ

Судья Грабилин занемог
И, лекаря призвав скорее,
Просил, чтобы ему помог,
Піявицы приставя к шее.
Врач, усумнясь, сказал: «По мне,
Піявки ставить — денег трата.
Ведь вряд ли примутся оне
На коже своего собрата».

Василий Николаевич Щастный

⟨НА М. А. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА⟩

Не создавало естество
Рож неопрятнее и хуже:
В ней отразилось божество —
Как солнца луч в болотной луже.

Платон Григорьевич Ободовский

ЭПИТАФИЯ СТИХОТВОРЦУ БОТЛЕРУ
(С английского)

Прохожий, стой! Здесь Ботлер почиет;
Зри: надпись вылита из злата.
При жизни не обрел поэт
Своим талантом мецената.
По смерти в память скорбных дней
Ему воздвигли мавзолей.
Бедняк певец, тая в груди пермесский пламень,
О хлебе умолял — ему же дали камень!

Василий Евграфович Вердеревский

ЭПИГРАММЫ ОВЕНА

1

Вот солнечные часы — ты видишь эту тень?
Она друзей изображает;
Она у стрелки — в ясный день,
А в мрачный — исчезает.

2

Мне жаль тебя, Дамон, хоть барски ты живешь
И на пирах роскошно угощаешь:
Чем больше за здоровье пьешь,
Тем больше своего теряешь.

3

Где взять друзей? Так думал я
Однажды сам с собою;
Женюсь — за молодой женою
Приданое — друзья.

Михаил Александрович Дмитриев

⟨НА ПЕРЕВОД ГУБЕРНАТОРА СИМБИРСКА ИВАНА ПЕТРОВИЧА ХОМУТОВА В ВЯТКУ⟩

Иван Петрович наш назначен в перевод.
Царю хвала и богу слава!
На Вятке будет он теперь давить народ,
На Вятке, не у нас, получит Станислава!
Иван Петрович наш назначен в перевод, —
Вот как судьба правдива стала:
И служба за царем его не пропадет,
И наша зá богом молитва не пропала.

⟨НА М. Е. МАРКОВА⟩

Как должен быть ему весь кодекс наш знаком:
Он то судья — то под судом.

⟨НА И. М. СНЕГИРЕВА⟩
1. РАЗГОВОР ЦЕНЗОРА С ПРИЯТЕЛЕМ-СТИХОТВОРЦЕМ

«Не пропущу стихи, и ты бранишь неправо:
Я не о двух ведь головах!»
«Я знаю, друг, ты не двуглавый,
И век тебе не быть в орлах!
Друг-цензор, пропусти безгрешные стихи!
Где встретится в них мысль, где встретится в них сила —
Сквозь пальцы пропусти, как Феб твои грехи,
Как самого тебя природа пропустила».

2

Не умер я, благодаря судьбе,
Могу я быть полезен снова:
Быть в явной с Вяземским борьбе
И молча плюнуть в Снегирева.

⟨НА П. А. ВЯЗЕМСКОГО⟩

Ни пакостным стихом, ни пасквилем бесчестным —
Ничем тебя не укорят,
А Вяземского все ругают наподхват:
Вот прямо выгода быть вовсе не известным.

Петр Андреевич Вяземский

⟨М. А. ДМИТРИЕВУ⟩

Клеврет журнальный, аноним,
Помощник пре́зренный ничтожного бессилья,
Хвалю тебя за то, что под враньем твоим
Утаена твоя фамилья.

С бесстыдством страх стыда желая согласить,
Ты доказал, вдвойне кривнув душою,
Что если рад себя бесчестить под рукою,
То именем своим умеешь дорожить.

ЦЕНЗОР

(Басня)

Когда Красовского пресекла Парка годы,
Того Красовского, который в жизни сам
Был паркою ума, и мыслей, и свободы,
Побрел он на покой к *Нелепости* во храм.
«Кто ты? — кричат ему привратники святыни
Невежество и *Ханжество*: —
Яви! Чем заслужил признательность богини?
Твой чин? Твой формуляр? Занятья? Мастерство?
Откройся перед нами!»
«Я при Голицыне был цензор», — молвил он.
И вдруг пред ним чета кладет земной поклон,
И двери растворились сами!

НА НЕКОТОРУЮ ПОЭМУ 〈А. Н. ГРУЗИНЦЕВА〉

Между Харибдою и Сциллой
Немилосердный рок Россию волновал.
Погибшую ждал плен унылый,
Спасенную — ее Мизинцев с песнью ждал.

〈НА П. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА〉

Картузов — сенатор,
Картузов — куратор,
Картузов — поэт.
Везде себе равен,
Во всем равно славен,

Оттенков в нем нет:
Худой он сенатор,
Худой он куратор,
Худой он поэт.

* * *

Вписавшись в цех зоилов строгих,
Будь и к себе ты судия:
Жуковский пишет для немногих,
А ты — для одного себя.

〈НА А. С. ШИШКОВА,

изобретающего неологизмы, состоящие из исконно русских корней, для замены ими иностранных заимствований〉

(Шарада)

Шишков недаром корнеслов;
Теорию в себе он с практикою вяжет:
Писатель, вкусу *шиш* он кажет,
А логике он строит *ков*.

〈НА ШУТОЧНУЮ ПОЭМУ КНЯЗЯ ШАХОВСКОГО «РАСХИЩЕННЫЕ ШУБЫ» И НА ПЬЕСУ «УРОК КОКЕТКАМ, ИЛИ ЛИПЕЦКИЕ ВОДЫ»〉

С какою легкостью свободной
Играешь ты природой и собой:
Ты в шубах Шутовской холодный,
В водах ты Шутовской — сухой.

⟨НА ПОЕЗДКУ П. П. СВИНЬИНА В ГРУЗИНО, ИМЕНИЕ А. А. АРАКЧЕЕВА⟩

«Что пользы, — говорит расчетливый Свиньин, —
Нам кланяться развалинам бесплодным
Пальмиры древней иль Афин?
Нет, лучше в Грузино пойду путем доходным:
Там, кланяясь, могу я выкланяться в чин.
Оставим славы дым поэтам сумасбродным.
Я не поэт, я дворянин!»

* * *

Боже! коль благ еси!
Всех царей в грязь меси,
Кинь под престол!
Сашеньку, Машеньку,
Мишеньку, Костеньку
И Николашеньку
Задом на кол.

РАЗБИТАЯ СТАТУЯ

Какой-то властелин восточныя земли
Зрит статую свою разбитую, в пыли;
Он — юноша и царь. Чему же тут дивиться,
Что был в решениях своих немного скор.
«Смерть дерзкому, — вскричал, — за сей царю позор,
Он кровью должен здесь со мною расплатиться!
Пускай казнят его в присутствии моем.
Кто смелый сей преступник?»
— Гром.

ЗОЛОТАЯ ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ

Мудрец Гораций воспевал
Свою посредственность златую:
Он в ней и мудрость полагал,
И к счастию стезю прямую.
С тех пор наш изменился свет,
И как сознаться в том ни больно:
Златой посредственности нет,
Людей посредственных довольно.

* * *

Лоб не краснеющий, хоть есть с чего краснеть,
Нахальство языка и зычность медной груди,
Вот часто все, что надобно иметь,
Чтобы попасть в передовые люди.

ОТВЕТ ФОНВИЗИНА

Тупой остряк и приторный шутник,
Прославленный толпы минутным шумом,
Проговорясь — знать, враг ему язык, —
Фонвизина назвал Минервы кумом.
«Зачем же нет? — смеясь сказал ему
У русских муз Теренция наместник. —
Быть может, в ней и нажил я куму,
Но поручусь, что был не ты наш крестник!»

* * *

Моей рукой ты ранен был слегка.
Дружок! Тебе остаться бы при этом;
Но вздумал ты почтить меня ответом —
Зарезала тебя твоя рука.

* * *

Стихов моих давно ты слышать хочешь.
Догадлив я! Благодарю за честь!
Признайся: ты не о моих хлопочешь,
А норовишь, как бы свои прочесть.

* * *

Как ни хвали его усердный круг друзей,
Плохой поэт был их покойник;
А если он и соловей,
То разве соловей-разбойник.

⟨НА И. С. ТУРГЕНЕВА⟩

Талант он свой зарыл в «Дворянское гнездо»,
С тех пор бездарности на нем оттенок жалкий,
И падший сей талант томится приживалкой
У спадшей с голоса певицы Виардо.

СЛОВО ШАМФОРА

Мы можем комика с победою поздравить,
Вся публика в восторге от него.
«А сколько дураков потребно для того,
Чтоб публику составить?»

* * *

Она — прекрасная минувших дней медаль.
Довольно б, кажется, с нее и славы этой;
Но ей на старости проказ сердечных жаль
И хочется быть вновь ходячею монетой.

* * *

(С французского)

Разнесся слух про новую потерю:
Из сплетников еще нет одного.
Что умер он, я тем охотней верю,
Что эту весть узнал не от него.

ИЗ Ж.-Б. РУССО

С эфирных стран огонь похитив смело,
Япетов сын двуногих сотворил
И женский пол с мужским в едино тело
Назло богам и нам на радость слил;
Но гневный Зевс по своенравной власти,
Разбив сосуд, раскинул на две части!
Вот отчего в поре мятежных лет
Пылаем мы сойтись с своей двойчаткой.
«Здесь! Здесь она!» — сон часто шепчет сладкой,
А наяву мы познаем, что нет!

ДЕРВИШ И УЧЕНИК

Ученый муж, Дервиш, в час утра и обеда
Святую воду пил в колодце Магомеда.
Подметил то его нелепый ученик
И на день бегал пить раз двадцать на родник.
Какой же он имел успех с своей догадки?
Остался неучен и слег от лихорадки.

ОШИБКА ВРАЧА

(Из Ж.-Б. Руссо)

Шутя друг муз, но ремеслом друг хмелю,
С попойки встал и тут же слег в постелю;
Жена в слезах послала за врачом;
Приходит врач и с гробовым лицом
Проговорил: «Сообразя догадки,
Здесь нахожу с ознобом лихорадки
И жажды жар; но мудрый Иппократ
Сперва велит нам жажды пыл убавить...»
Больной на то: «Нет, нет, пустое, брат,
Сперва прошу от холода избавить,
А с жаждой сам управиться я рад».

Николай Сергеевич Голицын

⟨НА П. А. ВЯЗЕМСКОГО⟩

Преумный князь, Германии известный
Рельефами Омировых пиров,
Вдруг заболел болезнью столь чудесной,
Что стала в пень вся стая докторов.
Один чудак пришел с своей догадкой
И говорит: «Вот ей мой перевод:
В стихах своих князь холоден, как лед,
А в прозе он ругатель самый жаркой;
Озноб и жар тут видите, — и вот
Я заключил: князь болен лихорадкой».

⟨НА Н. А. ПОЛЕВОГО⟩

Обритый сын брадатого отца
В статьях своих, прескучных и предлинных,

Толкует все, без меры и конца,
О балах и гостинных;[1]
Так и Вольтер о рае пел,
Хотя войти в него надежды не имел.

Николай Алексеевич Полевой

ЭПИГРАММА

(Экспромт поэта Талантина)

Корчи харю филосо́фа,
Сухопарый критик мой!
Я молчу — в ответ ни слова,
Но разделаюсь с тобой!
С длинноухими ослами
Нас дубина разочтет,
И с тобою не стихами —
Палкой кончу я расчет!

〈НА Е. А. БАРАТЫНСКОГО〉

Пришел поэт и пущен на Парнас.
«А, здравствуй! — Феб сказал. — Да что за чудо:
Ты мне знаком; я помню, что подчас
Ты плакивал в стишонках, и не худо.
Что, нет ли, брат, плаксивого опять?»
«Нет, мудрый Феб! Я плакивал, бывало,
Позволь теперь смешное прочитать».
«Читай». И вот, не думавши нимало,
Вдруг наш поэт с насмешливым лицом
Развеселить затеял эпиграммой.

---

[1] Орфография г. Полевого. *(Примеч. Н. С. Голицына.)*

Чуть выслушал Латоны сын упрямый
И закричал: «Эй, кто там?» С медным лбом
Предстал школяр. «Вон вывести!» — «О милый,
О добрый Феб! Осмелюсь ли спросить...»
«Ах, плакса! Что задумал ты! Острить?
Чуть дышишь ты в элегии унылой!
Пошел же вон — тебе ль смеяться, хилый!..»

Гамлетов

Евгений Абрамович Баратынский

⟨НА Н. А. ПОЛЕВОГО⟩

Писачка в Фебов двор явился.
«Довольно глуп он! — бог шепнул. —
Но самоучкой он учился, —
Пускай присядет; дайте стул».
И сел он чванно. Нектар носят,
Его, как прочих, кушать просят;
И нахлебался тотчас он,
И загорланил. Но раздался
Тут Фебов голос: «Как! Зазнался?
Эй, Надоумко́, вывесть вон!»

* * *

Дамон! Ты начал — продолжай,
Кропай экспромты на досуге;
Возьмись за гений свой: пиши, черти, марай,
У пола нежного в бессменной будь услуге,
Наполни вздохами растерзанную грудь,
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки —
И в награждение любимцем куклы будь
Или соперником собачки.

⟨НА А. А. АРАКЧЕЕВА⟩

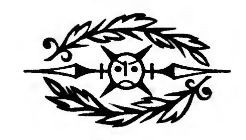
Отчизны враг, слуга царя,
К бичу народов — самовластью —
Какой-то адскою любовию горя,
Он не знаком с другою страстью...
Скрываясь от очей, злодействует впотьмах,
Чтобы злодействовать свободней,
Не нужно имени: у всех оно в устах,
Как имя страшное владыки преисподней.

⟨НА Д. И. ХВОСТОВА⟩

Поэт Писцов в стихах тяжеловат,
Но я люблю незлобного собрата:
Ей-ей! не он пред светом виноват,
А перед ним природа виновата.

ДОРОГА ЖИЗНИ

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас.
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми роковые
Прогоны жизни платим мы.

Николай Федорович Остолопов

ЗАВЕЩАНИЕ БАРАТЫНСКОГО

Долги на память о поэте
Заимодавцам я дарю,
Мундир мой унтерский — царю,
Стихотворенья — доброй Лете.

ЭПИТАФИЯ НАПОЛЕОНУ

Прохожий, обо мне ты не жалей нимало!
Когда бы жив я был — тогда б тебя
не стало.

Василий Андреевич Жуковский

* * *

У нас в провинции нарядней нет Любови!
По моде с ног до головы:
Наколки, цвет лица, помаду, зубы, брови —
Все получает из Москвы!

ЭПИТАФИЯ ЖЕНЕ

Сей камень над моей возлюбленной женой!
Ей там, мне здесь покой!

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОН?

Закон — на улице натянутый канат,
Чтоб останавливать прохожих средь дороги,
Иль их сворачивать назад,
Или им путать ноги!

Но что ж? Напрасный труд! Никто назад нейдет!
Никто и подождать не хочет!
Кто ростом мал — тот вниз проскочит,
А кто велик — перешагнет!

* * *

«Скажи, чтоб там потише были! —
Кричит повытчику судья. —
Уже с десяток дел решили,
А ни единого из них не слышал я!»

БЕСПОЛЕЗНАЯ СКРОМНОСТЬ

Демид, под одою своей, боясь Зоила,
Ты имени не подписал.
Но глупость за тебя к ней руку приложила,
И свет тебя узнал.

Александр Александрович Бестужев (Марлинский)

〈НА В. А. ЖУКОВСКОГО〉

Из савана оделся он в ливрею,
На пудру променял свой лавровый венец,
С указкой втерся во дворец;
И там, пред знатными сгибая шею,
Он руку жмет камер-лакею...
Бедный певец!

* * *

Да, да, в стихах моих знакомых
Собранье мыслей-насекомых!

ОТВЕТ НА ВОПРОС «ЧТО ТАКОЕ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА?»

Литература наша — сетка
На ловлю иноземных рыб;
Чужих яиц она наседка;
То ранний плод, то поздний гриб;
Чужой хандры, чужого смеха
Всеповторяющее эхо!

* * *

Как Нина хорошо скрывает
Под живописью древность лет!
Три вещи вдруг в себе одной соединяет
Она: оригинал, художник и поэт.

Александр Сергеевич Пушкин

〈НА АЛЬМАНАХ «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»〉

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От п〈етербургского〉 потопа
Спаслась «П〈олярная〉 з〈везда〉».
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты.

⟨НА А. А. АРАКЧЕЕВА⟩

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести,*
Б...... грошевой солдат.

⟨НА М. С. ВОРОНЦОВА⟩

1

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

2

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удавлен.
«Я очень рад, — сказал усердный льстец. —
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить.

Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

〈НА АЛЕКСАНДРА I〉

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел —
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел!

〈НА М. А. ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА〉

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что .... есть.

〈НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА〉

Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша.
Напирайте, бога ради,
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он.

* * *

У Кларисы денег мало,
Ты богат; иди к венцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу.

〈Е. Н. ПУЧКОВОЙ〉

Зачем кричишь ты, что ты дева,
На каждом девственном стихе?
О, вижу я, певица Ева,
Хлопочешь ты о женихе.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА

Внимает он привычным ухом
Свист;
Марает он единым духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух;
Потом печатает — и в Лету
Бух!

* * *

Когда б писать ты начал сдуру,
Тогда б, наверно, ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру,
Как внидешь в царствие небес.

EX UNGUE LEONEM[1]

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

К ПЕРЕВОДУ «ИЛИАДЫ»

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

〈НА М. Т. КАЧЕНОВСКОГО〉

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюною бешеной собаки.

〈Ф. В. БУЛГАРИНУ〉

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

---

[1] По когтям узнаю́т льва *(лат.)*.

ЭПИГРАММА НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА

Покойник Клит в раю не будет:
Творил он тяжкие грехи.
Пусть бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи!

Приписываемое

⟨НА В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА⟩

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

НА ГР. ОРЛОВУ-ЧЕСМЕНСКУЮ

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию —
Архимандриту Фотию.

НА ФОТИЯ

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным,
Поменьше пастырей таких —
Полу-благих, полу-святых.

Написанное при участии А. С. Пушкина

* * *

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки сальной
Перед певцом со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.
«Вот, вот с кого пример берите, дуры! —
Он дочерям в восторге закричал. —
Откройся мне, о милый сын натуры,
Ах! что слезой твой осребрило взор?»
А тот ему: «Мне хочется на двор».

Петр Иванович Шаликов

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ

Перо, чернила и бумага,
Да безрассудная отвага —
И Бардус журналист:
В неделю публике вранья печатный лист.

ДИЛЕММА
〈НА Ф. В. БУЛГАРИНА,
ставшего соредактором и соиздателем
Н. И. Греча по журналу «Сын отечества»〉

В творенье видим мы творца:
Закон, открытый нам природы властелином;
И «Сын отечества» у нового отца
Стал чисто блудным сыном.

Приписываемое

⟨НА В. И. ТУМАНСКОГО⟩

Дитя мечтательной натуры,
Поэт-романтик Мглин так слог туманит свой,
Что уж давно пора назвать его мечтой
Иль призраком литературы.

Василий Иванович Туманский

* * *

Давно ли в шелковых чулках
И в пудре щеголя-француза,
С лорнетом, в лентах, кружевах
Разгуливала наша Муза?
Но русской барышне приелась старина:
Все то же платье, та же лента —
И ныне ходит уж она
В плаще немецкого студента.

Семен Егорович Раич

ЭПИГРАММА НА САМОГО СЕБЯ

Ты много потерпел, Готфред,
От варварских народов,
Но более потерпишь бед
От русских переводов.

Степан Петрович Шевырев

ЭПИГРАММА-ОКТАВА

Рифмач, стихом российским недовольный,
Затеял в нем лихой переворот:
Стал стих ломать он в дерзости крамольной,
Всем рифмам дал бесчиннейший развод,
Ямб и хорей пустил бродить по вольной,
И всех грехов какой же вышел плод?
«Дождь с воплем, ветром, громом согласился,
И страшный мир гармоньей оглушился!»

КРИТИКУ

Вменяешь в грех ты мне мой темный стих,
Прозрачных мне не надобно твоих:
Ты нищего ручья видал ли жижу?
Видал насквозь, как я весь стих твой вижу?
Бывал ли ты хоть на реке Десне?
Открой же мне: что у нее на дне?
Вменяешь в грех ты мне нечистый стих,
Пречистых мне не надобно твоих:
Вот чистая водица ключевая,
Вот алеатико струя густая!
Что ж? Выбирай, возьми любой стакан:
Ты зá воду... Зато не будешь пьян.

ТЯЖЕЛЫЙ ПОЭТ

Как гусь, подбитый на лету,
Влачится стих его без крылий;
По напряженному лицу
Текут следы его усилий.
Вот после муки голова

Стихами тяжко разродилась:
В них рифма рифме удивилась
И шумно стреснулись слова.
Не в светлых снах воображенья
Его поэзия живет;
Не в них он ловит те виденья,
Что в звуках нам передает;
Но в душной кузнице терпенья,
Стихом, как молотом, стуча,
Кует он с дюжего плеча
Свои чугунные творенья.

ЖУРНАЛИСТУ

Певец любви, уныния и неги
Пришлет тебе лежалый пук элегий, —
И ты его скорей в журнал пихать
Торопишься, чтоб от потомства спрятать.
Да как ему не скучно их писать,
И как тебе не скучно их печатать?

Каролина Карловна Павлова

⟨НА С. П. ШЕВЫРЕВА⟩

Преподаватель христианский,
Он духом тверд, он сердцем чист;
Не злой философ он германский,
Не беззаконный коммунист!
По собственному убежденью,
Стоит он скромно выше всех!..
Невыносим его смиренью
Лишь только ближнего успех.

⟨К. Ф. ЧЕТВЕРИКОВОЙ⟩

За деньги лгать и клясться рада
Ты, как безбожнейший торгаш;
За деньги изменишь где надо,
За деньги душу ты продашь.
Не веришь ты, что, взяв их груду,
Быть может совесть нечиста,
И ты за то винишь Иуду,
Что он продешевил Христа.

Павел Александрович Катенин

* * *

Жил-был в Поднéбесье, сиречь по-русски, в Китае,
Честный чиновник один; сплошь все плуты кругом.
Думал он про себя: служу я на славу, начальство
Так же меня наградит, как наградил уж народ.
Глупы умные люди! Приехал новый начальник:
Плуты понравились все, каждому гридня[1] иль чин;
Только честный смещен за нрав раздражительный: слава
Богу, что так далеко мы от Китая живем.

Александр Иванович Полежаев

ОПРАВДАНИЕ МУЖА

Берег сокровище! Но льзя ли сберечи́,
Когда от оного у всех висят ключи?

---

[1] *Гридня* — помещение в княжеских палатах; здесь: квартира.

* * *

Притеснил мою свободу
Кривоногий штабс-солдат:
В угождение уроду
Я отправлен в каземат.
И мечтает блинник сальный
В черном сердце подлеца
Скрыть под лапою нахальной
Имя вольного певца.
Но едва ль придется шуту
Отыграться без стыда:
Я — под спудом на минуту,
Он — в болоте навсегда.

Приписываемое

ФОНАРЬ

Друзья, не лучше ли наместо фонаря,
Который темен, тускл, чуть светит в непогоды,
Повесить нам царя?
Тогда бы стал светить луч пламенной свободы.

IMPROMPTU[1]

Что, ежели судьбина злая
Царем нам даст скотину Николая?
Что сделаем тогда? Что сделали с Берри...
Ну, черт его дери.

[1] Экспромт (*фр.*).

Владимир Сергеевич Филимонов

КЛИТ

Вот Клит идет! Живой мертвец!
Поручик отставной, всех клобов покровитель,
Съестных и карточных вседневный посетитель,
Помещик, сын, супруг, отец!
Он подвиг бытия со славой совершает:
Поутру праздностью скучает,
Выходит на бульвар *перед обедом* он,
Он *в полдень* — в клобе ест и *будто* веселится,
С женою в *сумерки* — бранится,
Играет *вечером* в бостон,
А *ночью* — спит, и крепок сон!

МУЖ

У мужа доброго случилася жена
И зла, и чванлива, и слишком прихотлива,
Как смертный грех дурна,
И чересчур ревнива:
Ну словом — точно сатана.
Друзья из жалости о муже
Твердят все: «Разведись!» А муж кричит: «Боюсь!
Как разведусь да как опять женюсь,
Так не было б еще и хуже!..»

КНИГА: РАЗУМ

Юпитер в честь златого века,
Желая пред людьми возвысить человека,
Ему дал книгу «Разум». В ней
Минервой был устав начертан для людей.
Все возрасты устав читали.

Что ж? *Детство* в нем нашло невнятные черты,
А *юность* дерзкая — разорвала листы,
Лета середние — уставом презирали,
Лишь *старость*, наконец, изволила понять
В изорванных листах всю пользу уложенья
И в точности его сбиралась исполнять,
Но время уж прошло для исполненья.

⟨ЭПИТАФИЯ⟩

Прохожий! Не гордись, мой попирая прах;
Я дома — ты в гостях.

Григорий Николаевич Геннади

⟨В. С. ФИЛИМОНОВУ⟩

Что просто дрянь твоя «Непостижимая»,
Нетрудно было мне постичь;
Но дерзость впрямь непостижимая
Печатать этакую дичь.

Дмитрий Николаевич Блудов

⟨НА А. А. ШАХОВСКОГО И А. С. ШИШКОВА⟩

Угодно ль, господа, меж русскими певцами
Вам видеть записных Карамзина врагов?
Вот комик Шаховской с плачевными стихами,
И вот бледнеющий над святцами Шишков,
Они умом равны, обоих зависть мучит;
Но одного сушит она, другого пучит.

Александр Александрович Шаховской

〈АВТОЭПИТАФИЯ,
составленная по окончании земельной тяжбы между Шаховским и братьями Пассеками, которые убедили царя снизойти к заслугам погибшего на Кавказе генерал-майора Д. В. Пассека и решить дело в их пользу〉

Здесь Шаховской лежит,
Он царской милостью к убитому убит.

Александр Ардалионович Шишков

〈НА АЛЕКСАНДРА I〉

Когда мятежные народы,
Наскуча властью роковой,
С кинжалом злобы и мольбой
Искали бедственной свободы, —
Им царь сказал: «Мои сыны,
Законы будут вам даны,
Я возвращу вам дни златые
Благословенной старины»...
И обновленная Россия
Надела с выпушкой штаны.

Анонимная эпиграмма

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА

В России дышит всё военным ремеслом,
И ангел делает на караул крестом.

Сергей Александрович Соболевский

⟨ПО СЛУЧАЮ ТРЕЩИНЫ, открывшейся на Александровской колонне в Петербурге, о которой министерством двора было запрещено говорить⟩

Над министром иль колонной
Ты не смейся, горе тут:
Станиславом, иль короной,
Или чином обойдут.
Или будет еще peggio[1],
В частный дом тебя сведут
И по заднице arpeggio[2]
И crescendo[3] зададут!

АВРОРЕ ШЕРНВАЛЬ

Сияет Аврора,
Свежа и румяна;
В ней много для взора
И шиш для кармана.

НА М. А. ДМИТРИЕВА

Михайло Дмитриев умре.
Он состоял в девятом классе,
Был камер-юнкер при дворе
И камердинер на Парнасе.

---

[1] Хуже *(ит.)*. [2] Букв.: как на арфе *(ит.)* — музыкальный термин, означающий воспроизведение звуков аккорда в последовательном чередовании, «вразбивку». [3] Букв.: возрастая *(ит.)*; в русской музыкальной терминологии произносится «крещендо» и означает усиление звучности.

⟨ПРИПИСКА,
сделанная после того, как Соболевскому адресат эпитафии (который был еще жив и здоров) указал, что он чиновник не девятого, а четвертого класса⟩

Так, я в твоем ошибся классе;
Но, верно, в том не ошибусь,
Что ты урыльник на Парнасе,
Плевальница для муз.

⟨А. С. ПУШКИНУ⟩

1

Здорово, новый камер-юнкер!
Уж как же ты теперь хорош:
И раззолочен ты, как клюнкер[1],
И весел ты, как медный грош.

2

О жертва бедная двух адовых исчадий:
Тебя убил Дантес и издает Геннади!

⟨НА Н. В. СУШКОВА⟩

1

Идет обоз
С Парнаса,
Везет навоз
Пегаса.

---

[1] От *нем.* Klünker — кисть, кисточка.

2

Грузя средь бела дня *обоз*
К потомству лишь чужим товаром,
Извозчик неспроста, недаром
С своим задерживает воз.
Он знает, что добра такова,
Каким дарит перо Сушкова,
По улицам не пустят днем,
А только ночью втихомолку
В чану, воткнув в него метелку
С привешенным к ней фонарем.

〈НА ПОЭТЕССУ К. К. ЯНИШ-ПАВЛОВУ,

по жалобе которой московский генерал-губернатор посадил ее мужа, литератора Н. Ф. Павлова, в управскую камеру «Ямы»[1], а затем выслал из Москвы в Пермь〉

Ах, куда ни взглянешь,
Все любви могила!..
Мужа мамзель Яниш
В яму посадила.
Молит эта дама,
Молит всё о муже:
«Будь ему та яма
Уже, хуже, туже...
В ней его держите
Лет, если возможно,
Хоть бы до десятку,
А там с подорожной
Пусть его хоть в Вятку,
Коль нельзя в Камчатку!»

[1] *Яма* — долговая тюрьма.

⟨Н. Ф. ПАВЛОВУ⟩

Не в ту силу, что ты жалок,
Не даю тебе я палок,
Но в ту силу, что мне жалки
Щегольские мои палки!

Николай Филиппович Павлов

⟨Ф. В. БУЛГАРИНУ⟩

Что ты несешь на мертвых небылицу,
Так нагло лезешь к ним в друзья?
Приязнь посмертная твоя
Не запятнает их гробницу!
Всё те ж и Пушкин и Крылов,
Хоть ест их червь по воле бога;
Не лобызай же мертвецов —
И без того у них вас много!

Михаил Юрьевич Лермонтов

⟨НА Ф. В. БУЛГАРИНА⟩

Россию продает Фаддей
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй, он продаст жену, детей,
И мир земной, и рай небесный.
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль, заложена в казну.

К*

(Из Шиллера)

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь,—
На кой мне черт душа твоя!..

ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина, —
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.
Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя, — пуста.

Приписываемое

* * *

Наш князь Василь-
Чиков — по батюшке,
Шеф простофиль,
Глупцов — по дядюшке,
Идя в кадриль
Шутов — по зятюшке,
В речь вводит стиль
Донцов — по матушке.

Великий князь Михаил Павлович

⟨НА УНИЧТОЖЕНИЕ ЛАЖА И ВВЕДЕНИЕ НОВОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ⟩

Прежде был лаж,
а теперь ералаш!

Неизвестные авторы первой половины XIX века

⟨НА ЧАСТЫЕ РАЗЪЕЗДЫ ПО СТРАНЕ АЛЕКСАНДРА I В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЕГО ЖИЗНИ⟩

Он царствовал в дороге
И умер в Таганроге.

⟨НА МИНИСТРОВ АЛЕКСАНДРА I И НИКОЛАЯ I И НА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА⟩

Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ,
Аракчеев куролесил,
А царь ездил на развод.
Ныне Ливен мудрость весит,
Царь же вешает народ,
Рыжий Мишка куролесит,
И по-прежнему — развод.

⟨НА МИНИСТРОВ Н. П. РУМЯНЦЕВА И В. П. КОЧУБЕЯ⟩

Я правду говорю — ну бог меня убей —
Румянцев пусть дурак, но глуп и Кочубей.

⟨НА П. В. ЧИЧАГОВА,

по случаю его неудачной военной операции, в результате которой Наполеону I удалось избежать окружения и переправиться через Березину⟩

Вдруг слышен шум у входа.
Берéзинский герой
Кричит толпе народа:
«Раздвиньтесь предо мной!»
«Пропустимте его, — тут каждый повторяет. —
Держать его грешно бы нам.
Мы знаем, он других и сам
Охотно пропускает».

ДВУСТИШИЯ ДЛЯ КОНФЕКТОВ

1

Ты сама тому виною,
Что пленился я тобою.

2

Коль рассудок погублю,
То тебя я полюблю.

3

Когда мы на любовь меняем свой покой,
То чудно ли, что в ней утехи никакой?

4

Чем больше на тебя гляжу,
Тем больше я в любви приятства нахожу.

〈ЛИЦЕЙСКИЕ ЭПИГРАММЫ〉

1

Известный врач Глупон
Пошел лечить Дамета;
Туда пришедши, вспомнил он,
Что нету с ним ни мази, ни ланцета;
Лекарства позабыв на этот раз,
Дамета тем от смерти спас.

2. НА ПОТОПЛЕНИЕ К〈ЮХЕЛЬБЕКЕРА〉

Клит бросился в реку. Поплачьте о поэте:
Не пережил он чад, давно утопших в Лете.

3. 〈НА М. Л. ЯКОВЛЕВА〉

Мишук не устает смешить,
Что день, то новое проказит.
Теперь затеял умным быть...
Не правда ль? Мастерски паясит?

4. НА КОМЕДИЮ БЕЗ НАЧАЛА И БЕЗ КОНЦА

Акт пятый кончился — скажи, поэт-повеса:
Когда ж начнется пьеса?

5

Ах! боже мой, каких чудес
На этом свете не бывает!
Я видел смерть рожденных пьес,
А эта, не родясь, — возможно ль? — умирает!

6. ЭПИТАФИЯ

Вдруг, развязав глаза, пустила
На свет меня судьба моя —
Отколь? Зачем? Не знаю я.
Теперь опять глаза закрыла;
Ведет меня судьба моя —
Куда? Опять не знаю я.

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ГРАФА ХВОСТОВА

Се — росска Флакка зрак! Се тот, что, как и он,
Выспрь быстро, как птиц царь, вспарил на Геликон!
Се — лик од, притч творца, муз чтителя Хаврова,
Кой поле испестрил российска красна слова!

⟨НА ПОЭТОВ-ЭЛЕГИКОВ⟩

Везде влияние чудесной видим моды!
Сначала громкие у нас гремели оды;
Потом мы ахали; а ныне все толпой
Летим *в туманну даль, с отцветшею душой...*

⟨НА УХОД В ОТСТАВКУ СЕНАТОРА Ф. В. БУЛГАРИНА⟩

Сказав «прости» крючкам, обманам,
Попал в писатели Пахом
И, долго жив чужим карманом,
Задумал жить чужим умом.
Но в этот раз Пахом в утрате
И послужной замаран лист:
Он был советником в Палате,
Теперь на Пинде копиист.

УМЕРШИЙ ВДОВЕЦ

Вдовец, чрез Стикс переезжая,
Харона спрашивал: «Скажи, пожалуй, брат,
Жену мою судьба постигла здесь какая?»
«Она в раю». — «Вези ж меня ты в ад!»

⟨НА Е. М. ХИТРОВО⟩

Лиза в городе жила
С дочкой Доленькой.
Лиза в городе слыла
Лизой го⟨ленькой⟩.
Нынче Лиза en gala[1]
У австрийского посла,
Не по-прежнему мила,
Но по-прежнему ⟨гола⟩.

[1] Празднично наряженная *(фр.)*.

ПОХВАЛА ВОВРЕМЯ

«Что ты, Архип, Луку уже хвалить пустился?»
«Да, да! Он добр, умен; поверь!»
«Помилуй! да намнясь не ты ль при всех божился,
Что он и глуп, как скот, что он и зол, как зверь?»
«Эх, братец! Да Лука ведь староста теперь!»

* * *

«Неблагодарных нет!» — Скопилов уверяет.
Друзья! вас это удивляет?
Но объяснить сию загадку нам пора:
Не сделав никому добра,
Неблагодарных он не знает.

* * *

Барин

Иван! Теленка нам зарежь ты поскорей,
Сегодня жду к себе я трех секретарей.

Повар

Неужель целую съедят они скотину?

Барин

Дурак! Коль много всей, убей хоть половину.

ВСТРЕЧА

«Я на гулянье был и встретил молодых».
«Ну что их экипаж?» — «Чудесный! Все затеи:
Карета тысяч в семь и в золоте лакеи».
«А сами господа?» — «Я не заметил их».

⟨НА СИМВОЛЫ ЗАКОННОСТИ: ЗЕРЦАЛО С УКАЗОМ ПЕТРА I И СТОЛБ С КОРОНОЙ НАВЕРХУ⟩

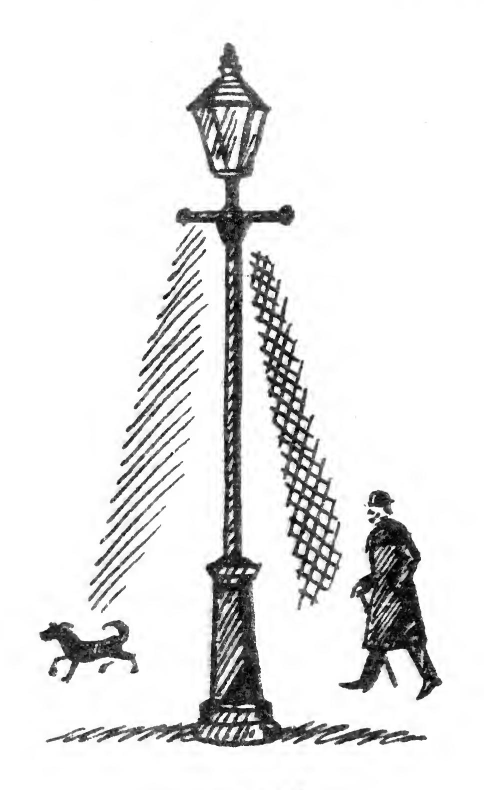
В России нет закона,
Есть столб, и на столбе корона.

К БЮСТУ НИКОЛАЯ I

Оригинал похож на бюст:
Он так же холоден и пуст.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ НИКОЛАЮ I

Да помнит вечно русская земля,
Как волей божьей к ней была добра природа
18 февраля
1855 года.

Вторая половина XIX века (до 90-х годов)

Федор Иванович Тютчев

⟨НИКОЛАЮ I⟩

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей!

* * *

Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой —
Теперь ты сделалась лакейской.

* * *

Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее — но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.

В РИМЕ
(С французского)

Средь Рима древнего сооружалось зданье —
То Нéрон воздвигал дворец свой золотой.
Под самою дворца гранитною пятой
Былинка с кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе, знай это, бог земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя».
«Как мне не уступить? Мир гнется подо мной!»
«Весь мир тебе слуга, а мне слугою — Время».

* * *

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Николай Платонович Огарев

* * *

Я не люблю попов ни наших, ни чужих —
Не в них нуждаются народы.
Попы ли церкви иль попы свободы —
Все подлецы. Всех к черту! Что нам в них?
Наместо этих иноков бесплодных
Давайте просто нам — людей свободных.

ОТВЕТ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ НА ЕГО ЗАМЕТКИ,
помещенные в сентябрьской книжке «Русского вестника»

О! Не великий князь (когда-то либерал),
От ссыльных сверстников далеко ты удрал
В жандармскую любовь — к престолу, не к народу,
Продажностью писак втесняемую в моду, —
Твой неуклюжий стих теперь, когда попал
В потаповский, то бишь в катковский сей журнал,
Совсем не бабочка, сидящая на розе,
А муха старая, почившая в навозе.

〈НА Б. Н. ЧИЧЕРИНА〉

Палач свободы по призванью,
Палач науки по уму,
Прилгавший к ясному преданью
Теоретическую тьму,
Как ты ни гордо лицемерен,
А всё же знай, Видок Тетерин,
Что ты в глазах честных людей
Доносописец и злодей,
Холоп и шут самодержавья,
Достойный тяжкого бесславья
Иль смерти немца Коцебу...
Итак — свершай свою судьбу.

* * *

Что за год бесчеловечий!
Жатва сгибла в смраде слов,
И взошли от корня Гречей
Всё Чичерин да Катков.

Василий Степанович Курочкин

⟨НА М. Н. МУРАВЬЕВА⟩

1

Сто человек никак ты запер в казематы,
И мало всё тебе, всё мрачен, как чума, ты!
Утешься, ведь господь царя благословил —
Отвел от родины тягчайший из ударов!
«Эх, братец! черт ли в том! Ведь я бы заморил
Сто тысяч в крепости, когда б не Комиссаров!»

2

Холеру ждали мы, и каждый был готов
Диету соблюдать и жить себе здорово.
Но фурия хитра: надула докторов —
Прислала за себя из Вильны — Муравьева.

⟨НА ИЕРОМОНАХА ГАВРИИЛА⟩

Как не вскрикнуть тут с поэтом:[1]
Край родной долготерпенья!
Если розги в крае этом —
Лучший метод просвещенья?
Ладно всё. Отец не спорит
И нисколько не в обиде,
Хоть всю школу перепорет
Кроткий пастырь в пьяном виде.

---

[1] Ф. Тютчев, «Эти бедные селенья» и пр. *(Примеч. В. С. Курочкина.)*

ЭПИТАФИЯ БАВИЮ

Судьба весь юмор свой явить желала в нем,
Забавно совместив ничтожество с чинами,
Морщины старика с младенческим умом
И спесь боярскую с холопскими стихами.

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

(Посвящается рецензенту, который примет эту шутку на свой счет)

Друг мой, вот тебе совет:
Если хочешь жить на свете
Сколь возможно больше лет
В мире, здравье и совете, —
Свежим воздухом дыши
Без особенных претензий;
Если глуп — так не пиши,
А особенно — рецензий.

⟨М. Н. КАТКОВУ⟩

Поверь, для всех смешон шпионский твой задор
С твоим доносом заучённым,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным.

Николай Алексеевич Некрасов

⟨М. Н. КАТКОВУ⟩

Каким ни ухищряйся шрифтом
Печатать слабые статьи,
Верь, ни сотрудники твои,
Ни сам ты — век не будешь Свифтом.

АВТОРУ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом,
Что женщине не следует «гулять»
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена и мать.

К ПОРТРЕТУ**

Твои права на славу очень хрупки,
И если вычесть из заслуг
Ошибки юности и поздних лет уступки —
Пиши пропало, милый друг.

ЭПИТАФИЯ

Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды
И умер пьяный в поле
От водки и простуды.

МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
— Это — стойлице коровье,
А корову бог прибрал!
Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе полати,
А в клети, вместо телят,
Два котеночка пищат!
Есть и овощ в огороде —

Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

Аполлон Николаевич Майков

ШАРАДА

Мой первый слог — палач, сказать яснее — кат;
Второй слог — замысел коварный;
А целое мое — известный ренегат
И публицист непопулярный.

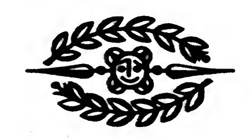
М. Н. Катков

М⟨ЕРЕЖКОВСКО⟩МУ

В вас есть талант — какой тут спор!
Но, чтобы свет ему увидеть,
Пошли, господь, весь этот вздор,
Что вы писали до сих пор,
Вам поскорей возненавидеть!

* * *

У декадента всё, что там ни говори,
Как бы навыворот, — пример тому свидетель:
Он *видел* музыку; он *слышал* блеск зари;
Он обонял звезду; он щупал добродетель.

АНОПОВУ

Приобресть мы можем знанья
И умение пролезть, —
Трудно то лишь приобресть,
Что дает нам воспитанье.

⟨НА Д. В. ГРИГОРОВИЧА⟩

Видал ли ты на небесах комету?
Видал ли ты, как хвост ее поймал
И, привязав к нему свою карету,
Езжал один известный генерал?
Народу что сбежалось — о мой боже!
Видал ли ты? — Нет, не видал. — Я тоже,
А Григорович так видал.

DE MORTUIS ⟨AUT BENE AUT NIHIL⟩[1]

Давно всеобщею моралью решено:
«Об мертвых говори хорошее одно».
Мы ж заключение прибавили такое:
«А о живых одно дурное».

ВАЛУЕВ

Мысли — тени ни малейшей,
Но как важен, светел он!
Это — пошлости полнейшей
Министерский Аполлон!

[1] О мертвых или хорошо, или ничего *(лат. афоризм)*.

〈ПОСЛЕ ПУБЛИКАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ МАЙКОВА «ДРУГУ ИЛЬЕ ИЛЬИЧУ»,

которое в официальных кругах было сочтено пасквилем на Александра II〉

С трудом читая по складам,
Хотят читать между строками,
И что сказать хотели б сами,
То придают чужим стихам.
Их вразумлять — труды напрасны!
Так и заладили одно!..
Стихи-то, кажется, и ясны,
Да в головах у них темно!

АВТОЭПИГРАММА

Устал я жить, устал любить
И трепетать за всё святое!
Любовь — цель жизни, может быть,
Но и ярмо мое земное!..

* * *

Вы «свобода» нам кричите,
Я одной себе ищу —
Думать так, как я хочу,
А не так, как вы хотите!

〈НА Н. Ф. ЩЕРБИНУ〉

〈Щербина〉 слег опять. — Неужто?
— Еле дышит.
— Бедняжка! — Да, и это всякий раз,
Как кто-нибудь, друзья, из вас
Стихи хорошие напишет.

Петр Васильевич Шумахер

КТО ОНА ТАКА?

В pendant[1] к «Картинке» Майкова

«Тятька, эвон что народу
Собралось у кабака:
Ждут каку-то всё слободу:
Тятька, кто она така?»

«Цыц! нишкни![2] пущай гуторют,
Наше дело — сторона;
Как возьмут тебя да вспорют,
Так узнаешь, кто она!»

К ПАМЯТНИКУ КРЫЛОВА

Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как ре́звятся вокруг него ребята,
И думает себе: «О милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты!»

ПРИТЧА

Монах стучит в ворота рая,
Апостол Петр ему в ответ:
«Куда ты, рожа проклята́я!
Здесь вашей братье быть не след.
Вы всё печетесь о житейском,
Вишь, словно боров, разжирел;
Должно быть, в чине архирейском
Ты всласть курятинки поел!..»
«Апостоле, не осудиши!

[1] Под стать *(фр.)*. [2] *Нишкни* — молчи.

У каждого свои грехи;
Да говори про *кур* потише,
Чтоб не пропели *петухи*».

ЗВЕЗДА

В мои безумные года
На чистом небе летней ночи
Большая, яркая звезда
Мои приковывала очи.
Теперь мне кажется смешна
Сия небесная забава:
Теперь приятна мне одна
Звезда святого Станислава.

〈НА СМЕРТЬ БУЛОЧНИКА ФИЛИППОВА〉

Вчера угас ещё один из типов,
Москве весьма известных и знакомых,
Тьмутараканский князь Иван Филиппов,
И в трауре оставил насекомых.

* * *

Какой я, Машенька, поэт?
Я нечто вроде певчей птицы.
Поэта мир — весь божий свет;
А русской музе тракту нет,
Везде заставы да границы.
И птице волю дал творец
Свободно петь на каждой ветке;
Я ж, верноподданный певец,
Свищу, как твой ручной скворец,
Народный гимн в цензурной клетке.

Федор Михайлович Достоевский

⟨Н. С. ЛЕСКОВУ⟩

Описывать всё сплошь одних попов,
По-моему, и скучно и не в моде;
Теперь ты пишешь в захудалом роде, —
Не провались, Л⟨еск⟩ов.

Николай Семенович Лесков

⟨НА РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «ВЕК» Т. И. ФИЛИППОВА⟩

Хоть у гроба у Господня
Он зовется «эпитроп»[1],
Но для нас он мерзкий сводня,
Льстец презренный и холоп.

Николай Федорович Щербина

НА КОНЧИНУ ГАЗЕТЫ «ВЕК»

Шагаем мы неимоверно, —
Гордись, о русский человек,
Что в год Россия беспримерно
Переживает целый «Век».

---

[1] Защитник *(греч.)*.

ГАЗЕТА «МОЛВА»

К «Молве» названье не пристало:
Ее читателей так мало,
Что хоть зови ее отныне —
«Глас вопиющего в пустыне».

МОЛИТВА СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

О ты, кто принял имя Слова!
Мы просим твоего покрова:
Избави нас от похвалы
Позорной «Северной пчелы»
И от цензуры Гончарова.

КУКОЛЬНИКУ[1]

Хоть теперь ты *ex*-писатель,
E*x*-чиновник, е*x*-делец
И казны е*x*-обиратель —
Всё же ты не е*x*-подлец.

〈НА К. А. ПОЛЕВОГО〉

1. ФИГУРА ПОПРАВЛЕНИЯ[1], ИЛИ КСЕНОФОНТ ПОЛЕВОЙ

Он всех булгаринских идей
Живою стал апотеозой...[2]

---

[1] Кукольник теперь поселился в Таганроге, обеспечив себя казнокрадством, служа по провиантской части во время Крымской кампании. Он сказал одному моему знакомому, что он уже теперь «е*x*-чиновник» и «е*x*-писатель». Это и подало мне повод к вышеописанной эпиграмме. *(Примеч. Н. Ф. Щербины.)*

Иль нет: пред ним и сам Фаддей
Покажется маркизом Позой...

2. ЕЩЕ О КСЕНОФОНТЕ

Фаддея нет... Но та ж «Пчела»,
Всё та же за «Пчелою» слава:
Фаддея критика подла,
А Ксенофонтова — плюгава.

ЭПИГРАММЫ НА АПОЛЛОНА МАЙКОВА

1. ДИЛЕММА

Ты гимны воспевал «откинутой коляске»,
Лбу медному кадил и льстил ты медной каске;
Стремленье к вольности, гражданскую борьбу
Ты гнусно порицал, как немец Коцебу.
И, как хамелеон, меняя убежденье,
Ты заслужил себе всеобщее презренье...
Но я спрошу тебя дилеммою такой:
Скажи — подлец ли ты, иль «скорбен головой»?

---

[1] В старинных «Риториках» в числе других фигур помещали и *фигуры поправления,* в пример которой приводили обыкновенно следующие стихи Державина:

Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое...
Иль нет: тяжелый некий шар,
На нежном волоске висящий.

(Примеч. Н. Ф. Щербины.) [2] Апофеозом.

2. БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Он в «Арлекине» воспевал
Нам Третье отделенье;
Белье так редко он менял,
Но часто убежденья.

3. ТЕПЕРЕШНИЙ МАЙКОВ

В России странный век настал:
Смягчилось Третье отделенье, —
И вновь стал Майков либерал
С монаршего соизволенья.

В АЛЬБОМ РЕБЕНКА

Будь в жизни прям и непритворен.
Враждуя с ложью и со злом,
И да не будет опозорен
Твой фрак звездою иль крестом.

ПО ВЗЯТИИ СЕВАСТОПОЛЯ

И родил тот ботик флотик,
Этот флотик флот родил[1].
Бенедиктов

Всё назад, наоборот
На святой Руси идет,
Где из ботика стал флотик,
А из флотика стал флот...
Но лишь выпал трудный год —
И остался только ботик.

---

[1] Прошло с небольшим десять лет после этих строк, и из ботика — снова возникает грозный флот. 1868 *(Примеч. Н. Ф. Щербины.)*

ПРЕД ПАМЯТНИКОМ ПЕТРУ I В ПЕТЕРБУРГЕ

Нет, не змия Всадник Медный
Растоптал, стремясь вперед, —
Растоптал народ наш бедный,
Растоптал простой народ.

РЕФОРМА ПЕТРА I

(Посвящается журнальным статейкам последних годов)

Реформою своей стяжал он много славы:
Ведь он европеизм настолько к нам привил,
Что сущий искони батог наш величавый
Спицрутеном немецким заменил.

ВСЕОБЩИЙ БЛАГОПРИЯТЕЛЬ

Он меж холопьями считался мудрецом
За то, что мысль давить была его отрада;
Он был фельдфебелем под царственным венцом
И балетмейстером военного парада.

МЫ

У нас чужая голова,
А убежденья сердца хрупки...
Мы — европейские слова
И азиатские поступки.

СОВРЕМЕННОЕ ОЖИДАНИЕ

Все ждешь каких-нибудь историй
Трепещешь за свою судьбу,
Ведь из принци́пов и теорий
Россию выпустят в трубу.

ЭПИТАФИЯ РУССКОМУ КУПЦУ

С увесистой супружницей своей
Он в бане парился и объедался сыто...
О сколько им обмануто людей
И сколько чаю перепито!

* * *

Попы издревле доказали
Неистовство утроб своих
И в древности так славно жрали,
Что на́звали жрецами их.

⟨НА А. В. ГОЛОВНИНА⟩

1. МАДРИГАЛ ГОЛОВНИНУ

Идеи с формой сочетанье
Явилось стройно и вполне,
Как в артистическом созданье,
В уродливом Головнине...
Терситом, Яго, Квазимодо —
Ну как его б ты ни назвал,
В твоей сатире на урода
Ему все выйдет мадригал.

2. ГОЛОВНИН

Он доказал, при возвышенье быстром,
При дружбе со значительным лицом,
Что можно быть бездарнейшим министром
И даровитым подлецом.

ФЕОКТИСТОВУ

Не сердись... Пришлося к слову,
И тебя я упрекну:
При сочувствии к Каткову,
Служишь ты Головнину...

⟨НА М. П. РОЗЕНГЕЙМА⟩

1. ОТВЕТ РОЗЕНГЕЙМУ
на его тупую эпиграмму на меня

Чтоб веру дать моим словам —
Пиши побольше эпиграмм.

2. ЕМУ ЖЕ

Жалки нам твои творенья,
Как германский жалок сейм,
Тредьяковский обличенья,
Стихоборзый Розенгейм!

3. РОЗЕНГЕЙМУ

О, если б так же вдохновенно
В стихах ты взятки обличал,
Как в Белостоке иступленно
Ты эти взятки в прозе брал,
То гениальнейшим поэтом
Прослыл бы перед целым светом.

⟨НА Н. В. ГЕРБЕЛЯ⟩

1. УЖАСАЮЩАЯ ДОГАДКА

Зачем бы Гербелю в отставку выходить:
Ведь не мешает Марс стишкам и корректуре?..
Но — боже! — неужель грозит он посвятить
Всего себя литературе!

2. ГЕРБЕЛЮ

Вико прав. В круговращенье
Исторических веков
Всё — одни лишь повторенья:
Гербель в нашем поколенье —
Что в минувшем был Хвостов.

⟨НА И. И. ПАНАЕВА⟩

1

Когда с Панаевым встречаюсь я порой,
При людях мне тогда неловко и конфузно,
Как будто кто передо мной
Показывает гузно.

2. ЭПИТАФИЯ И. И. ПАНАЕВУ

Лежит здесь, вкушая обычный покой неизвестности,
Панашка, публичная девка российской словесности.

ДВОЙНОЕ ГОРЕ

(У гроба Гоголя)

22 февраля 1852 года

Слышим вопли, стон и клики
Лучших родины сынов:
«Умер Гоголь наш великий,
Жив и здравствует Сушков!»

⟨Д. Д. МИНАЕВУ⟩

1. ОБЛИЧИТЕЛЬНОМУ ПОЭТУ, ИЛИ ТЕМНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

У русской гласности прося
Грешкам мизерным воздаянья,
Он «обличает» всех и вся,
Не обличая дарованья.

2. ОБЛИЧИТЕЛЬНОМУ ПОЭТУ

Я тебе твое значенье
Объясню, голубчик мой:
Знай — твои все обличенья
От лакейской точки зренья,
С Толкуна или с Сенной.

Дмитрий Дмитриевич Минаев

Н. ЩЕРБИНЕ,
Издавшему сборник «Пчела»

Поэт! к единственной я склонен похвале:
«Пчела» Булгарина сродни твоей «Пчеле».

БОБОРЫКИНУ В РОЛИ ЧАЦКОГО

Карету мне, карету!
«Горе от ума», акт IV

На сцене видя пьесу эту,
Я об одном лишь плакал факте,
Что Боборыкину карету
Не предложили в первом акте.

ПРИ НОВОЙ ПОСТАНОВКЕ «ГОРЯ ОТ УМА»

Декабрь 1869

Вот занавес взвился, и вскоре
Решила публика сама:
На сцене видели мы *горе*,
Но не заметили *ума*.

* * *

Она останется всегда
Артисткой нужною для сцены,
И хоть не очень молода,
Но все ж моложе Мельпомены.

«САПОЖНИК» (КОЧЕТОВА)

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом —
Тьфу! — кистью я хотел сказать.

Н. ГЕ

Какие ни выкидывай курбеты,
А все-таки, друг милый, не Курбе ты.

* * *

Едва ль придет художнику охота
Когда-нибудь писать его портрет:
На свете прозябая много лет,
Он сам похож на копию с кого-то.

НА КОМ ШАПКА ГОРИТ?

Имея многие таланты,
К несчастью, наши интенданты
Преподозрительный народ.
Иной, заслыша слово «ворон»,
решает, что сказали: «Вор он»,
И на его, конечно, счет;
А если кто проговорится
Невинным словом «воробей»,
Он начинает сторониться,
Поймавши звуки: «Вора бей».

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Природа манит всех к себе, но как?
По-своему глядят все на щедроты неба...
В лесу густом сошлись богатый весельчак
И нищий, без угла, без паспорта и хлеба.

Невольно странники замедлили свой путь,
Увидя пышный лес, но думали различно:
Один: «Ах, здесь в лесу отлично отдохнуть!»
Другой: «Ах, здесь в лесу повеситься отлично!»

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЫИГРЫШ

«Я дом купил!» — «Ах, очень рад!»
«Постойте радоваться: вскоре
Он за долги мои был взят».
«О боже мой, какое горе!»
«Но адвокат вернул назад
Мне этот дом». — «Вот так удача!»
«Ну, нет большой удачи в том:
Мой адвокат взглянул иначе
И за «защиту» взял мой дом».

⟨НА ГЕНЕРАЛ-ШТАБ-ДОКТОРА ФЛОТА Б. И. БУША

по случаю уголовного процесса над ним за взятки, которые он вымогал, раздавая «теплые» места⟩

Эпидемически страдая зудом лап,
Как все дельцы, до денег слишком жадные,
«Местами теплыми» торгуя, эскулап
Забыл, что есть у нас еще «места прохладные».

⟨НА УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС НАД ФИНСКИМИ ИНЖЕНЕРАМИ, «ОБМАНУВШИМИ ДОВЕРИЕ»⟩

Тут есть о чем задуматься толпе.
Они, тучневшие на черепашьем супе,
Сперва отдельно ездили в купе,
А нынче их ведут как подсудимых вкупе.

* * *

Бегут все вас, завидя издали,
С тех пор как «пук стихов» вы издали.

* * *

Он стар и сед, а в старых черепах
Мысль движется едва ль быстрее черепах.

* * *

Ценят золото по весу,
А по шалостям — повесу.

* * *

Женихи, носов не весьте,
Приходя к своей невесте.

⟨ЖЕНЕ ЗНАКОМЦА В. С.,

которого она держит под башмаком, по случаю ее желания стать сестрой милосердия в разгар русско-турецкой войны⟩

Прости мой стих холопский, смердный!
Ты, увлеченная войной,
Не будь сестрою милосердной,
Но милосердной будь женой!

⟨ДРУГУ Н. И. Т—ОВУ,
у которого от усердного служения Бахусу всегда двоится в глазах,
по случаю рождения у него двойни⟩

Сердцем ноя и скорбя,
Можно удивиться:
Даже в этом у тебя,
Милый мой, двоится.

⟨ЭПИТАФИЯ ПОЭТУ М., УМЕРШЕМУ ОТ БЕЛОЙ ГОРЯЧКИ⟩

Он был великий человек,
Его мы спичем удостоим:
Он удивлял нас целый век
Своим талантом и запоем.
Толпа! Прости ему грехи
И грязью памятник не пачкай:
Писал он белые стихи
И умер белою горячкой.

ОСЕННЯЯ ВИНЬЕТКА

Кислая осень в окошко врывается,
Дома сидеть невозможно никак:
Выйдешь на улицу — злость разыграется,
Сырость и грязь отравят каждый шаг.
Целые сутки льет дождь с неба хмурого,
Некуда деться от сонной тоски,
Будто бы ты все статьи Гайдебурова
Перечитал от доски до доски.

АЛЕКСАНДРИНСКОМУ ТЕАТРУ

Мировой судья Трофимов за известные деянья
Скоро будет вместо штрафа иль другого наказанья
Приговаривать виновных всех спектакля на два, на три,
Чтоб виновный до конца их в этом высидел театре.

* * *

Нельзя довериться надежде,
Она ужасно часто лжет:
Он подавал надежды прежде,
Теперь доносы подает.

ДОКТОРСКИЙ СОВЕТ

«Чем вы больны?» — «Бессонница тревожит,
Не сплю всю ночь до позднего утра».
«Два средства есть. Любое вам поможет:
Грамм морфию иль номер «Маляра».

ЗАПИСКА

Я вместо всякого письма
Тебе шлю Пушкина изданье.
В нем есть Геннади примечанья:
«Фу, братец, сколько в них...» ума
Ты думаешь, поди? А я так
В них больше вижу опечаток.

⟨НА РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»⟩

У тебя, бедняк, в кармане
Грош в почете — и в большом,
А в затейливом романе
Миллионы нипочем.
Холод терпим мы, славяне,
В доме месяц не один.
А в причудливом романе
Топят деньгами камин.
От Невы и до Кубани
Идиотов жалок век,
«Идиот» же в том романе
Самый умный человек.

В. П. Б⟨УРЕНИНУ⟩

По Невскому бежит собака,
За ней Б⟨уренин⟩, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил.

В КАБИНЕТЕ ЦЕНЗОРА

Здесь над статьями совершают
Вдвойне убийственный обряд:
Как православных — их крестят
И как евреев — обрезают.

У ВХОДА В ПРЕССУ

«Кто там?» — «Я истина». — «Назад!
В вас наша пресса не нуждается».
«Я честность!» — «Вон!» — «Я разум!» —
«Брат,
Иди ты прочь: вход запрещается».
«Ты кто такая?» — «Пропусти
Без разговоров! Я — субсидия...»
«А, вы у нас в большой чести:
Вас пропущу во всяком виде я!»

БЕЗЫМЯННОМУ ЖУРНАЛИСТУ

Сразить могу тебя без всякого усилья,
Журнальный паразит:
Скажу, кто ты и как твоя фамилья,
И ты — убит.

ЗОИЛУ

Ведя журнальные дебаты,
Страшись одной ужасной казни:
Того гляди, из неприязни
Укусишь самого себя ты
И сгибнешь от водобоязни.

НИВА

Пусть твой зоил тебя не признает,
Мы верим в твой успех блистательный и скорый:
Лишь «Нива» та дает хороший плод,
Навоза не жалеют для которой.

Иннокентий Федорович Анненский

〈СОТРУДНИКУ ЖУРНАЛОВ «НИВА» и «ВАЗА»〉

Даюсь я, Ф〈ейгин〉, диву:
Как мог твой гений сразу
И унавозить Ниву,
И переполнить Вазу.

Петр Андреевич Каратыгин

〈НАДПИСЬ НА КНИГЕ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА», которую редактировал и снабдил примечаниями и объяснениями педагог И. Д. Гарусов〉

Здесь ссылок, выносок и выписок так много,
Что в ссылке, кажется, весь ум у педагога.

〈АКТРИСЕ ГОРСКОЙ, дебютировавшей в роли барыни, а потом игравшей служанку-госпожу в одноименном водевиле〉

Зачем, не слушая молвы,
Вы не в свои садитесь санки?
Роль госпожи играли вы,
Теперь вы взяли роль служанки.
Что время попусту губить,
Что спорить вам с судьбой-тиранкой?
На сцене, верно, вам не быть
Ни госпожою, ни служанкой.

⟨НА Ф. А. БУРДИНА,

который настоял на своем бенефисе в праздничный день, а роль себе избрал из французской мелодрамы «Парижские нищие»⟩

Лобазника спросил какой-то мещанин:
«Никак, брат, не пойму, зачем это Бурдин
В свой бенефис на представленье
Поставил «Нищих» в Воскресенье?»
«Какой же ты простак, — в ответ сказал лобазник, —
Ведь нищие всегда сбирают больше в праздник».

⟨АРХИТЕКТОРУ САМОЙЛОВУ,

сыну актёра В. В. Самойлова, написавшему пьесу «Граф Говорлин»⟩

Готовились вы пьесу сочинить,
Чтоб ей вся публика дивилась.
Но и друзья не станут вас хвалить:
Пиеса ваша провалилась.
Таланта нужно много и ума
Для возбужденья интереса.
Не стройте же по крайности дома
Так, как построена пиеса.

⟨СТИХОТВОРНАЯ РЕЦЕНЗИЯ НА ПЬЕСУ,

рукопись которой была написана мельчайшим почерком⟩

Мои глаза не лупа!
Но вижу, друг бесценный,
Что это очень глупо
И не пройдет для сцены.

⟨ТУЧНОЙ НЕМЕЦКОЙ АКТРИСЕ ВЕСТФАЛЛИ по случаю исполнения ею роли Гамлета во время ее гастролей в петербургском Михайловском театре⟩

Скажите мне, мамзель Вестфалли,
Зачем Гамлета вы играли?
Ведь эта штука нелегка?
В «Гамлете» вы нам показали
Одни вестфальские окорока,
А принца Датского мы вовсе не видали...

ЗАКУЛИСНЫЕ ЭПИГРАММЫ

1

Трем переводчикам «Гамлет» не удалсй...
Чтобы поправить зло такое,
Четвертый за него взялся, —
И вышло хуже — втрое!
Одно из двух: «Гамлéт» едва ль переводим,
Иль только на Руси ему невзгода,
Зато уж переводчикам плохим
У нас решительно не будет перевода!

2

Бессмертный Пушкин наш изобразил «Бориса»;
Теперь «Бориса» вновь представил граф Толстой...
Мы ограничимся пословицей одной:
С богатым не тянись, а с сильным не борися.

3

Васильев в «Грозном» мог смешить,
Но вряд ли повод даст к суждениям серьезным:
Иваном грязным он и грузным может быть,
Но мудрено ему быть грозным.

Гавриил Николаевич Жулёв

⟨НА П. В. ВАСИЛЬЕВА⟩

Уважаю я Васильева
И как комика люблю его!
Ну, попробуй кто, осиль его:
Как играет он Расплюева...
Взявши Грозного серьезного,
Превратил он в водевиль его...
Это смерть была не Грозного,
А забавного Васильева!

Дмитрий Тимофеевич Ленский

⟨НА АКТРИСУ ВОЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ, муж которой вел себя с ней грубо, но жил на ее средства⟩

Она — жена, каких не много,
А он — пример мужей:
Она — проезжая дорога,
А он — кабак на ней.

⟨ДОМОВЛАДЕЛЬЦУ С—ВУ
по случаю грозящего ему исключения из московского купеческого клуба за учиненный там скандал в ответ на дурно поданный кусок говядины⟩

Оскорбили вы здесь нравы;
Обсудив со всех сторон, —
По говядине — вы правы,
По душе ж — вас нужно вон.

А. К. Злов
(Алексей Александрович Козлов)

ИЗ КНИГИ «ЮМОРО-САТИРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП»

ОТКУПЩИК

Давно ль за стойкой я стоял
И ни гроша не стоил?..
Теперь мне зятем генерал
Назваться удостоил!
А все вино тому виной!..
Торгуя полугаром,
В наш век как раз торгаш иной
Сам станет генералом!

ПЕСЕНКА

Закурю я трубочку,
Чарочку налью,
Да про горе горькое
Песенку спою.
Горе не великое,

Что одна нога;
А вот горе тяжкое:
Водка дорога!

ЭПИТАФИЯ МИХ. ЯКОВ. ГОЛЯТКО-НЕПРОЛЕЙКАПЛИНУ

Спи без просыпа, мой друг, теперь время тебе протрезвиться;
Мы же над прахом твоим, в твою память до утра пропьем!

Николай Иванович Кроль

БРАМИН

Однажды в городе, поблизости к Пекину,
Предстала девушка сказать грехи брамину.
Сей с кротостью внимал раскаянья язык.
«А целомудренна ль?» — спросил ее старик.
«Грешна, отец!» — «Увы! так рано преступила!
Но что ж тебя к греху такому побудило?
Не труд ли с нищетой, иль праздность, мать проказ?»
«Я слышала, что грех целителен от глаз,
А я слаба была глазами с малолетства».
«Эх, — закричал старик в сердцах, — какое детство!
Будь это правдою, так мне бы довелось
Увидеть в небесах всех гениев насквозь».

Михаил Ларионович Михайлов

ПЕРЕВОДЧИК

Шиллер и Гете... Но я их не вижу в твоем переводе...
Вместо обоих поэтов — вижу тебя одного!

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Много у нас толковали в журналах о прессе свободной.
Публика так поняла: гни нас свободно под пресс!

БОРОДЫ

Долго на бороды длилось гоненье, но сняли опалу.
Всем теперь ясно, куда либерализм этот вел.
Слышатся толки везде о земских соборах и думах.
Как же, «уставя брады», в них без бород заседать?

КОНСТИТУЦИОНАЛИСТ

Тошно из уст его слышать и самое слово Свобода.
Точно как будто кастрат стал о любви рассуждать.

ПРЕДАННОСТЬ

Преданность вечно была в характере русского люда.
Кто же не предан теперь? Ни одного не найдешь.
Каждый, кто глуп или подл, наверное, предан престолу;
Каждый, кто честен, умен, предан, наверно, суду.

ВЗЫСКАНИЕ

Каторгу даже и казнь именуют указы взысканьем:
Взыскан (так понимай!) царскою милостью ты.

ХРИСТИАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

«Меньше пекись о земном — и в царствии будешь небесном!»
Новый земский устав прямо нас в рай приведет.

ДЕСПОТУ

Резец истории тебе, ханжа лукавый,
Глубоко начертит на гробовой плите:
«Он знаменье креста творил рукою правой,
А левой распинал народы на кресте».

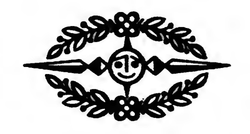
Николай Александрович Добролюбов

НЕЛЕПОСТЬ

Что ты не лжец — ты уверяешь;
Но ты себя опровергаешь.
Что ты не лжец — ты уверяешь,
А сам нелепость утверждаешь,
А именно: что ты не лжец — ты уверяешь.

НА КАРИКАТУРЫ СТЕПАНОВА

Между дикарских глаз цензуры
Прошли твои карикатуры...
И на Руси святой один
Ты получил себе свободу
Представить русскому народу
В достойном виде царский чин.

Приписываемое

⟨НА П. А. КЛЕЙНМИХЕЛЯ
по случаю отстранения его от должности главноуправляющего путями сообщений и публичными зданиями за крупные мошенничества⟩
Октябрь 1855 года

Благодарю тебя, творец...
Клейнмихеля не стало!
Ворам, мошенникам — конец.
Дорогам же — начало!

АНОНИМНАЯ ЭПИГРАММА НА НЕГО ЖЕ

Четырнадцать он лет путями правил,
А сам жил без пути и правил.

Иван Григорьевич Руденко

ИЗ КНИГИ «РОЗЫ И ШИПЫ, ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЛИСТОК»

СОВРЕМЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Как афинская гетера,
На диване развалясь,
Ждет красотка кавалера,
И довольный входит князь.
На лице его блистает
Страсти северный огонь,
И к красе он простирает

Благородную ладонь.
Дева с пылкостью схватила
Руку друга и спроста
У сиятельства спросила:
«Отчего она пуста?..»

Барон Икс
(Семен Титович Герцо-Виноградский)

* * *

Вчера сообщил мне артист,
Что некий NN журналист,
Стоит «на короткой ноге»
С актрисою маленькой Г...

Я слуху тому не дивился:
Ведь N хромоногим родился
И с каждой, не только что с Г., —
«Стоит» на *короткой* ноге.

Мартын Боруля
(Евгений Владимирович Васьковский)

ИЗ КНИГИ «АЛЬБОМ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ СТИХОВ»

QUASI-ПРИМАДОННА

**О ней немало порют чуши,
Но вы не слушайте молвы:
Закрыв глаза, заткнувши уши,
Ее найдете сносной вы.**

СУДЬЕ

Он, право, тоже Соломон:
Набит соломой он!

ИЗ ЛЕССИНГА

1. ДОРОГОЙ ЦЕНОЙ

Когда иду я к Баву на обед,
Кодилл завистливо глядит мне вслед:
Что стоит мне обед, дурак не знает, —
Бав мне свои стихи читает.

2. ЭПИТАФИЯ

Смерть возвеличила его:
Он прахом стал из ничего.

ЭСКУЛАПАМ НА ОРЕХИ

(Из И. Гауга)

1. ОДНОМУ ЭСКУЛАПУ

Рецепты, писанные им, —
Суть эпитафии больным.

2. ПОШЛИНА

Гроб — это мост, что нас ведет
С земной юдоли к небесам,
А пошлину за переход
Должны платить мы... докторам!

3. ПРОМЕТЕЮ НАИЗНАНКУ

Скорей бы ты, чем Прометей,
Томиться должен был в цепях:
Из праха делал он людей,
А ты их обращаешь в прах!

Гнут
(Николай Логинович Ломан)

ИЗ АЛЬБОМА

Кто любил — тот не забыл;
Кто забыл — тот не любил;
Кто любил, а всё ж забыл,
Тот забыл то, как любил.

* * *

Душе становится легко хоть на мгновенье,
Как напечатаешь свое стихотворенье.
И мил тогда нам строк печатных самый вид,
Стих каждый как-то так приветливо глядит...
И все равно: то наш ли будет плод
Или чужих стихов тяжелый перевод,
Измены горечь в нем, любви ль взаимный нектар
И весь ли свет его восторженно прочтет
Иль только пробегут редактор да корректор.

Петр Кузьмич Мартьянов

ИЗ КНИГИ «СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ОБЩЕСТВО. КРОКИ И ЭСКИЗЫ»

П. А. ГАЙДЕБУРОВ

Механик, и штурман, и флагман «Недели»[1],
Был шкипером смелым когда-то
И в бурю шел прямо к намеченной цели,
Теперь же обходит все рифы и мели —
Чем море печати богато.

Н. Э. ГЕЙНЦЕ

Историк-романист шестнадцатого века
И романист-историк наших дней,
Малюту[2] выдает он нам за человека
И Аракчеева — за рыцаря идей.

В. Ф. МАШКОВ

В Абиссинию водил
Экспедицию,
Всё там видел, всюду был,
Но лишь женщин похвалил
Да полицию.

[1] Газета. *(Примеч. П. К. Мартьянова.)* [2] Малюта — опричник Ивана Грозного, а Аракчеев — временщик. *(Примеч. П. К. Мартьянова.)*

Константин Константинович Случевский

* * *

В этой внимательной администрации,
Как в геологии, — всюду слои!
Дремлют живые когда-то формации,
Видят отжившие грезы свои.
Часто разбиты, но изредка в целости
Эти слои! В них особенность есть:
Затхлые издавна окаменелости
Могут порой и плодиться и есть!

* * *

Свобода торговли, опека торговли —
Два разные способа травли и ловли:
Всегда по закону, в угоду купцу,
Стригут так иль этак все ту же овцу.

Лиодор Иванович Пальмин

* * *

Блеснула комета во всей красоте
    На куполе синих небес;
В ее величавом блестящем хвосте
    Все видели чудо чудес.
И вскликнула хором чиновников рать,
    Сквозь слезы смотря на звезду:
«Кто мог бы подобным хвостом повилять, —
    У старших бы стал на виду!»

* * *

Есть много на Руси
Маэстро гениальных...
Не веришь, так спроси
Хожалых[1] и квартальных[2].

Иван Феликсович Тхоржевский

* * *

...Сито нужно безусловно!
Хорошенько сами взвесьте:
Станет легче хлеб духовный
Из просеянных известий.
Пища будет всем доступна;
Только соли не просите:
Как и все, что слишком крупно,
Соль останется на сите...

Алексей Николаевич Апухтин

ОРФЕЙ И ПАЯЦ

Слушать предсмертные песни Орфея друзья собралися.
Нагло бранясь и крича, вдруг показался паяц.
Тотчас же шумной толпой убежали друзья за паяцем...
Грустно на камне один песню окончил Орфей.

---

[1] *Хожалый* — служитель, выполнявший для полиции разные поручения. [2] *Квартальный* — в обиходном языке дореволюционной России краткая форма от полицейской должности квартального надзирателя.

С. Я. ВЕРИГИНОЙ

Напрасно молоком лечиться ты желаешь,
Поверь, леченье нелегко.
Покуда ты себе питье приготовляешь,
От взгляда твоего прокиснет молоко.

К НАЗНАЧЕНИЮ В. К. ПЛЕВЕ

Знать, в господнем гневе
Суждено быть тако:
В Петербурге — Плеве,
А в Москве — Плевако!

Приписываемое

НА РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «НОВЬ»

Твердят, что новь родит сторицей,
Но, видно, плохи семена
Иль пересохли за границей:
В романе «Новь» — полынь одна.

Иван Сергеевич Тургенев

⟨НА А. В. НИКИТЕНКО⟩

Исполненный ненужных слов
И мыслей, ставших общим местом,
Он красноречья пресным тестом
Всю землю вымазать готов.

* * *

Вот еще светило мира —
Кетчер, друг шипучих вин:
Перепер он нам Шекспира
На язык родных осин.

Приписываемое

⟨НА А. А. ФЕТА⟩

Как снег вершин,
Как фунт конфет,
Исчезнул Фет
И стал Шеншин.

⟨НА ИНСПЕКТОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И. А. ШПЕЕРА⟩

Се Шпеер, се Омар, се бегемотов внук,
Что страх как бережет Россию от наук.

Афанасий Афанасьевич Фет

⟨НА И. С. ТУРГЕНЕВА⟩

Понятен зов твой сердобольный
И для отцов и для детей:
С базара — храм искусств угольный,
Ты с переулка — дом б...

* * *

Сперва меняя тип за типом,
Клим для своих забавных од
Все типы заменил Антипом,
Так что Антип стал антип-од.

K N. N.

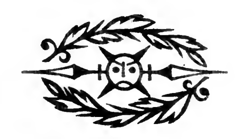
Морщины думы и совета
Не красят твоего лица:
Со звонкой лирою поэта
Плющом довольствуйся певца.

Родится дивным музыкантом
На шаткой ветке соловей,
Но все снегирь не будет Кантом,
И Соломоном — воробей.

Павел Алексеевич Козлов

* * *

Под старость ключ украсил фалды Фета;
Вполне заслужен им такой почет.
Имеет важный смысл награда эта:
Кто без ключа стихи его поймет?

Яков Петрович Полонский

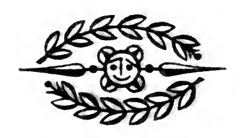
〈НА В. П. МЕЩЕРСКОГО(?)〉

Князек, ханжа и аферист,
Погрязший в узком эгоизме,
Бездушный сплетник, журналист,
Галантерейный романист,
Пошляк в своем патриотизме!
Когда он плавно говорит
О том, что вера в нас погасла,
От липких фраз его тошнит,
Как от касторового масла.

Алексей Павлович Сниткин

ЭЛЕГИЯ

Я всё еще ее, безумный, не забыл!
Я всё еще ее нередко вспоминаю,
Хотя давно уже другую полюбил
И, с первой разорясь, вторую разоряю.
Я всё еще ее, безумный, не забыл!
Люблю, как не любить Полонскому и Фету,
Хоть деньги на нее казенные убил,
Хоть предпочла она откупщика поэту.

Козьма Прутков

ЭПИГРАММА № 1

«Вы любите ли сыр?» — спросили раз ханжу.
«Люблю, — он отвечал, — я вкус в нем нахожу».

ЭПИГРАММА № 2

Пия душистый сок цветочка,
Пчела дает нам мед взамен;
Хотя твой лоб — пустая бочка,
Но все же ты не Диоген.

ЭПИГРАММА № 3

Раз архитектор с птичницей спознался,
И что ж? В их детище смешались две натуры:
Сын архитектора, он строить покушался;
Потомок птичницы, он строил только — куры.

ПАСТУХ, МОЛОКО И ЧИТАТЕЛЬ

(Басня)

Однажды нес пастух куда-то молоко,
И так ужасно далеко,
Что уж назад не возвращался.

Читатель! Он тебе не попадался?

Алексей Константинович Толстой

⟨ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СХОЛИИ В КНИГЕ СТИХОТВОРЕНИЙ А. С. ПУШКИНА⟩

ВИНОГРАД

. . . .

Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

Мне кажется, тому немалая досада,
Чей можно перст сравнить со гроздом винограда.

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник болотный долу клонишь?
Зачем на дальный небосклон
Ты облако столь гневно гонишь?

. . . .

Как не наскучило вам всем
Пустое спрашивать у бури?
Пристали все: зачем, зачем? —
Затем, что то — в моей натуре!

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой:
Дева над вечной струей вечно печальна сидит.

Чуда не вижу я тут. Генерал-лейтенант Захаржевский,
В урне той дно просверлив, воду провел чрез нее.

Алексей Михайлович Жемчужников

В АЛЬБОМ СОВРЕМЕННЫХ ПОРТРЕТОВ

1

С тех пор исполненный тревог,
Как на ноги крестьяне стали,
Он изумлен, что столько ног
Еще земли не расшатали.

2

С томленьем сумрачным Гамле́та,
Но с большей верой, может быть,
Десятый год он ждет ответа
На свой вопрос: «Бить иль не бить?»

3

Свершив поход на нигилизм
И осмотрясь не без злорадства,

Вдались они в патриотизм
И принялись за казнокрадство.

ФИЛОСОФИЯ ЧЕРВЯКА

Вперед я двигаюсь без фальши;
Ползну, отмеряю, и — дальше.
Живу смиренно здесь внизу,
Но все куда-нибудь ползу,
И доползти всегда в надежде —
Коль не раздавлен буду прежде.

ИЗ ЦИКЛА «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ»

1. О ЧЕСТИ

Он, честь дворянскую ногами попирая,
Сам родом дворянин по прихоти судьбы,
В ворота ломится потерянного рая,
Где грезятся ему и розги, и рабы.

2. О ПРАВДЕ

Друзьям бесстыдным лжи — свет правды ненавистен.
И вот они на мысль, искательницу истин,
Хотели б наложить молчания печать,
И с повелением — безропотно молчать!

3. О ДУХОВНОЙ СКУДОСТИ

Для творческих идей дух времени — препона;
От лучших замыслов получится урод.
Из мрамора резцом ваяют Аполлона,
Но разве вылепишь его из нечистот?

ИЗ ЦИКЛА «ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ»

1

Служитель слова, я невольный чую страх
При мысли о иных в печати властных барах;
Всё грезится, что червь господствует в садах,
Что крыса властвует в амбарах.

2

Порой мягчит он голос свой,
Тупою злобой не пугая...
Напрасно! Зверя дикий вой
Эффектней речи попугая.

ИЗ ЦИКЛА «ЭПИТАФИИ»

1. НАШЕМУ ПРОГРЕССУ

Он рос так честен, так умен,
Он так радел о ме́ньших братьях,
Что был Россией задушен
В ее признательных объятьях.

2. НАШЕЙ ЦЕНЗУРЕ

Тебя уж нет!.. Рука твоя
Не подымается, чтоб херить, —
Но дух твой с нами, и нельзя
В его бессмертие не верить!..

Федор Богданович Миллер

〈НА НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ В. В. ГРИГОРЬЕВА〉

1

Плуты, воры, самодуры!
Успокойтесь, отдохните
От бича литературы:
Вы отныне состоите
Под эгидою цензуры.

2

Блаженной памяти Красовский,
Восстав из гроба, произнес:
«Цензурный комитет московский!
В тебя мой дух я перенес!
Прими ж мое ты наставленье:
Чтоб избежать невзгод и бед,
Марай сплеча без сожаленья:
За это замечаний нет!»

Сергей Сергеевич Гусев

ЛУКЕРЬЕ ТИХОНОВНЕ

О женщина тиранка!
В тебе, знать, сердца нет:
Даришь мне свой портрет,
А не билет из банка.

Киевский аноним

ИЗ КНИГИ «БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА! КИЕВСКИЕ ШТРИХИ И КОНТУРЫ»

НАШИ МАГАЗИНЫ

1. МАГАЗИН ГАРТВИГА

Торговля там куда как хороша:
От *барышень* — мильоны барыша.

2. МАГАЗИН ХАМЕЛЕОН

Нынче Дытынковский, завтра Бережная,
Этой бакалеи уж судьба такая!
Старому изданью новые обложки
Барыша, конечно, не дадут ни крошки.

ГАЗЕТЧИКУ

Тупица, скряга по натуре,
Торгаш, маклак в литературе,
Что общего меж прессой и тобой?
Скотинин ты и сердцем и душой.

НА ОДНОГО ИЗ ЧЛЕНОВ КИЕВСКОЙ ЗОЛОТОЙ МОЛОДЕЖИ

И ума в нем нет *начала*
И нет глупости *конца*,
И ни разу не бывало,
Чтобы мысль затрепетала
На чертах его лица.

Другие неизвестные авторы второй половины XIX века

* * *

Я, друзья, женился; за женой впридачу
Взял ее семейство. Как я горько плачу!
Штук теперь пятнадцать у меня на шее
И у каждой штуки новые затеи.
Тронулась супруга бедностью моею:
Стала посторонним вешаться на шею.

IMPROMPTU[1]

Дорого всё в мире
От белья до дров...
Дороги квартиры,
Значит, и любовь.
Даже в счастье этом
Бедняку отказ...
(Впрочем, по газетам
Бедных нет у нас.)

* * *

— Клянусь, я вас озолочу!..
— Нет, с вашим братом я знакома,
Я видеть денежки хочу...
— Ах, я забыл бумажник дома.

ДОКТОРУ

Здесь спит наш милый доктор Грим;
Его больные — рядом с ним.

ПАСТОРУ

Лежит здесь пастор Симеон;
Он проповедник был достойный.
Пошли, господь, ему тот сон,
Что нагонял на нас покойный.

---

[1] Экспромт *(фр.)*.

* * *

Выдумку, о смертный,
Позабудь пустую —
Отыскать на свете
Истину нагую.

Не найдешь ты этой
Небылицы в мире,
Истина прикрыта —
Истина в мундире!

АЛЕКСАНДР II И ЕГО ВРЕМЯ

⟨НА ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ АЛЕКСАНДРА II⟩

Грустно матушке России,
Грустно юному царю.
Царь покойный гнуть лишь выи
Дворню выучил свою.

Грустно! — думаю я часто
Про отечество отцов:
Незабвенный лет ведь на сто
Заготовил дураков.

ПОСЛАНИЯ

1. ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

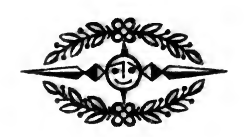
У царя у нашего
Верных слуг довольно —
Вот хоть у Тимашева
Высекут пребольно.

Влепят в наказание
Так ударов со сто, —
Будешь помнить здание
У Цепного моста.

2. ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ

У царя у нашего
Всё так политично,
Что и без Тимашева
Высекут прилично;

И к чему тут здание
У Цепного моста?
Выйдет приказание —
Отдерут и просто!

ПОПРОСТУ

Не мудря, он всех живущих
От людей до насекомых
Разделяет на секомых
И секущих.

⟨НА АЛЕКСАНДРА III, любящего играть на тромбоне⟩

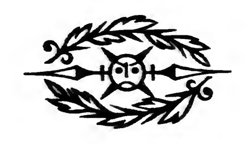
Царь наш, юный музыкант,
На тромбоне трубит,
Его царственный талант
Ноту «ре» не любит.
Чуть министр преподнесет
Новую реформу,
«Ре» он мигом зачеркнет
И оставит «форму».

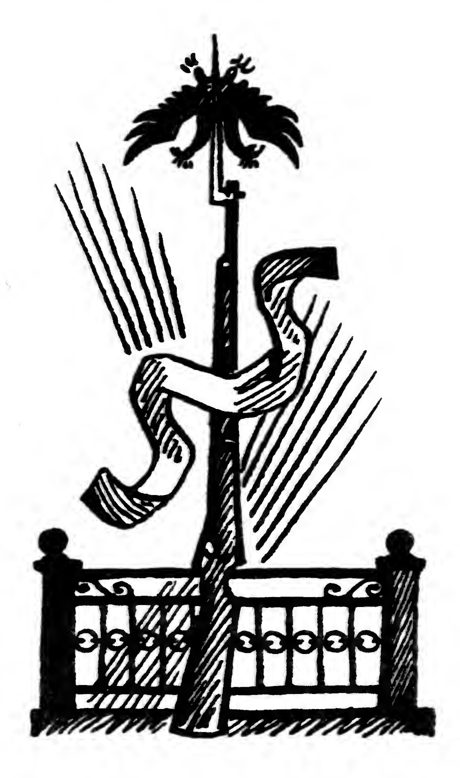
ЭПИТАФИЯ АЛЕКСАНДРУ III

Десять лет он Русью правил
Без законов и без правил,
Точно Грозный или Павел;
Миллиард долгов прибавил,
В Петербурге «Крест» поставил,
Трепетать всю Русь заставил,
Руси «нещечко» оставил
И себя лишь тем прославил,
Что Европу обезглавил,
Бывши их главой.

* * *

Большой сумбур российских дел
Толстой исправить захотел.
В помощники правленья своего
Он взял Заику, Плеве, Дурново.
Что ж? И при нем Россия не толстеет,
А заикается, плюется и дурнеет.

1890-е ГОДЫ — НАЧАЛО XX ВЕКА

Неизвестные авторы начала XX века

До 1917 года

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

У меня жена недаром
Так и льнет к военным хватам,
То к драгунам, то к гусарам...
А законный муж за штатом.
Потерял я к ней доверье,
И любовь, и уваженье,
А она кричит: «Теперь я
На военном положенье!»

НОВОГОДНИЕ ШАЛОСТИ ЭХА
1906

— Что делаешь, мужичок? — Кору жую.

Э х о:

— К оружию!

— Возьми косу и всю вольную печать
в корень выкоси!

Э х о:

— Выкуси!

* * *

От сомнений тяжелых сейчас
Положительно можно повеситься:
Кабинеты министров у нас
Существуют не долее месяца!

Возникает вопрос роковой:
Есть у нас кабинеты недельные,
Был затем кабинет «деловой»;
Но когда же появятся *дельные?*

ПО ПОВОДУ ДВУХ ПАЛАТ В РОССИИ

Посвящ⟨ается⟩ первому Российскому парламенту
1906

Как на рубище заплаты,
Вдруг явились две палаты.
Торжествуй же, храбрый росс!
Только вот один вопрос:
Будет ли ума палата?..
Это, кажется, сверх штата.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Дума, полная кадет,
Государственный совет,
Где засядут наши лорды —
Отставные держиморды, —
Вот фундамент жизни русской...
Завершится он... кутузкой!

ВЫБОРНЫЙ, ДУМА И ТЮРЕМЩИК

Однажды выборный поплелся в Думу.
Ушел тихохонько, без шуму,
Но уж назад не возвращался...
Тюремщик! Он тебе не попадался?..

Алексей Иванович Шувалов, торговый депутат 3-го участка г. Москвы

СВОД ТЕЛЕГРАММ ОДНОГО ДНЯ

(Из газет 15-IV-1897 г.)

В Баку горят фонтаны,
Бритт в Африку спешит.
Бьют Грецию османы,
Франц в Питере гостит.
И действуя открыто,
Храня свои права,
Французы вслед за бриттом
Шлют флот в Делагоа.
Молчат пока славяне,
Храня нейтралитет.
Что будет, то в тумане
Не видно из газет.

НАКИПЬ БОБОРЫКИНА

Тьма новых слов, словечек, фраз.
Написано, сказать по-русски, шустро,
Но в общем кто поймет из нас,
Что говорит наш русский Заратустра...

ЧЛЕН СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА 1909

Союзу Русского Народа
Неукоснительно служу.
Но в тайне признаю свободу
И кремешок за пазухой держу.

Чту православье и иконы,
И посещаю Божий храм.
Блюду российские законы
И повинуюсь их статьям.
Кричу ура царю и знати,
И караул кричу порой,
Неосмотрительно, некстати
Нигде не жертвую собой.
Себе я цену твердо знаю,
И ставлю это всем на вид.
Но уж, признаться, не зеваю,
Коль вижу плохо где лежит...

А. Скорбин

БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Ради всех сокровищ света
Не уступим мы бюджета.
К получению наследства
Есть у нас иные средства,
Но у нас один исход
— Пулемет и пулемет!

Александр Иванович Куприн

С. И. ПЛАКСИНУ

Стой и наблюдай, прохожий:
Вот отменный кабинет,
Тут сияет медной рожей
Плаксин — цензор и поэт.

Это он — певец обедов,
Именин и царских дней,
Пьян, как десять пьяных шведов,
Глуп и важен, как лакей.

«САТИРИКОН»

Ночь темна. Часы так длительны.
Не заснешь! Какой уж сон,
Если даже усыпительный
Не помог «Сатирикон».

Ольга Кесаревна Умова

ПРОЛЕТАРИЮ

Все твои собратья
Сражены нуждой,
Замерли проклятья
Под сырой землей.
Смолкла их тревога,
Сгибли все мечты...
Подожди немного:
Отдохнешь и ты.

ПО «ДОМОСТРОЮ»

Кого люблю, того и бью;
То истина святая,
И если даже я убью,
То только обожая.
Затем-то «Домострой» велел
Учить всю нашу братью,
Чтоб плетку каждый муж имел
Над брачною кроватью.

Николай Евгеньевич Каменский

РЕЗОННО

Гадает матушка Москва:
Какая будет голова?
Но — по словам людской молвы —
И ждать не нужно *головы:*
Порядки наши так убоги,
Что все твердят: «Давай бог ноги!»

Александр Иванович Гомолицкий

* * *

В Ревеле сооружают военный порт.

Каков бы ни был спор там,
Но вывод мой таков:
Россия будет с портом,
Хотя и без... портов.

Василий Васильевич Адикаевский

РАЗГАДКА

Мотивом к упразднению Шлиссельбургской кр⟨епости⟩ послужило то, что на содержание ее тратилось 200 000, при наличности только 30 «номеров».

Из газет

Уничтоженью Шлиссельбурга
Напрасно радовались мы,

Крича, что подле Петербурга
Не будет более тюрьмы.

Друзья, напрасно столько шуму:
Ведь, упразднивши сей «приют»,
На сэкономленную сумму
Пять лишних тюрем заведут.

БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

Свобод мы много в наше время
Внесли в истории анналы;
Спихнув с себя цензуры бремя,
Горды газеты и журналы,
И клохчут ныне, словно куры,
Кичась яичком-«манифестом»,
Без предварительной цензуры,
Но... с предварительным арестом.

АНОНИМНАЯ ЭПИГРАММА

Печатай книги и брошюры,
Свободой пользуйся святой
Без предварительной цензуры,
Но с предварительной тюрьмой.

Владимир Васильевич Трофимов

О ЧЕМ МОЖНО ПИСАТЬ

Нельзя писать: о бюрократе,
Об офицерстве, о солдате,
О забастовке, о движенье,
О духовенстве, о броженье,

О мужике, о министерстве,
О казни, о казачьем зверстве,
О полицейских, об арестах,
О грабежах, о манифестах!
Но остальное все печать
Должна сурово обличать!
Когда ж напишешь — просмотри
«128» и «103»...

М. Пустынин
(Михаил Яковлевич Розенблат)

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ
1915

Нам цензор встарь давал «уроки»,
И как бы цензор ни был строг,
В статьях обычно были строки,
И мы читали между строк.

Теперь беру газет я груду,
Но в них зияют «островки»:
Как между строк читать я буду
Статью, в которой — ни строки?..

Самуил Яковлевич Маршак

〈НА Н. М. ОЛЕЙНИКОВА〉

Берегись
Николая Олейникова,
Чей девиз:
Никогда не жалей никого.

ПИИТ

Собираясь издать собрание стихотворений...

Из речи Пуришкевича

Пять долгих лет увеселял
Он думские собранья.
Пять долгих лет он издавал
Одни лишь восклицанья.
Но вот в последний думский год
Созрел в нем новый гений:
Уж он не звуки издает,
А том стихотворений.
О Гете, Байрон, и Шекспир,
И Пушкин, и Мицкевич!
К вам собирается на пир
Владимир Пуришкевич.
Как вам понравится собрат?
Ведь он — не кто попало!
Он бравый правый депутат
И в чине генерала.
Пять лет скрывался он, но вдруг
Явил нам гений новый!
О, Академия наук!
Готовь венец лавровый!

Владимир Митрофанович Пуришкевич

ИЗ КНИГИ «ГАЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ»
1907

РАДИКАЛ

Я сторонник — конституции,
Я не прочь от — революции,

Но лишь с тем, чтобы правительство
Приложило все усилия
Сохранить мне местожительство
От насилия!
Я большой любитель гласности,
Я не вижу в ней опасности,
Сейте правду в изобилии:
Ex oriente dies crimini[1],
Но меня — ни по фамилии,
Ни — по имени!

ОКТЯБРИСТ

И хотелось бы, и колется,
Ждет похвал, а слышит свист,
Всем богам усердно молится, —
Петербургский — «Октябрист».

ШУЛЬГИН

Твой голос тих и вид твой робок,
Но черт сидит в тебе, Шульгин:
Бикфордов шнур ты тех коробок,
Где помещен пироксилин!

Борис Михайлович Попов

МАРКОВ 2-й

Решили всем парламентом
Про Маркова Второго:
С бодливым темпераментом
Безрогая корова.

---

[1] День преступления грядет с востока *(лат.)*.

Лев Александрович Велихов

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Куда же смысл девался здравый?
Всегда не прав бывает *правый*,
Враг наций всех — *нацьоналист*,
Живет июнем[1] *октябрист*,
Центр поселился на окрайне[2],
Кадет стал генералом втайне,
К обидам гордый *лях* привык[3],
Трудов не любит *трудовик*,
А *«пролетарии всех стран»*
Стеклись в один кавказский стан[4]...
Лишь *прогрессист* не знает критик:
Он прогрессивный... паралитик.

[1] Закон 3 июня 1907 года *(Примеч. кн. С. П. Мансырева.)* [2] Молдавия — родина лидера центра П. Н. Крупенского. *(Примеч. кн. С. П. Мансырева.)* [3] Провал польского коло по вопросу о городовом положении в Царстве польском. *(Примеч. кн. С. П. Мансырева.)* [4] Чхеидзе, Чхенкели, *Скобелев* — кавказские депутаты. *(Примеч. кн. С. П. Мансырева.)*

Александр Валентинович Амфитеатров

В БОЮ В РУССКОМ СОБРАНИИ

Когда Марков 2-й направился по лестнице в отдельную комнату, какая-то пышно разодетая дама нагоняет курского депутата и наносит ему сильный удар в шею.

Марков 2-й на этот раз, однако, сумел сохранить спокойствие. Он оборачивается и спрашивает окружающих: «Кто эта дама? Как ее фамилия? Имеет ли она мужа?»

От дамы получив по шее одолжение,
Спросил он: «Есть у этой дамы муж?»
Такой вопрос — к чему ж?..
Должно быть, хочет сделать предложение!

О лорды! лорды! лорды! лорды!
Ужель не дороги вам собственные морды?!

А. И. ГУЧКОВУ

Эка слава! Эко имя!
Эка сила языка!
Не мозги, а просто вымя
Для словесного млека!

НА ЭКЗОТИЧЕСКУЮ ПОЭЗИЮ И. А. БУНИНА

Ассаргадон свершил свою судьбу.
Скончался Кир, обременен грехами.
Но Вечный Дух создал Ивана Бу....
Да! Бунина, Ивана, — со стихами!

Затеял он, задумчиво-жесток,
Воспеть весь мир, от кондора до крысы.
И чтобы Кира этого в мешок
Убрать — увы! — нет новой Томирисы!

Константин Михайлович Фофанов

* * *

Чуть пробуждается народ,
Сейчас дают ему уставы.
Кричат: «Закройте-ка уста вы!»
И вмиг кладут печать на рот!

НА РАЗГОН ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
1907

Опять разогнана свобода,
Затмилась тучами заря.
Неволя русского народа
Есть воля русского царя.

Владимир Сергеевич Соловьев

ПО ПОВОДУ СТИХОВ МАЙКОВА «У ГРОБНИЦЫ ГРОЗНОГО» И СТИХОВ ФОФАНОВА НА МОГИЛЕ МАЙКОВА

Когда лукавыми словами
Ты злую силу воспевал,
Не мнил ты, Майков, что меж нами
Уже отмститель восставал!

И он пришел к твоей могиле,
И дикий вой раздался вдруг,
И стало тошно адской силе,
И содрогнулся горний круг.

А там, в Архангельском соборе,
Прошел какой-то странный гул,
И, несказанным виршам вторя,
Сам Грозный крикнул: «Караул!»

СВОЕВРЕМЕННОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Израиля ведя стезей чудесной,
Господь зараз два чуда сотворил:
Отверз уста ослице бессловесной
И говорить пророку запретил.
Далекое грядущее таилось
В сих чудесах первоначальных дней,
И ныне казнь Моаба совершилась —
Увы! — над бедной родиной моей.
Гонима, Русь, ты беспощадным роком,
Хотя за грех иной, чем Билеам,
Заграждены уста твоим пророкам,
И слово вольное дано твоим ослам.

* * *

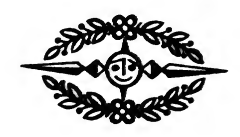
Благонамеренный
И грустный анекдот!
Какие мерины
Пасут теперь народ!

* * *

Протяжённо-сложенное слово
И гнусливо-казенный укор
Заменили тюрьму и оковы,
Дыбу, сруб и кровавый топор.
Но, с приятным различьем в манере,
Сила та же и тот же успех,
И в сугубой свершается мере
Наказанье за двойственный грех.

ЭПИТАФИЯ

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом.
Сперва был филосóф,
А ныне стал шкелетом.
Иным любезен быв,
Он многим был и враг;
Но, без ума любив,
Сам ввергнулся в овраг.
Он душу потерял,
Не говоря о теле:
Ее диавол взял,
Его ж собаки съели.
Прохожий! Научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера.

Н. Минский
(Николай Максимович Виленкин)

⟨НА В. С. СОЛОВЬЕВА⟩

Хотя в поэзии он немощный старик,
А в философии — немыслящий младенец,
Но тем одним уже он славен и велик,
Что двух сопряг он муз, как истый двоеженец.

Николай Николаевич Вентцель

В. С. С⟨ОЛОВЬЕ⟩ВУ

Не то мудрец, не то пророк,
Умом он гибок, словно хлыстик.
Его никто понять не мог,
И потому все звали «мистик».
То восклицал он: «Господа!
Скорее в Рим! Признаем папу!»
(Дай власть ему — и он туда
Нас потащил бы по этапу.)
То утверждал, что наш народ
Всем одарен природой щедро,
И звал торжественно в поход
В его таинственные недра.
И вдруг, сознав, что в этот век
Смешно разыгрывать Мессию,
Себя публично он посек...
Да заодно уж и Россию.

ПЕДАГОГ

Жил некий педагог.
Не так был зол он, как бульдог,
Но полагал,
Что для развитья мозга
Небесполезна розга,
И посекал...
И что ж? Кого он сек, —
Стал человек,
Кому ж давал он спуску, —
Попал в кутузку.

Сей басней вразумись, строптивое дитя,
И руку любызай, карающую тя.

НА СМЕРТЬ КАПЛИ

(Эпиграмма-пародия)

Ах! отчего зари сиянье
Она пережила? Смерть капли
при лучах
Могла бы вызвать состраданье.
Фофанов

Светлей, чем бриллиантовая брошка,
Сияла и блистала капля-крошка,
И мокрой капля та не будь, —
Красавица ее пришпилила б на грудь.
Но в мире сем — увы! — удел хапуги — хапнуть,
А капли — капнуть.
Как будто над собой пролив слезу,
Вдруг капля очутилася внизу...
Ах! отчего не так был длинен век той капли,
Как ноги цапли?

⟨НА В. Я. БРЮСОВА⟩

Существовал когда-то встарь
Известный Брюсов календарь.
Он врал, — но что ни говори,
И всё ведь врут календари!

Календаря того уж нет,
Но Брюсов есть зато поэт,
И, откровенно говоря,
Почище врет календаря.

Николай Степанович Гумилев

МАДРИГАЛ ПОЛКОВОЙ ДАМЕ

Как гурия в магометанском
Эдеме, розах и шелку,
Так вы в лейб-гвардии уланском
Ее величества полку.

Константин Дмитриевич Бальмонт

НАШ ЦАРЬ

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму — темно.

Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь — висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.

Валерий Яковлевич Брюсов

⟨К. Д. БАЛЬМОНТУ⟩

1. К. Д. Б.

Будем как солнце! И диск восходящий
Брызнул лучами на весь горизонт...
Вечер настал. И сквозь дождь моросящий
Тусклым пятном догорает Бальмонт.

2. ПРОПОВЕДНИКУ «МИГА»

Те же слова ты твердишь, что твердил назад лет пятнадцать,
Так же восторженно ты — «мигом живите!» — зовешь.
Но почему ж этот миг продлился на долгие годы?
Жизни текучей пророк, мумией кажешься ты.

КСЕНИИ

1. СКАЗАВШЕМУ УМНОЕ СЛОВО

Есть меж арабов поверье, что может порой и гиена,
Вид принимая людской, умные речи гласить.

2. ПРОПОВЕДНИКУ НОВОГО

Новым путем направляясь, Колумб до Америки доплыл.
Новый Колумб, отчего ж в старом ты вязнешь пруду?

3. ПОЭТУ

Смысла в стихах твоих нет, но они хоть красивы. Спасибо.
Разве ж, однако, беда — смысл дать красивым стихам?

4. ⟨И. Г. ЭРЕНБУРГУ⟩

Ты подбираешь слова тошнотворные: лишнее дело!
Есть и в аптеках давно средства очистить кишки.

5. КРИТИКУ

Ты измеряешь значенье романа числом «экземпляров»;
Но те издания счесть должно, что выйдут потóм.

НА КЛЕОНА, ИЗДАТЕЛЯ ЖУРНАЛА «СТЯГ»

Издатели былых времен
Искали тех, кто делит их воззренья.
Всё изменил наш друг Клеон:
Сотрудников меняя, он
Свои меняет убежденья.

Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДУ

1

Из Пушкина — одна мила ему цитата:
«Поэзия должна быть глуповата».
Поэтов судит он, на похвалы не скуп:
Хорош, кто глуповат, не годен, кто не глуп.

2

«Поэзия должна быть глуповата...»
Не будем разбираться до конца,
Но различай, по простоте, всегда ты
От глуповатого — глупца!

⟨Ф. СОЛОГУБУ⟩

1

На Сологубе Федоре
Учитесь, лодыри,
Не тратить сил.
Он долго не упорствовал,
Полукоморствовал
И прекратил.

2

Твои глаза, конечно, зорки,
Ты беса мелкого узрел,
Но ах! зачем же прелесть порки
В своих поэмах ты воспел.

Федор Сологуб
(Федор Кузьмич Тетеревников)

⟨А. Н. РАШКОВСКОЙ⟩

Хоть и мила Ты, Критикесса,
Но Твой язык острей, чем кортик.
Про Мелкого ты вспомнишь беса
И скажешь: «Мелкий Чертик».

P. S.

И в довершение удара:
«Далёко до Шакеспеара!»

* * *

Мы людей не продаем
За наличные,
Но мы цепи им куем,
Все приличные, —

И не сами, а нужда, —
Цепи прочные,
Ну а сами мы всегда
Непорочные.

⟨НА НАЗНАЧЕНИЕ МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА Д. Ф. ТРЕПОВА ПЕТЕРБУРГСКИМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ⟩ 1905

В смуте этих темных дней
Много есть нелепого,
Но не знаю я глупей
Назначенья Трепова.
Надо мозг свой залепить
Целым фунтом клейстера,
Чтобы к власти допустить
Подлеца-полицеймейстера!

Анонимные эпиграммы

Декабрь 1905 или январь 1906

〈НА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ МОСКВЫ И ПЕТЕРБУРГА Ф. В. ДУБАСОВА И Д. Ф. ТРЕПОВА〉

Господь Россию приукрасил —
Он двух героев ей послал:
Один в Москве народ дубасил,
Другой же в Питере — трепал.

КТО ОН?

〈На назначение Д. Ф. Трепова дворцовым комендантом〉

Организатор смут,
Патронов истребитель,
Реакционный кнут,
Погромов вдохновитель...
Ушел сей молодец,
Насилия поборник:
Назначен во дворец
Как самый старший дворник!..

〈АНОНИМНАЯ ЭПИТАФИЯ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ〉

Остановись, прохожий! Тут
Темнеет траурный приют
Святейшего из бедоносцев.
Пред ним склони смиренно лоб
И возложи ему на гроб
Пакетик подленьких доносцев.

Владимир Сергеевич Лихачев

НАПУТСТВИЯ
〈По случаю отставки К. П. Победоносцева и Д. Ф. Трепова〉
1905

1. Д. Ф. ТРЕПОВУ

Тут скажу немного:
Скатертью дорога!

2. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Благочестивый старичок,
Он вынес бы антихриста явленье,
Он вынес бы и светопреставленье —
Но Конституцию он вынести не смог.

СОМНЕНИЕ

«Без царя в голове» — говорят про того,
Головою кто слаб иль недужен...
Я ни против, ни за не скажу ничего;
В голове царь, быть может, и нужен.

Леонид Григорьевич Мунштейн

НЕНАСЫТНЫЙ МИНИСТР
Декабрь 1905 года

Эта личность давно опорочена,
Но обиды покорно несла...
В первый раз прозвенела пощечина
В кабинете бразильца-посла.

Оплеуху вторую (этически)
Дал ему сам верховный глава.
Петербург хохотал гомерически,
И до слез хохотала Москва.
Но теперь популярность упрочена:
В казнокрадстве поймали его!
Эта новая, третья пощечина
Обессмертила лик Дурново!..
Почему же отставка отсрочена?
Он сидит и сажает в тюрьму...
Не смутила и третья пощечина!
Сколько ж нужно пощечин ему?

УДЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Высокопоставленный
(после отставки)

Тяжел и мрачен мой удел:
Я очутился не у дел!

Еще выше поставленный
(накануне «ликвидации»)

А я боюсь, «уступки сделав»,
Остаться вовсе без... уделов.

Граф Бенгальский
(Николай Георгиевич Шебуев)

ДУРНОВО СТАХОВИЧУ

В другое б время приказал
Я вас схватить и высечь:
Я на двугривенный украл,
А шума на сто тысяч!..

В-ТРЕТЬИХ

Меня ты спросил, почему не женился,
Как думал, на этой вдове я?
Я даже на этот вопрос рассердился:
Ну, пара ли мне эта фея?!

Во-первых, старей, безобразней медузы...
Мороз подирает по коже...
Возможны ль с подобною брачные узы?..
На брак ты взираешь легко же!..

Затем, во-вторых: ну, уж будь некрасива,
Да будь подобрее, но эта, —
Как фурия зла, как Ксантиппа сварлива!..
Собранье всех прелестей света!..

Не очень бы счастлив я был, без сомненья,
Когда бы судьба нас связала...
А в-третьих... я делал уж ей предложенье,
И мне уж она отказала...

* * *

Уступи мне. Прошу я не много:
Хоть один поцелуйчик, голубка,
Уступи... Я — студент, а студентам,
Ты ведь знаешь, повсюду уступка...

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ БАЛ

Бал окончен... Дирижеры
Накричались и охрипли...
Раскрахмалились сорочки,
К телу потному прилипли...

Кудри дам и кавалеров
Развились и тоже смокли...
Запотели окна, стены,
И лорнетки, и монокли...
Мокры лбы и мокры лица
Жен и граждан благородных...
Да! до пота потрудились
В пользу сирых и голодных...

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ

В условиях современности

У ней — опущенные веки,
В его руке — ее рука;
Он ей сказал: «Прощай навеки!»
Она ответила: «Пока!»

Владимир Алексеевич Гиляровский

〈НА ПРЕМЬЕРУ ПЬЕСЫ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВЛАСТЬ ТЬМЫ»〉

В России две напасти:
Внизу — власть тьмы,
А наверху — тьма власти.

Антон Павлович Чехов

ИЗ «ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК»

Настоящий мужчина
состоит из мужа и чина.

Владислав Фелицианович Ходасевич

〈НА ВЛАДЕЛЬЦА И ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА «ГРИФ» С. А. СОКОЛОВА-КРЕЧЕТОВА,

«примазавшегося»[1] шафером на свадьбе автора эпиграммы, посаженым отцом которого был В. Я. Брюсов〉

Венчал Валерий Владислава, —
И «Грифу» слава дорога!
Но Владиславу — только слава,
А «Грифу» — слава да рога.

〈НА ПИСАТЕЛЬНИЦУ-АНТРОПОСОФКУ ГРИГОРОВИЧ,

замучившую автора эпиграммы выпрашиваниями литературных советов〉

Она сказала: «Можно быть великой,
Не будучи Антоном-Горемыкой.
Лишь сядь под куст, попукай и посикай».
Попукала, посикала — и вот
Свой сик и пук ко мне на выбор шлет.

〈НАДПИСЬ НА ПАСХАЛЬНОМ ЯЙЦЕ

в связи с ростом антисемитизма в Польше〉
1915

На новом радостном пути,
Поляк, не унижай еврея:
Ты был, как он, ты стал сильнее, —
Свое минувшее в нем чти.

---

[1] Выражение М. С. Шагинян в кн.: Человек и время. Воспоминания, ч. 3. — Новый мир, 1973, № 5.

ПАМЯТНИК

Exegi monumentum[1]

Павлович! С посошком бродячею каликой
Пройди от финских скал вплоть до донских станиц,
Читай мои стихи по всей Руси великой, —
И столько мне пришлют яиц,
Что если гору их на площади Урицкой
Поможет мне сложить поклонников толпа,
То, выглянув в окно, уж не найдет Белицкий
Александрийского столпа.

Игорь Северянин
(Игорь Васильевич Лотарев)

СТРАННО

Мы живем, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам,
А того, что нам хочется, нет...

Лев Вениаминович Никулин

〈ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ〉

Война и алоблеск излучин
Томят меня, как тяжесть ков, —
Обеспиджачен, обезбрючен,
Когда войду я в твой альков?

---

[1] Воздвиг я памятник... *(лат.)* Гораций, кн. III, ода XXX.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «ЛУКОМОРЬЕ»

Кузьмин и Буренин...
Какой винегрет!
В рисунках отменен,
В поэзии нет...
Во взглядах упорен
И лих, как гусар... —
Там лозунг: «Суворин»,
Пароль: «Гонорар».

Василий Васильевич Князев

〈ИЗ ЦИКЛА «ЛУКОМОРСКАЯ КОМПАНИЯ»〉

Перед войною суворинское «Новое время», с целью перекинуть мостик между собой и честной литературой, стало издавать жирногонорарное «Лукоморье».

1

«У «Лукоморья» дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том»,
А на цепи позолоченной —
Ряд бардов, купленных гуртом.
Строчат стихи, да так, что любо!
Но... что милей для их души:
Златая цепь иль... желудь с дуба?
Эдип, реши.

2

В 31-м номере появился Федор Сологуб.

У «Лукоморья» старый дуб
Разросся пышно и картинно;
Под дубом — Федор Сологуб
Почил от дел своих невинно.
Но что милее для души
Почтеннейшего Сологуба:
Златая цепь иль желудь с дуба?
Эдип, реши.

ПРИЗНАНИЕ МОДЕРНИСТА

Для новой рифмы
Готовы тиф мы
В стихах воспеть,
И с ним возиться,
И заразиться,
И умереть.

* * *

В былые давние лета
Жилось нам туго, дети,
И только «общие места»
Мы видели в газете.
Теперь уж музыка не та,
Мир выступил с протестом:
В газетах «общие места»
Сменились... «белым местом».

* * *

О сколько ненужного, нудного шума:
«Четвертая дума! Четвертая дума!!
Четвертая дума кадетскою будет,
Четвертая дума нас с властью рассудит!!
Четвертая дума, поверьте, не Третья:
Начало рассвета, конец лихолетья!!!»

. . . .

Но рвется наружу предательский вздох:
«Не будет ли, братцы, довольно и трех?»

ПАВЕЛ

Мой приятель Павел,
Патриот по духу,
Выше рома ставил
Русскую сивуху...
Был борцом известным,
Златоустом местным
Русского Союза,
Но ему, о муза! —
Выпал тяжкий номер:
От патриотизма,
От алкоголизма —
Помер!

* * *

Попечитель Казанского учебного округа предписал, чтобы в гимназиях были изменены цвета форменного платья на более светлые тона. Попечитель мотивирует это распоряжение тем, что темные цвета наводят гимназистов на мрачные мысли.

«Русское слово»

Что *темные* цвета наводят гимназистов
На мысли мрачные — неведомо кому ж?
Про *Шварца* вспомните...
О сколько пессимистов
Он расплодил у нас, сей *трижды черный* муж!

Саша Черный
(Александр Михайлович Гликберг)

⟨НА МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. Н. ШВАРЦА⟩

У старца Шварца
Ключ от ларца,
А в ларце просвещенье.

Но старец Шварец
Сел на ларец
Без всякого смущенья.

Сиденье Шварца
Тверже кварца —
Унылая картина.

Что ж будет с ларцем
Под старцем Шварцем?
Молчу, молчу невинно...

В ДЕТСКОЙ

«Сережа! Я прочел в папашином труде,
Что плавает земля в воде,
Как клецка в миске супа...
Так в древности учил мудрец Фалес Милетский...»
«И глупо! —
Уверенно в ответ раздался голос детский. —
Ученостью своей, Павлуша, не диви,
Не смыслит твой Фалес, как видно, ни бельмеса.
Мой дядя говорил — а он умней Фалеса, —
Что плавает земля... семь тысяч лет в крови!»

ЧЕПУХА

Разорвался апельсин
У Дворцова моста...
Где Высокий Господин
Маленького роста?

ВЕШАЛКА ДУРАКОВ

1

Раз двое третьего рассматривали в лупы
И изрекли: «Он глуп». Весь ужас здесь был в том,
Что тот, кого они признали дураком,
Был умницей — они же были глупы.

2

Дурак и мудрецу порою кровный брат:
Дурак вовек не поумнеет,
Но если с ним заспорит хоть Сократ, —
С двух первых слов Сократ глупеет!

3

Ослу образованье дали.
Он стал умней? Едва ли.
Но раньше, как осел,
Он просто чушь порол,
А нынче — ах, злодей! —
Он с важностью педанта
При каждой глупости своей
Ссылается на Канта.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ЭПИГРАММЫ»⟩

1

Художник в парусиновых штанах,
Однажды сев случайно на палитру,
Вскочил и заметался впопыхах:
«Где скипидар?! Давай скорее вытру!»

Но, рассмотревши радужный каскад,
Он в трансе творческой интуитивной дрожи
Из парусины вырезал квадрат
И отослал в «Салон Ослиной кожи».

2

По мненью критиков суровых,
Парнас пустует много лет.
Бесспорно, — Пушкиных нет новых,
Но... и Белинских новых нет.

БАЛЛАДА

(Из «Sinngedichte»[1] Людвига Фульда)

Был верный себе до кончины
Почтенный и старый шаблон.
Однажды, с насмешкой змеиной,
Кинжалом он был умерщвлен.
Когда с торжеством разделили
Наследники царство и трон,
То новый шаблон, говорили,
Похож был на старый шаблон.

ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

(Из «Sinngedichte» Людвига Фульда)

1

Короли, герои, папы,
Божий сын и бог отец,
Юбиляры и сатрапы,
Каждый олух и мудрец,
И любой сановник крупный,
И любой правленья строй —
Все для критики доступны,
Кроме критики самой!

---

[1] Эпиграмм *(нем.)*.

2

РАЗГОВОР НА МОГИЛЕ

«Кто здесь покоится, не знаете?» — «Поэт».
«Поэт? И только-то? — последовал ответ. —
Но что еще при жизни делал этот гений?»
«Он написал собрание своих произведений!»

* * *

Когда смельчак найдет свой стиль,
Толпа кричит: «Какая гиль!
У стариков, брат, глаже!»

А кто творит, как «старики», —
Вновь недовольны чудаки:
Манера, мол, все та же!

Ну что ж... При жизни стариков
Обычай тоже был таков,
И посуровей даже.

ИЗ «ЗЕЛЕНОЙ ТЕТРАДКИ»

1. ЧИТАТЕЛЬ

Бабкин смел — прочел Сенеку
И, насвистывая туш,
Снес его в библиотеку,
На полях отметив: «Чушь!»
Бабкин, друг, суровый критик,
Ты подумал ли хоть раз,
Что безногий паралитик
Легкой серне не указ?..

2

Почему-то у «толстых» журналов,
Как у толстых девиц средних лет,
Слов и рыхлого мяса немало,
Но совсем темперамента нет.

3. А. РОСЛАВЛЕВ

Без галстука и чина[1],
Настроив контрабас,
Размашистый мужчина
Взобрался на Парнас.
Как друг облапил Феба,
Взял у него аванс
И, сочно сплюнув в небо,
Сел с музой в преферанс.

Александр Степанович Рославлев

ПАМЯТНИК АЛЕКСАНДРУ III В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Третья дикая игрушка
Для российского холопа:
Был царь-колокол, царь-пушка,
А теперь еще царь-....

[1] *Без чина (устар.)* — не чинясь, попросту.

Петр Петрович Потемкин

СВОБОДА, СОЖАЛЕНИЕ И ЧИТАТЕЛЬ

Однажды нам была дарована свобода,
Но, к сожалению, такого рода,
Что в тот же миг куда-то затерялась.
Тебе, читатель мой, она не попадалась?

НА ВЫСТАВКЕ «ТРЕУГОЛЬНИК»

(Шутки)

1. СТАТУЭТКА

Колено, изрытое оспой,
Будет весь век колено —
Это нередко, —
А полено, изрытое оспой,
Будет уже не полено,
А статуэтка.

2. С. ГОРОДЕЦКИЙ

На грязной рогоже
Рожа на роже.
Художе-
Ство тоже!

3. В. БУРЛЮК

(«Моя сестра»)

Коль у тебя фантазия востра —
Взгляни-ка на портрет «Моя сестра»
И объясни: чем разнится от бурдюка
Сестрица Бурлюка?

4. ⟨Д. БУРЛЮК⟩

(«Зимняя баня»)

Пальцем, выпачканным в сажу
(В бане не был я давно),
Я все мажу, мажу, мажу
Терпеливо полотно.
И нечистый плод исканий
Называю «Зимней баней».

Тэффи
(Надежда Александровна Бучинская, урожд. Лохвицкая)

* * *

Мой черный карлик целовал мне ножки,
Он был всегда так ловок и так мил!..
Мои браслетки, кольца, серьги, брошки
Он убирал и в сундучке хранил.

Но в черный день печали и тревоги
Мой карлик вдруг поднялся и подрос...
Вотще ему я целовала ноги —
И сам ушел, и сундучок унес!

Юрий Никандрович Верховский

⟨ИЗ «СЕЛЬСКИХ ЭПИГРАММ»⟩

1

Лесбии нет в эпиграммах моих; или только мечтою,
Словно пустынник во сне, женственный образ ловлю.
Вот отчего эти строки одна на другую похожи:
Тщетно уюта искать — там, где живет холостяк.

2

Ночью сидел я мирно с пером в руке и работал.
Томики новых стихов всё листовал и писал.
Тихая ночь со мною стихи читала. Нежданно
В темные двери влетел, злясь и мечась, нетопырь, —
Бился в углу, трепыхал и падал на пол — и снова
Кверху беззвучно взмывал, — как исступленный, дрожа.
С дерзким вступил я в бой — и его изгнал я бесстрашно.
О, не труднее ль борьба критика с тучей стихов?

Осип Эмильевич Мандельштам

⟨НА АССИРОЛОГА В. К. ШИЛЕЙКО⟩

Путник, откуда идешь? — Был я в гостях у Шилейки.
Дивно живет человек; смотришь — не веришь очам.
В бархатном кресле сидит, за обедом кушает гуся.
Кнопки коснется рукой — сам зажигается свет.
Если такие живут на Четвертой Рождественской люди,
Милый прохожий, скажи, кто же живет на Шестой?

НА П. Н. ВАСИЛЬЕВА

в связи с кулуарными разговорами о том,
что он находится под влиянием Мандельштама

(Дружеский экспромт)

Мяукнул конь, и кот заржал —
Казак еврею подражал.

⟨НА ПОЭТА-ПЕРЕВОДЧИКА М. Л. ЛОЗИНСКОГО⟩

1

Сын Леонида был скуп, и кратеры берег он ревниво,
Редко он другу струил нежное в чашу вино.
Так он любил говорить, возлежа за трапезой
с пришельцем:
Скифам любезно вино — мне же любезны друзья.

2

Речи пришедших гостей заглушают шумящие краны.
Ванну, хозяин, прими, но и гостей принимай.

* * *

Делия, где ты была? — Я лежала в объятьях Морфея.
Женщина, ты солгала, — в них я покоился сам.

* * *

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне — и чем я виноват,

Что слабых звезд я осязаю млечность?
И Батюшкова мне противна спесь:
Который час, его спросили здесь,
А он ответил любопытным: вечность!

Александр Дмитриевич Курепин

* * *

В Неаполе митинг «друзей мира» кончился дракой и восклицаниями: «Война Австрии!»

Да, род людской неисправим:
Он жаждет мира, только мира,
И все же вечно правят им
Кулак, веревка и секира!

Иван Степанович Логинов

* * *

Мы будем ждать спокойно и уверенно слова Государственной думы.
«Рус⟨ское⟩ сл⟨ово⟩», 1 января 1917 года

Сама судьба ему дала
Долготерпение вола.
Его стегают чем попало,
А он мычит, что очень мало.

Эмиль Кроткий
(Эммануил Яковлевич Герман)

НА СТАРЫЙ ЛАД
Август 1917 года

«С листком суворинским — несчастье...»
«Вот те на!
Жалею о газете».
«Да... в Лету канула она!»
«Жалею я о Лете».

НА ИЛЬЮ ЭРЕНБУРГА

Он, убоясь последствий вредных,
Переменил на прозу стих,—
Вольтер — для глупых, Франс —
для бедных
И Эренбург — для остальных.

* * *

Март 1917

На опрокинувшемся троне
Мятеж улегся, смел и груб.
И чернь веселая хоронит
Колосса рухнувшего труп.

Орлов растоптаны останки...
А царь в вагонное окно
Прочел на скучном полустанке
Слегка насмешливое: «Дно».

Дмитрий Николаевич Тигер

Портретная галерея
Март 1917

1. НИКОЛАЙ РОМАНОВ

Городовой в короне,
Он рек, являя власть:
«Всю Русь держать в загоне,
Всю Русь отправить в часть!»

О, горестная сага:
Посаженных не счесть!..
Теперь он «счел за благо»
И сам... в «кутузку» сесть.

2. АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА

Продукт германского импóрта! —
Ведь к нам ввозил почтенный Фриц
Свиней, сукно второго сорта,
Колбасы, пиво и... цариц...

Дворец ея давно стал мутен;
Сочилась грязь в ночи и днем...
Ах, был при ней царем Распутин,
Она — распутницей при нем!

3. ГЕНЕРАЛ ХАБАЛОВ

О гордый, грозный наш Хабалов
Был очень храбрый генерал.
Как Цезарь, он в дни бурных шквалов
Пришел, увидел и... удрал.

4. ШТЮРМЕР

«Я дурак, но не изменник!» —
Он сказал, попав впросак.
Я ж скажу: сановный пленник —
И изменник, и дурак!

Владимир Петрович Мятлев

⟨НА Б. В. ШТЮРМЕРА⟩

Не обижайся, мир сановный,
Что ключ алмазный на холопе!
Нельзя ж особе, столь чиновной,
Другим предметом дать по ж...

* * *

Государя императора
Курск, встречая, от крестьян
Выслал Сучкина — оратора,
Суковнина от дворян.

Вот зачем по возвращении
На вопрос своей жены:
«Что куряне?» — царь в смущении
Молвил: «Сукины сыны».

Николай Александрович Фольбаум

В МИРЕ НЕЯСНОГО И НЕРЕШЕННОГО

Июль 1917 года

Николай Романов выразил намерение подписаться на «Заем свободы».

Не ожидал! Благодарю!
Свобода нравится царю!!!
Начнем искать, в догадках рьяны,
Зачем сей вклад на сей алтарь:
Свободолюбцем ли стал царь,
Иль у свободы есть изъяны?

Вячеслав Иванович Иванов

⟨ИЗ «ПАРИЖСКИХ ЭПИГРАММ»⟩

1

JURA MORTUORUM[1]

Вот — кладбище, и у входа
«Братство, Равенство, Свобода».
Здесь учился Данте сам
Силе две́рных эпиграмм!

---

[1] Права умерших *(лат.)*.

2

JURA VIVORUM[1]

«Братство, Равенство, Свобода» —
Гордо блещут с арки входа.
«Что за мрачные дома?»
«Наша, сударь, здесь — тюрьма...»

Максим Горький
(Алексей Максимович Пешков)

* * *

Сквозь железные решетки
С неба в окна смотрят звезды...
Ах! В России даже звезды
Смотрят с неба сквозь решетки...

* * *

О смертный, если ты здоров,
Не бойся докторов,
А заболев, открой им дверь,
Но осторожно верь.

* * *

Как персик, так и ананас
Природой создан не про нас.
О Влас, не пяль напрасно глаз
На персик и на ананас!

---

[1] Права живущих *(лат.)*.

Владимир Владимирович Маяковский

* * *

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
день твой последний приходит, буржуй.

⟨ИЗ ПОДПИСЕЙ К ПЛАКАТАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПАРУС»⟩

ЗАБЫВЧИВЫЙ НИКОЛАЙ

«Уж сгною, скручу их уж я!» —
думал царь, раздавши ружья.
Да забыл он, между прочим,
что солдат рожден рабочим.

«ОКНА» РОСТА

Политические партии в России
Ноябрь 1919 года

1. МЕНЬШЕВИК

Ни черту кочерга и ни богу свечка,
ни в Совдеп посадить, ни отправить в ВЧК.

2. КАДЕТЫ

Кадет по неважной пошел дорожке,
остались бабушке ножки да рожки.

3. ЭС — ЭРЫ

Эс — эры — барчуки, но с бомбой;
им только в стены биться лбом бы.

4. АНАРХИСТЫ

Чего им нужно, не знают сами.
Те же городовые, но с длинными волосами.

СОВРЕМЕННЫЙ КОЗЬМА ПРУТКОВ

Юденич Питер брал,
шел бодро и легко.
И так зашел ужасно далеко,
что более
назад не возвращался...
Читатель,
он тебе не попадался?!

* * *

Врангель — фон,
Врангеля — вон!
Врангель — враг.
Врангеля в овраг!

ИЗ ЦИКЛА «СОВЕТСКАЯ АЗБУКА»

У правых лозунг «учредилка».
Ужели жив еще курилка?!

Шумел Колчак, что пароход.
Шалишь, верховный! Задний ход!

Японцы, всуе белых учите!
Ярмо Микадо нам не всучите!

В. Я. БРЮСОВУ НА ПАМЯТЬ

Брюсов выпустил окончание поэмы Пушкина «Египетские ночи».
Альманах «Стремнины»

Разбоя след затерян прочно
во тьме египетских ночей.
Проверив рукопись
построчно,
гроши отсыпал казначей.
Бояться вам рожна какого?
Что
против Пушкину иметь?
Его кулак
навек закован
в спокойную к обиде медь!

* * *

Есть люди
разных вкусиков.
Одним
нравлюсь я,
Другим —
Кусиков.

〈НА В. Г. ЛИДИНА〉

Если Лесков
близ Толстого
клоп,

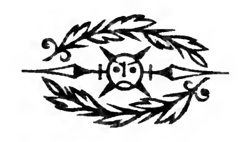
То какой же
надобен
микроскоп,
Чтобы был виден
Владимир Лидин?

БЕЗЫМЕНСКОМУ

⟨По случаю постановки комедии А. И. Безыменского «Выстрел», которую некоторые критики сравнивали с комедией А. С. Грибоедова «Горе от ума»⟩

1930

Томов гробовых
камень веский,
на камне надпись —
«Безыменский».
Он усвоял
наследство дедов,
столь сильно
въевшись
в это едово,
что слег
сей вридзам Грибоедов
от несваренья грибоедова.
Трехчасовой
унылый «Выстрел»
конец несчастного убыстрил.

УТКИНУ

О бард,
сгитарьте тарарайра нам!
Не вам
строчить
агитки хламовые.
И бард поет,
для сходства с Байроном
на русский
на язык
прихрамывая.

Александр Ильич Безыменский

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОГО ПАНОПТИКУМА»

В ЗАЩИТУ СЛАБЫХ

Замешав стихами чванство
И блатную мешанину,
Уткин борется с мещанством...
Дай бог помочь мещанину!

В. ЛИДИН

Талантливости примет —
Нет.

В. ИВАНОВ

О «тайном тайных» беспокоясь,
Он сердцем радостным обмяк:
Продав советский «Бронепоезд»,
Купил мещанский «Особняк».

А. ФАДЕЕВ

Тут много крепкой простоты
И тонкостей живого слова.
Но тонкости
Хотя толсты,
Да, право, не толстей Толстого.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Не тратьте, критики, воинственных чернилов!
По части грамотности есть у нас Ермилов.

〈НА РОМАН Ф. В. ГЛАДКОВА «ЦЕМЕНТ»〉

Раздраив, вздрючив, раскумекав
Всю чепуруху в души, в гром,
Он дал цементных человеков
Бесспорно пьяным языком.

ЖУРНАЛ «НА ЛИТПОСТУ»

Вдрызг размазано.
Строго велено.
Много сказано.
Мало сделано.
Мировой пожар в крови...
Господи, благослови!

ПЕРЕВАЛЬСКАЯ ЛЯГУШКА

Надувалася
Цветом палевая.
Разорвалася,
Переваливая.
Треску не было.
Шуму не было,
Песни не было
Никакой...
Со святыми упокой.

«НОВЫЙ ЛЕФ»

Пыл!
Бред!
Был!
Нет!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Чудак! Не согласен с самим Авербахом.
Ну, ясно, что кончит позорнейшим крахом.
Приди к Авербаху! Склонись перед ним.
Немедленно будешь любим и хвалим.

Б. ПИЛЬНЯК

Мудро лукавствует,
Пакостный, злой.
Кричит
        «Да здравствует!» —
Пишет
        «Долой!»

В. КАЗИН

«Молчанье — золото». То каждый разумеет.
Как много золота, должно быть, он имеет!

Василий Васильевич Казин (?)

* * *

Не для меня такая дама,
Я на нее не претендент.
Она профессор. Скажем прямо,
Ей нужен член-корреспондент.

Демьян Бедный
(Ефим Алексеевич Придворов)

19 ФЕВРАЛЯ
⟨К 50-летию царского манифеста 1861 года⟩

Так повелось, такая мода,
Что в этот предвесенний день
Все говорят кому не лень
О воле русского народа.
И говорят нам, и поют.
Но... почему ж все эти годы
Чем больше «воли» нам дают,
Тем больше жаждем мы свободы?!

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЮМОР

В Ростове-на-Дону газета «Утро Юга» оштрафована 8 мая на 500 рублей за помещение статьи «Необходимо кричать».

Из телеграмм

Свободна ли печать?
О господи! Вестимо!
Свободен всяк кричать,
Кому необходимо.
Нет гнета на Руси
На малую толику:
Полтысячи внеси
И — надорвись от крику!

ЗВЕЗДА

Почти каждый номер газеты «Звезда» конфискуется.

Земная хроника

Ученым Энебо открыта близ созвездия Близнецов новая звезда.

Небесная хроника

Куда ни кинь, везде беда!
Прикосновенно стало небо!
Узнав, что некиим Энебо
Открыта новая звезда,
Вскипело грозное начальство:
«Еще *звезда!* Ведь вот нахальство!
Ну, что ж тут толковать?
Конфисковать!!»

МОЯ МОЛИТВА

Благодарю тебя, создатель,
Что я не плут и не предатель,
Не душегуб, не идиот,
Не заскорузлый патриот.
Благодарю тебя, спаситель,
Что дан мне верный «охранитель»
На всех путях, во всех местах,
Что для меня всегда в *Крестах*
Готова тихая обитель.

«РОСКОШЬ»

Вполне бесспорные улики есть вообще роскошь правосудия.

М. Меньшиков

«Мой друг, по совести, — шепнул судье судья, —
Вот этот... как там: Мендель? Хаим?
Ей-богу, нет улик... Мы ж ничего не знаем...
И осуждать его совсем не склонен я».
«Ну что ж? И не суди. Тебя никто не нудит.
С уликами — дурак осудит.
И в этом подвиг невелик.
Вот осуди-ка... без улик!»

МЕТАМОРФОЗА

Играй, моя гармошка,
Играй, играй, играй!
Прославился Тимошка
На весь на русский край.
«Тимошка!» — «Честь имеем!»
«Ты — парень с головой.

Был Маркову лакеем,
Так будешь — становой!»
То слыша, бабка Фекла
Вздохнула: «Как нам быть?
Вставлял Тимошка стекла,
А нынче — будет бить!»

И ТАМ И ТУТ...

Химический анализ мази показал, что она не содержит никаких ядовитых веществ, за исключением свинца.

Из речи Литвинова-Фалинского

Умер рабочий завода «Вулкан» Андреев, застреленный городовым во время демонстрации.

Из газет

На фабрике — отрава,
На улице — расправа.
И там свинец, и тут свинец...
Один конец!

КРОВНОЕ

На даче барчуки, набрав еловых шишек,
В войну решили поиграть
И наняли толпу крестьянских ребятишек
Изображать враждующую рать.
Сошлись враги. Увлекшись боем,
Деревня перла напролом.
«Жарь под микитки!» «Бей колом!»
Барчата взвыли диким воем.
На крик сбежалися их матери, отцы.

Узнав, что их сынки ребятам заплатили,
Чтоб те их колотили,
Озлились господа: «Ах, псы, ах, подлецы!
За медный грош убить готовы, супостаты!»
«Да рази ж, — издали ребятушки кричат,—
Да рази ж чем мы виноваты?
Мы платы силою не брали у барчат:
Мы б их избили и без платы».

БРАТАНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Организованное братание возможно лишь после заключения всеобщего мира.

«Известия Петрогр⟨адского⟩ Сов⟨ета⟩ р⟨абочих⟩ и с⟨олдатских⟩ деп⟨утатов⟩», № 59, меньшевистская статья «Призывы к братанию»

Товарищ, сойдемся вдвоем
И во всем поквитаемся:
Сначала друг друга убьем,
А потом... побратаемся.

«МЕСТ БОЛЬШЕ НЕТ»

Что Николай «лишился места»,
Мы знаем все без манифеста,
Но все ж, чтоб не было неясности,
Предать необходимо гласности
Для «кандидатов» всех ответ,
Что «места» тоже больше нет.

ЛИБЕРАЛ

> Я уверен, что всякий предпочтет Ленину даже царя Павла. Я ни одной минуты не колебался бы. Со всеми шпицрутенами, со всеми Аракчеевыми, со всем безумием самодержавного самодурства — предпочитаю Павла.
>
> *Александр Яблоновский*
> *Из белогвардейского «Общего дела»*

То-то, братцы, и оно.
Яблоновский, браво!
Возвращай уж заодно
Крепостное право!
Се Аника из Аник,
Белый рыцарь без забрала.
Поскребите либерала,
Перед вами — крепостник!

СВЕРХЛИБЕРАЛ

Недавно я писал о русских либералах,
Помешанных на белых генералах.
Царь Павел был на что самодержавный зверь,
А либералы ждут: «Такого б нам теперь!»
Я удостоился на выпад свой ответа, —
От бешенства невзвидя света,
Какой-то либерал мне пишет напрямки
(Без подписи и, значит, без обмана):
«Что Павел? Павел — пустяки:
Не Павла жаждем, — Тамерлана!»
Так вот он, либерал, каков, когда он гол:
Не крепостник уже, а кочевой монгол!

ПУГАЛО

Надпись на памятнике
Александру III в Петрограде.

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Предпоследний самодержец
всероссийский Александр III
11 октября 1922 г.

* * *

Кузьма Николаевич Царев происх. из гр-н Рязанской губ. и у., Архангельской вол. дер. Прасковьино, прожив. в Москве, Володарская ул., д. 20, кв. 2, меняет имя Кузьма на Константин. Лиц, имеющих препятствия к перемене имени, прошу сообщ. в Мосгуббюро ЗАГС. Петровка, 38, зд. 7.

Объявление в «Известиях»
от 17 февр. 1928 г.

Жизнь шаловлива, и весьма!
Иной раз козырнет коленцем прямо детским.
Кузьмой не хочет быть... *Кузьма!*
Царев не хочет быть... *Советским!*

ОЖГЛИСЬ

Во время недавних массовых обысков в Токио полицией были изъяты из рабочих библиотек произведения Мольера, как заключающие в себе «опасные для государства мысли».

Из газет

Вот мы чего в стране микадо дождались:
Как накалилась атмосфера!
На книгах Ленина там власти так ожглись,
Что в страхе дуют... на Мольера!

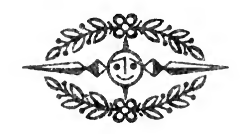
НА А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

1

Ценя в искусстве рублики,
Нарком наш видит цель:
Дарит лохмотья публике,
А бархат — Розенель.

2

Законный брак мещанство? Вот те на!
А не мещанство брак равнять с панелью?
Нет, моего рабочего окна
Я не украшу Розенелью.

Анатолий Васильевич Луначарский

ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

Демьян, ты мнишь себя уже
Почти советским Беранже.
Ты, правда, «б», ты, правда, «ж»,
Но все же ты не Беранже.

Александр Григорьевич Архангельский

⟨НА А. В. ЛУНАЧАРСКОГО⟩

О нем не повторю чужих острот.
Пускай моя звучит свежо и ново:
Родился предисловием вперед
И произнес вступительное слово.

Ясновидящий (Евгений Эдуардович Сно)

МОИМ ДРУЗЬЯМ

1

Ты человек был духом сильный...
И очутился в «Пересыльной».

2

При обыске имел он спички!..
И сослан к черту на кулички.

3

Ты им сказал: «Свой пыл умерьте!»
И был избит до полусмерти.

4

Он энергичен, смел и делен!..
И очень скоро был расстрелян.

Игорь Герасимович Терентьев

ЧАСТУШКА

Самый лучший самокритик,
Кто другим примерчик дал:
Самокуры, не курите,—
Сам Бухарин перестал.

Карл Бернгардович Радек

〈К. Е. ВОРОШИЛОВУ, который в угоду Сталину назвал К. Радека и его друзей «троцкистским охвостьем»〉

Декабрь 1925 года

Ах, Клим, пустая голова,
Навозом доверху завалена!
Не лучше ль быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина?

Михаил Андреев

ИЗ БЛОКНОТА

1. ЖИЗНЬ «ЧЕЛОВЕКА»

Свершений новых яркий век,
Играют новые зарницы.
Но «человеку» человек...
Все так же мажет нос горчицей...

2. КЛУБМЕНЫ...

Всяк мечту на трильоны лелеет,
Но... наутро уходит пустой...
«Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой...»

ПРЕРВАННАЯ МОЛИТВА

Молится дед Евстихий,
Трещат сгибаясь коленки,
Шепчет он: «Свете Тихий»...
Глядь — кошка слизала пенки!
Вот тебе и «Свете Тихий» —
Сливки-то льются из плошки...
И вспоминает дед Евстихий
Родителей блудной кошки...

Владимир Васильевич Воинов

ВЫСТАВКА ЮСУПОВСКОГО СЕРЕБРА

Оказалось множество подделок, например кубки и стаканы с заведомо ложными надписями о принадлежности их Дмитрию Донскому, Марфе Посаднице и т. д.

Посудка, правда, хороша,
Но мудрено поверить датам;
Скажите, нет ли там «Ковша»,
Что издается Госиздатом?

КОРОЛЬ ВЕСЕЛИТСЯ

Чемберлен награжден орденом Подвязки.

О, как бы пресса ни пыхтела,
А Чемберлен — лихой слуга!
Он делал все, чего хотела
Георга левая нога.
И делал долго. Чуть не вечность —
Пока хозяин обалдел
И перепутал: где конечность
И где ретивый ининдел;
И, миновав свое колено
(Хотя не спятил и не пил),
Взамен ноги, на Чемберлена
Одну подвязку нацепил!

Евг. Венский
(Евгений Осипович Пяткин)

* * *

Часто снился Варе ус.
Глупый был у Вари ум.
Некий архивариус
Варю свел в «Аквариум».

ЭПИТАФИИ

1. ЧЛЕНУ ЖИЛТОВАРИЩЕСТВА

Здесь, под хладной плитою с кубатурой в три метра,
Жилтоварищ Петров успокоенный спит.
В сей жилплощади нет ни морозов, ни ветра,
Коммунальных услуг счет над ним не висит...
Жилтоварищ Петров! Ты отныне в квартире!
Ты по ордеру въехал, — плюешь на домком!
Так покойся, счастливец, во сладостном мире...
А когда мы сойдемся, поделись уголком...

2. «ТОРГОВОМУ ДОМУ»

Покоится тут тело
Егора Лукича.
Свое имея дело,
Сгорел он как свеча...
От профсоюзных кляуз,
Налогов и сует
Враз жизни Вестингауз
Скосил на склоне лет...
В том мире нет профсклоки,

Налогов тяжких несть,—
Отлеживайте боки,
Покойтесь, ваша честь!!!

Группа служащих Торгового Дома «Кнутей, хомутей и проч. съестных питей»

3. ОГОРЧЕННОМУ ДИАКОНУ

Лежит зде Климов Ной,
Лишенный сана дьякон,
Отшедший в мир иной,
Зане любил коньяк он.
Упихся до зела,
На ВЦУ в обиде
Разнес он полсела
И в горний мир отыде...

4. ИЛЬИНЦУ-ЛУБЯНЦУ

Лежит здесь спекулянт,
Служивший в нашем банке,
Лев Юльич Музыкант,
Старинный друг Лубянки.
Он много пострадал
В имении «Бутырки»,—
Теперь же кущу снял
У господа в квартирке...

5. СОВРАБОТНИКУ

Иван Петрович Верблюдов
Сию удобрил ниву.
Он прожил 46 годов,
Притом без перерыву.

17 стульев просидел,
7 геморроев нажил,
Был депутатом в Финотдел,
Теперь у бога зажил...
Он, отходя в отдел иной,
Просил жену родную:
«Ты не забудь послать со мной
При теле накладную...»

6. ПОЭТУ

Под сим крестом лежит поэт...
Под пролетарской маркой
Считался оный в 20 лет
Советскою Петраркой.
Но как-то зимним вечерком
В одной из тьмы «Баварий»
Из барда вылез за пивком
Петрарка-пролетарий...
Бард опустел... И сгиб пиит...
И вместо сех Петрарков
Здесь просто некий тип лежит
А ля погромный Марков.

ПАРОДИИ-ЭПИГРАММЫ

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

О, сколь любезна мне девица Лисавета,
И сколь посмешищем у ней мне тяжко быть,
Всю длинну нощь до утрення разсвета
Любовь пия. Но льзя ль ее забыть!
И уст красу, и кринолин шаршавый,
И персей чаровность, и златокудрость влас

Се воспою аз в оде величавой,—
Да взбеленится завистью Парнас.

А. А. ИЗМАЙЛОВ

Мы ушли с тобою в темные аллеи,
Где рыдал на иве песню соловей,
Обманув домашних, аки фарисеи.
Я был твой, конечно, ты была моей.
Замер сад и речка. Все вокруг уснуло.
И во всей вселенной только ты да я.
Да щенок Аорист. (Мамочка смекнула:
Все-де есть свидетель...·охлажденья для.)
Пела ты «Голубку» тихо, но с эффектом.
Честь дала конфектам, такожде и мне.
Только сие было все в plusquamperfectum[1],
Сиречь в милом прошлом, ароматном сне.

Ив Рукавишников

⟨Загадка⟩

Этой штукой, гремя и звеня, бьет частенько супруга меня.

Кочерга

К. БАЛЬМОНТ ОСЕНЬЮ

(Монолог поэта)

Уж Макс Волошин прошел в калошах:
В сандальях ложь и в ботинках тож.

[1] Грамматический термин, обозначающий по-латыни предпрошедшее время в некоторых индоевропейских языках.

Мне дайте пару калош хороших,
Ну что ж, подайте и макинтош.
О, пощадите, дожди, Бальмонта!
Где небо, город, где горизонт?!
Струю большую с боков и фронта
Пустил за ворот мой горе-зонт.

К. ФОФАНОВ

Птичка ходит петь на ветку,
А мужик — в овин.
Так позвольте вас поздравить
Со днем ваших имянин.
Жил на свете чижик серый,
Пел «Матаню», ел и спал.
Но поел раз свыше меры
И холодным трупом стал.
Так и мы. Сегодня живы,
Нынче пишша, жизнь и свет,
А назавтра пишут «Нивы»
Некрологи и портрет.
Так и чижик... Нынче пел он,
Завтра умер... Так и мы...
Так уж свет нелепо сделан,
Чтоб сменяться мраком тьмы.
Так и чижик...

ВЯЧ. ИВАНОВ

О, вонмите братья, сестры —
Вячеслав,
Вячеслав,

Се, зовет вы в хор орхестры
Вячеслав,
Вячеслав.
Сеет волшебным зовом вам, — о!
Вячеслав,
Вячеслав.
Вирши семо и овамо
Вячеслав,
Вячеслав.
Жертва, пей единым махом
Вплоть до спазм,
Вплоть до спазм,—
Помесь клюквы с Роденбахом —
Оргиазм,
Оргиазм.

Вячеслав Иванович Иванов

ДИСТИХИ

(Из Новалиса)

* * *

Если разумно искать на ночлег совместного ложа,
Знаменье мудрой души — к милым усопшим любовь.

* * *

Был в Саисе смельчак: покрывало скрытой богини
Поднял... Что ж он узрел? Диво! — Себя самого.

* * *

Все государи — нули. Но власть за ними — поставить
Цифры рядом с собой. Значить — зависит от них.

Петр Незнамов (Петр Васильевич Лежанкин)

НА И. В. ЕВДОКИМОВА

Волосы Авессалома,
А проза — как солома.

Николай Николаевич Асеев

〈ДВЕ ТЕЛЕГРАММЫ ИЗ ХАРЬКОВА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»〉

1

Со мною скверная история
сижу гостинице Астория
Без вдохновения и денег
Жду получить хотя бы тень их

2

(после получения аванса)

Спасибо, товарищи!
В ногу, ура!
Растроган, и капают слезы с пера.

Ник. Асеев

Юрий Николаевич Тынянов

ЭПИТАФИЯ

Пред камнем сим остановись, прохожий:
Здесь Федин спит на всех похожий.

Илья Ильф
(Илья Арнольдович Файнзильберг)

* * *

Марк-Аврелий
Не еврей ли?

Зубило
(Юрий Карлович Олеша)

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Набирался ума-разума
И скончался от маразма!

СКОРОГОВОРКА

Вот на столе перепела,
К перепелам — пюре, пилаф,
Но так как я перепила,
То не хочу перепелов.

ЧАСТУШКИ КУРОРТНЫЕ

1

Подкрутивши усики,
Лез Алеша в трусики,
Потому что для красы
Полагаются трусы!

2

Дорогой ты мой неловкий,
До меня ты подойди:
Мы с тобою — по путевке,
Нам с тобою — по пути!

3

Загорела я, смотри —
Почернела краска —
Мой *папаша* из Твери,
А я *папуаска!*

Николай Алексеевич Заболоцкий

〈ПАРАФРАЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «МЕРКНУТ ЗНАКИ ЗОДИАКА...»〉

(«Спит животное Собака, // Дремлет птица Воробей...»)

Среди всяких холуев
Дремлет птица Соловьев.
Спит спокойно рыба Фиш.
Отчего же ты не спишь?

М. Тименс

СТОЛКНОВЕНИЕ

— Ах ты, деревенщина! —
Сказала столичная женщина,
Когда тетка Аглая,
Всех барынь облаяв,

Заявила ей лично,
Что неприлично
Валяться на пляже
Без трусиков даже.

РЕШИТЕЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

Под влиянием самоосуждения,
Отравиться решила Елена Львовна.
Но, приняв во внимание свое
происхождение,
Она отравилась... условно.

В ЗАГРАНИЧНОЙ КОМАНДИРОВКЕ

В далекой солнечной Италии,
На берегу речонки По,
Схватил Лукрецию за талию
Позапепипупепапо[1].

АВТОБИОГРАФИЯ

Не во сне, а наяву —
Я родился и... живу.

[1] *Позапепипупепапо* — Помощник заведующего первым питательным пунктом Петро-Павловского потребительского общества. *(Примеч. М. Тименса.)*

Неизвестные авторы 1917—1920-х годов

* * *

На удивленье люду
За франки и рубли
Уж самого Иуду
Эс-эры превзошли.

* * *

У Киева града
Была своя Рада;
Рада не рада,
А вон из града!

АМЕРИКАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМН

Янки дудль, янки
Дудль,
Янки любят франк и
Рубль.
Стерлинги и франки
Тоже любят янки.

ТРАГИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ

С рублем сравняться захотев,
Натужилась, раскрыла зев,
Из кожи лезет, дышит жарко —
Самонадеянная марка,
Не ведая добра и зла...
Лягушка! Вспомни про вола!

ГОСИЗМЕНА

Госспирту разрешено изготовлять наливки крепостью выше 20° исключительно для экспорта.

Не в силах ум понять нелепость,
Из рук уходит благодать:
Под суд Госспирт! Такую крепость
Он иностранцам хочет сдать!!

С. Э. РАДЛОВУ

У режиссеров нынче кризис:
Опять на сцене «Лизистрата»;
Но не понять, при чем тут «Лизис»,
Когда на деле только — «трата»!

⟨НА ОТЛЕТ ЗА ГРАНИЦУ ЕСЕНИНА И ДУНКАН⟩ 1921

Есенина куда вознес аэроплан?
В Афины древние, к развалинам Дункан.

⟨НА П. В. ОРЕШИНА⟩

Отчего так бешено
Рот кривит Орешина?
Высоко оценено
Творчество Есенина.

⟨ПАРАФРАЗ ИЗ «БАЛЛАДЫ О ГВОЗДЯХ» Н. С. ТИХОНОВА⟩ 1923

Гвозди бы делать из этих людей:
Больше бы было в продаже гвоздей.

⟨НА КНИГУ Б. В. САВИНКОВА «КОНЬ ВОРОНОЙ»⟩ 1924

Прочтя сей труд благонамеренный,
Хочу сказать всего два слова:
Ах, почему не *сивым мерином*
Коня назвали воронова?

〈НАДПИСЬ МЕЛОМ НА ДВЕРЯХ КВАРТИРЫ О. М. БРИКА〉

Вы думаете, здесь живет Брик,
Исследователь языка?
Здесь живет шпик
И следователь из Чека.

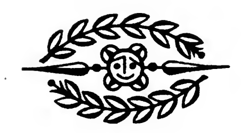
НА АКАДЕМИКА Н. Я. МАРРА

1929

На суку ворона — каррр,
Голос эмфатический.
Слышит академик Марр:
Корень — яфетический.
Яфети-фети-фети,
Дальше некуда идти.

* * *

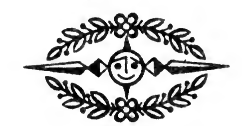
Зозуля, огоньковский гений,
Любил, садяся за обед,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет!

Simon Nicolas Kirassé
(Семен Исаакович Кирсанов)

ПЕЙЗАЖ

Пред нами Елисеевы поля
С их фло́ром и фау́ном тощим,
Где Оноре Пильняк с Эмилем Зозуля́
Гуляет по Парнахским рощам.

СОСТЯЗАНИЯ В ОСТРОУМИИ
ДИАЛОГИ, ТОСТЫ, АЛЬБОМНЫЕ И ДРУГИЕ ЭКСПРОМТЫ

ВОПРОС И ОТВЕТ

Александр Петрович Сумароков

Ходили ль на Парнас?

Михаил Васильевич Ломоносов

Ходил, да не видал там вас.

ПЕРЕД ПОЛЕТОМ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ,
который в Петербурге совершил француз Гарнерен, пригласив к себе в компаньоны русского генерала С. Л. Львова

1803

Александр Семенович Хвостов
(напутствуя генерала Львова)

Генерал Львов
Летит до облаков
Просить богов
О заплате долгов.

Сергей Лаврентьевич Львов
(садясь в гондолу)

Хвосты есть у лисиц,
Хвосты есть у волков,
Хвосты есть у кнутов, —
Берегись, Хвостов!

В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ А. Ф. СМИРДИНА

Владимир Александрович Соллогуб
(входя в лавку и пародируя следующие строки А. Е. Измайлова: «Когда к вам ни придешь // То литераторов всегда у вас найдешь // И в умной дружеской беседе // Забудешь иногда, ей-ей, и об обеде).

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь...

Александр Сергеевич Пушкин

Иль в Булгарина наступишь.

НА ОБЕДЕ, ДАННОМ В ЧЕСТЬ ТУРГЕНЕВА В ОДНОЙ ИЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ ГОСТИНИЦ

Афанасий Афанасьевич Фет

Поднять бокал в честь дружного союза
К Тургеневу мы нынче собрались.
Надень ему венок, шалунья Муза,
Надень и улыбнись.

Иван Сергеевич Тургенев

Все эти похвалы едва ль ко мне придутся,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставил расстегнуться
И Фету вычистил штаны.

ЭКСПРОМТ ПОСЛЕ ТОРЖЕСТВЕННОГО ОБЕДА,

главными действующими лицами которого были М. П. Погодин и К. Третьяков (?)

Дмитрий Тимофеевич Ленский

Обед был очень превосходен,
И много было там ума,
И речи говорил Погодин,
А деньги заплатил Кузьма.

В ПЕТЕРБУРГСКОМ АЛЕКСАНДРИНСКОМ ТЕАТРЕ

по окончании пьесы П. Д. Боборыкина «Ребенок», героиня которой бесконечно плачет о своей матери и умирает

Петр Андреевич Каратыгин
(обращаясь к автору пьесы)

Всем надоел «Ребенок» твой шальной
И к матери отправился навеки.

(обращаясь к библиотекарю театра Семихатову)

О Семихатов, успокой
Его в своей библиотеке!

НЕОЖИДАННЫЙ КОНКУРЕНТ КОРОЛЮ РИФМ МИНАЕВУ,

приглашенному на деловое свидание в ресторан ровно к 12-ти часам

Дмитрий Дмитриевич Минаев

(опоздав на 5 минут, но увидев пригласившего его коммерсанта С-ва уже совершенно пьяным)

«Пришел, увидел, победил» —
Так прежде Цезарь говорил...
Ты ж новой фразой разрешился:
«Пришел... присел и... вмиг напился!»

Коммерсант С-в
(к величайшему изумлению Минаева)

«Пришел... увидел... победил»... —
Так Цезарь прежде говорил...
А ты... мой гений... ты... мой идол...
Пришел... увидел и... обидел!

СНОВА МИНАЕВ,

которому на Кавказе однажды сказали, что для слова «Терек» есть одна только рифма «берег». Он возразил таким экспромтом:

От буквы *а* до буквы *ерика*
Я рифму к Тереку искал:
Нет ничего прекрасней *Терека,*
Его брегов, долин и скал.

Алексей Николаевич Будищев

БУРИМЕ

Седой *отшельник,*
Немой *затворник,*
Пьет в *понедельник...*
Да и во *вторник.*

Николай Николаевич Врангель

〈НА «СРЕДЫ» Н. В. ДРИЗЕНА〉
1911

Вот я к вам приехал в среду,
Но уж больше не приеду;
Ведь попал я, на беду,
В очень скучную среду
И могу сказать вам смело:
Всех гостей «среда заела»!

Николай Николаевич Вентцель

〈ЭКСПРОМТ НА УЖИНЕ В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ В ОДНУ ИЗ «АКВАРЕЛЬНЫХ ПЯТНИЦ»〉
1914

Я акварель люблю: из красок и воды,
На утешенье нам, художники, как маги,
То дев пленительных, то пышные сады
Шутя воспроизводят на бумаге.

Но здесь, здесь жизнь кипит, как и всегда,
Всё искрится вокруг весельем хмельным...
Вина, еще вина! Нужна ли нам вода?
Нет, ужин нам пускай не будет «акварельным».

Неизвестный автор

В АЛЬБОМ М. Ф. ЛАРИОНОВУ

⟨на выставке «Футуристы, лучисты, примитивисты»⟩

1914

Подпиши свою картину,
Чтобы каждый видеть мог,
Что рисуешь ты Ундину,
А не валяный сапог.

ЗАПИСИ В «АЛЬБОМЕ ОБЕДЕННЫХ БЛАГОГЛУПОСТЕЙ РОССИЙСКИХ БЕЛЛЕТРИСТОВ»

(Ежемесячные обеды в петербургском ресторане Донона)

Конец XIX — началю XX века

Петр Васильевич Быков (?)

* * *

От наших дружеских обедов
Я прихожу всегда в восторг,
И лишь великий М⟨ясое⟩дов
Отрыжку у меня исторг.

Владимир Сергеевич Лихачев

СИЛУЭТ

Беллетристических обедов
Он постоянным членом стал
С тех пор, как жизни сласть изведав,
Свой член в могилу закопал.

АНОНИМНАЯ ЗАПИСЬ В АЛЬБОМ ЛСПО
〈Ленинградский союз потребительских обществ(?)〉

Когда закроется буфет
И прибирать начнешь бутыли,
Не говори с тоской: их нет!
Но с благодарностию: пили.

Николай Алексеевич Заболоцкий

ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ ЛЕВИЦКОЙ
(Эпиграммы на друзей в новогоднем состязании)
Замоскворечье, 1921

Ваша чудная улыбка
Есть улыбка Саламбо.
Вы — прекраснейшая рыбка,
Лучше воблы МПО.

ИЗ ЗАПИСЕЙ В АЛЬБОМЕ К. И. ЧУКОВСКОГО «ЧУКОККАЛА»

Александр Иванович Куприн

ПОСЛЕ ОБЫСКА

Ушли. Сижу я наг и бос
(Сапог и брюк мне не вернули),
А в голове зудит вопрос:
Сосья́-иль-насьона́ лизнули?

Памбэ (Мария Никитична Рыжкина)

переводчица

ДОПОТОПНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(для мужского голоса)

Заслоняет горизонт
Нам сегодня мастодонт;
У пещеры поперек
Развалился диплодок;
Словно парою литавр,
Ляскнул пастью бронтозавр.
Все желают одного —
Слопать сына моего.
Я им сына не отдам,
Я три дня не кушал сам.

Николай Осипович Лернер

член редакционной коллегии «Всемирной литературы»

* * *

Зав. Гос. издательством РСФСР И. Ионову на требование упразднить издательство «Всемирная литература» и лишь некоторых его сотрудников привлечь к работе в иностранном отделе Госиздата.

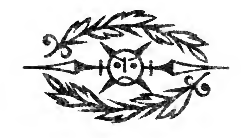
16 декабря 1924

Строптивость прежнюю кляня,
К тебе взываю я печально:
«Кит Йонов, проглоти меня, —
Но проглоти коллегиально!»

Евгений Львович Шварц

ПРИЯТНО

Приятно быть поэтом
И служить в Госиздате при этом.
Служебное положение
Развивает воображение.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО СОСТЯЗАНИЯ В АЛЬБОМЕ АЛЕКСЕЯ ЕЛИСЕЕВИЧА КРУЧЁНЫХ

1922

Владимир Владимирович Маяковский

* * *

— Учи ученых! —
сказал Кручёных[1].

Валентин Петрович Катаев

АУКЦИОН РИФМ

Утонувший в крюшонах
Алексей Елисеич Кручёных[2].

Вера Михайловна Инбер

* * *

Если будешь печь стихи,
Попадешь в Кручёныхи.

---

[1] Эти строчки-экспромт, записанные Маяковским в моем альбоме, послужили толчком к дальнейшей рифмованной забаве. Разумеется, взводимые на меня многократные обвинения есть только игра слов. Конкурс рифм объявил В. Катаев, записавший в моем альбоме, соревнуя с Маяковским, следующую шутку. *(Примеч. А. Е. Кручёных.)* [2] Редчайшая рифма! Величайшие зубры сломали себе на этом деле зубы. И так рифмовали и этак. А я просто зарифмовал — и баста. Кто лучше? *(Шутливая приписка В. П. Катаева.)*

А. Олсуфьева

* * *

Погибли Рогачевские и присные, причем их
Ресницей со страницы сдул Кручёных.

Леонид Максимович Леонов

* * *

На ножках точеных
Лежит доска.
Порой без оных —
Порой в кальсонах
Сидит Кручёных —
В глазах — тоска.

Борис Леонидович Пастернак

* * *

Пока мне рифмы были в первоу́чину,
Я пил крюшон из них и пек драчены.
Был бы мучитель их и ныне — мученик,
Скорблю о них, спина к спине прикрученных,
И не затем тащу их из рекрутчины,
Чтоб в рекруты сдавать тебе, Кручёных!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО В. КАТАЕВА

А все-таки моя рифма лучше всех. Попрошу встать! Конкурс кончен. Я его открыл, я его закрываю.

ВНЕКОНКУРСНЫЕ СТИХИ

Ф. Раскольников
киноактер

* * *

Слов хвалебных о Киршонах
Не слыхали от Кручёных.

В. В. Казин

* * *

Трудно нам одолевать
Кручи нэпа. Но круч оных,
Ну, не правда ли, Кручёных,
Было нам не миновать!

А. Ю. Солнцева

* * *

С зауми круч
стихов заму́ченных
Не видно вас
Лексей Лисеич Кру́ченых.

ПОДАРКИ И ОТДАРКИ

А. Е. Кручёных

1

Ветер дуй, солнце вой
прямо в душу
Солнцевой!

2

Татьяне Толстой
Тост простой:
— Пей настой
и на рифме стой!..

3

Красноустый
желтокофтский
фразовержец
Маяковский.

4

Лиричный кондор
Третьяков
Сережа
иглою зонда
треть веков
карежа,

извлек кучу медяков —
пятаков и третьяков, —
и швыряет в прошляков!

5

Бросает Сельвинский
взор сельде-двинский.

6

Как машина Зингер,
ловко строчит Инбер!

7

От времени Моисеева
Сотни рифм на Асеева.
Рекордное: «Asseyez-vous»[1]
Подарила судьба Асееву.

ДВА ЭКСПРОМТА

Петр Васильевич Орешин

* * *

У тебя, мой милый Жиц,
Не лицо, а много лиц.

[1] Садитесь *(фр.)*.

Василий Васильевич Казин

* * *

Что за вздор, что много лиц —
Лишь всего двуличен Жиц!

ТРИ РЕПЛИКИ

Семен Исаакович Кирсанов

〈НА КАССИЛЯ-СТУДЕНТА,
однажды удачно помогшего разрешить творческий спор на собрании московских писателей〉

Одного Кассиля ум
Заменил консилиум...

Владимир Владимирович Маяковский

〈НА КИРСАНОВСКИЙ ЭКСПРОМТ,
которым Кассиль похвастался перед Маяковским〉

Мы пахали, мы косили.
Мы нахалы, мы Кассили!

Николай Николаевич Асеев

〈В УТЕШЕНИЕ КАССИЛЮ,
обидевшемуся на экспромт Маяковского〉

Других не осиля,
Напали на Кассиля.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ПЕРЕВОДЫ ТЕКСТОВ ИЗ РАЗДЕЛА «ОТ ИСТОКОВ ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА»

1. Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда.

Видел бани деревянные,
и разожгут их докрасна,
и разденутся, и будут наги,
и обольются квасом кожевенным,
и поднимут на себя прутья молодые,
и бьют себя сами, и до того себя бьют,
что едва вылезут, чуть живые,
и обольются водою студеною,
и только так оживут.
И творят это всякий день, никем не мучимые,
но сами себя мучат,
и то совершают омовенье себе,
а не мученье.

Перевод Д. С. Лихачева

* * *

2. Ни быстро упущенной птицы
не можешь опять поймать,
ни слова, вылетевшего из уст,
не можешь вернуть.

* * *

3. Лучше молчать,
чем зло говорить.

* * *

4. Тогда суд бедным нравится,
когда судья бедным не обогащается.

* * *

5. Лучше в дырявой лодке плыть,
чем злой жене сказать тайну:
ведь та только тело потопит,
а эта всю жизнь погубит.

* * *

6. Ленивый хуже больного:
ведь больной, если лежит, то не ест,
а ленивый и лежит и ест.

* * *

7. Лучше слепые глаза,
чем слепое сердце.

* * *

8. Не будь сладок без меры,
иначе тебя съедят,
но и не будь горьким без меры,
чтобы не покинул тебя друг твой.

* * *

9. Лучше быть побитым мудрым,
чем помазанным маслом — глупым.

* * *

10. Мир держится до рати,
а рать — до мира.

Переводы В. П. Адриановой-Перетц

11. СЛОВО ПРОТИВ НИКОЛАЯ НЕМЧИНА, ОБМАНЩИКА И ЗВЕЗДОЧЕТА

О кончине мира поспешил ты, о Николай, предвозвестить, повинуясь звездам; внезапное же прекращение своей жизни не смог ты ни предсказать, ни предугадать.

Что же может быть безумнее твоего безумия?

Поэтому воистину вы — учители суетной мудрости, вы, думающие, что все управляется звездами, своего же собственного несчастья не можете предугадать, как говорит Леонид:

«Волхвы, наблюдающие за движением звезд!
Изчезните вы, учители лжи и суетной мудрости!
Вас породила дерзость, воспитало безумие,
Но вы и собственного несчастья не можете предвидеть».

Перевод В. К. Былинина

14. НИЩЕТА ЦАРЕЙ

Хоть в этом мире богато-пребогато
цари живут и князья и хоть всегда-то
злата у них пуды, рабов у них тыщи,
но все они в одном бесконечно нищи:
в правде. Ибо им, сидящим на престоле,
все расточают лесть по господской воле.

24. МАММОНА

К богу наживы, к Маммоне взывает
Тот, кто любить серебро научает.
Коль серебро и Маммону ты любишь,
Служа обоим, ты душу погубишь.

26. ИНОК

Понапрасну возжелал сделаться монахом
тот, кого отныне труд наполняет страхом,
Хоть трудился он в миру рук не покладая
и давала сытный хлеб сила молодая.
Нет, не инок будет тот, кто горазд лениться,
в праздности чужим трудом хочет прокормиться.
Если тунеядцу нет хлеба, Павел учит,
то ужель духовную пищу он получит?

28. ⟨НАДПИСЬ ДЛЯ ГРАВИРОВАНИЯ ПОД ИКОНОЙ⟩

Дьявола крестное древо связало,
злобу его и соблазны попрало.
Челюсти ада сомкнулись мгновенно.
Радость людей не похитит геенна.

30. 〈НА АРХИЕПИСКОПА РОСТОВСКОГО ГЕОРГИЯ ДАШКОВА〉

Удивляться ли тому, что священник знатный
Одержим лишь к лошадям страстью необъятной?
Глупый конюх щедро их дарит власть имущим,
У него на поводу корыстно идущим.
Угадать легко, о чем этот поп хлопочет:
Членом первенствующим стать в синоде хочет.
Что за диво? Видно, он бредит о возврате
Дней, когда был в Риме конь консулом в сенате.

31. НА ПОРТНЮГО

Столь широкий воротник сшил ты, что, нет спору,
он и армосийскому быку был бы впору.
Я озлился. Ты его перешил мне, друже,
так, однако, что теперь он и пальца уже.
Мне ярема, негодяй, не надев на шею,
хочешь удавить меня ты петлей своею.

32. СЛУЧАЙ С ЛЕКАРЕМ СТЕЛЛЕРОМ

Пока Стеллер, добрый врач, подбирал лекарство,
его больной отошел в загробное царство.
Родственники, как могли, пережили бедство,
прах его предав земле, разделив наследство.
И когда они уже слезы осушили,
дружно прокляли врача и о нем забыли,
Наконец явился врач, закричав гневливо,
отчего злодейка смерть так нетерпелива.

Переводы В. Васильева

33. НОВОПРЕСТАВЛШЕМУСЯ ИЕРОДИАКОНУ АДАМУ ЭПИТАФИОН

Смеялся ты, Адаме, как мир суестрастный,
и сам его ж дурости быв нечто причастный.
Как то сей и той жарко праздных честей жаждет
и от сего смертную в сердце болезнь страждет.
А другий и дни без сна проводит и ночи,
как бы злата кучами повеселить очи.
А кто мощнейших господ за ножки хватает,
тот ничего и в бедность и в стыд не вменяет.
Ты ж то ругал. Позван же в небесныи горы,
еще смешняе начал ругать наши здоры.
А мы плачем о тебе горько, неутешно,
что на тебе нашла смерть так рано, так спешно.
Да ты стал и на сие смехотворно вракать,
и мы ж уже по тебе перестанем плакать.

34. К ЛУКЕ И ВАРЛААМУ КАДЕЦКИМ, КОГДА ПИТОМЦЕВ ДЕНЬГАМИ ПОДАРИЛИ

Рано, Лука, в сундуки свои кладешь руку!
Из пустого черпаешь, легчишь легка в звуку[1],
Сеешь сребром, сундуки ж еще не вмещают.
Много даешь, а мало имеешь — вси знают.
Поверь мне, Лука, что ты делаешь противно:
прежде сам разбогатей, потом дать не дивно.

(Русские варианты эпиграмм 33—34 принадлежат автору — Феофану Прокоповичу)

[1] *Легчишь легка в звуку* — делаешь звук (сундука) еще более легким.

41. НА МОЛОДОСТЬ

Как лета без весны желать — одно и то же
Благоразумия хотеть от молодежи.

42. НА СТАРОСТЬ

До тебя мы, старость, все дожить желаем,
А сего постигнув, тебя проклинаем!

43. НА СМЕРТЬ

О мир обманчивый, каким ты виден оку, —
Достиг я гавани; других вводи в мороку.

Переводы Леонида Мартынова

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящая антология включает стихотворения преимущественно сатирического содержания.

В ней показан жанр как в чистом виде, так и во взаимодействии с другими малыми формами, давшими гибридные образования в виде эпиграмматических эпитафий, стихотворных надписей и афоризмов с неожиданным пуантом, пародий-эпиграмм, мини-басен и т. п.

Ставилась и другая задача: наряду с литературными образцами рассмотреть проявления остроумия в народной среде. В фольклоре и литературе юмор и сатира исстари идут рука об руку, и закономерность их сопоставления и соединения в одной книге обосновывается во вступительной статье.

По сравнению со всеми предыдущими изданиями эпиграмм временны́е рамки антологии расширены: в ней прослеживаются истоки эпиграмматического жанра начиная с XI века, а заканчивается она двадцатыми годами нашего столетия.

Тексты в основном даются в хронологической последовательности. Однако в определенных случаях составитель отказывается от расположения авторов строго по датам их рождения, ибо важнее было отразить характер взаимоотношений между этими авторами. Все поэтические дуэли, по возможности, помещались на стыке текстов противоборствующих сторон. Например, эпиграмма Н. С. Голицына на П. А. Вяземского, являясь пародией на эпиграмматическую

сказку Вяземского «Ошибка врача», следует в антологии непосредственно за ней. Если одно стихотворение удалить от другого, то пародийную направленность голицынской эпиграммы можно было бы не уловить. Аналогичным образом объединены эпиграмма А. А. Шишкова на Александра I и связанные с именем этого царя две эпиграммы на Александровскую колонну в Петербурге: анонимную и С. А. Соболевского.

Древнерусские тексты, затруднительные для читательского восприятия, сопровождаются параллельными переводами на современный язык (Приложение: с. 318—324). Если же в целом они не представляют особых языковых трудностей, то в сносках объясняются только незнакомые широкому читателю слова и выражения.

Эпиграмма «на случай» часто может быть понята лишь тогда, когда либо указан повод, вызвавший ее, либо назван адресат, недостатки которого заранее известны. Поэтому в эпиграммах без авторских заглавий составитель счел необходимым в кратком виде формулировать, какое событие вызвало то или иное стихотворение, заключая такие развернутые заглавия-пояснения в полуквадратные скобки. Разумеется, это обстоятельнее, если нужно, раскрывается в примечаниях.

Восстановленные в нескольких текстах авторские пропуски или неразборчивый почерк в рукописном источнике также заключены в полуквадратные скобки.

Чтобы полнее передать накал общественной борьбы в наиболее драматические периоды нашей истории, составитель ввел в книгу эпиграммы представителей разных политических направлений. Так, на рубеже XIX и XX веков выделяются диаметрально противоположными взглядами крайне националистически настроенный В. М. Пуришкевич и В. В. Князев. К Князеву примыкает А. И. Шувалов. Последний не был профессиональным поэтом, но его настроение, выражающее гражданскую позицию рядового торгового депутата пред-

революционной Москвы, думается, тоже небезынтересно.

Кроме Пуришкевича и Шувалова, в сборник введены и другие новые имена: Максим Грек, Евфимий Чудовский, Сильвестр Медведев, полководец А. В. Суворов, Н. А. Львов, А. Г. Родзянко, великий князь Михаил Павлович, Н. С. Лесков, Д. Т. Ленский, А. А. Козлов, И. Г. Руденко, С. Т. Герцо-Виноградский, Е. В. Васьковский, П. К. Мартьянов, С. С. Гусев, киевский аноним (автор книги «Ба! Знакомые всё лица...»), А. Скорбин, Л. А. Велихов, А. П. Чехов, В. Ф. Ходасевич, Игорь Северянин, Тэффи (Н. А. Бучинская), А. Д. Курепин, А. Н. Будищев и целая плеяда советских эпиграмматистов старшего поколения — от Б. Л. Пастернака до Н. А. Заболоцкого. Собрано также много новых анонимных эпиграмм. Усилен политический фон в подборках анонимов второй половины XIX и первых двух десятилетий XX века.

В антологии впервые публикуются предположительно принадлежащие Евфимию Чудовскому стихотворения «Слава», «Мамона», «Монах», «Инок», а также ⟨Надпись для гравирования под иконой⟩ Сильвестра Медведева (все из рукописного фонда БАН СССР), «Выбор» И. С. Баркова, «Хоть у гроба у господня»...» Н. С. Лескова, «Лукерье Тихоновне» С. С. Гусева, анонимная эпиграмма «Клянусь, я вас озолочу»...» (все из рукописного фонда ГПБ), три эпиграммы А. И. Шувалова (ГБЛ) и стихотворение Федора Сологуба, вписанное в альбом А. Н. Рашковской, за предоставление которого составитель благодарит В. С. Бахтина.

Составитель признателен также С. А. Фомичеву за указанный им автограф П. А. Каратыгина на книге Грибоедова «Горе от ума» под редакцией И. Д. Гарусова (библиотека Пушкинского дома) и Е. Г. Эткинду за разрешение взять из его сборника «323 эпиграммы» (Париж, 1988) две миниатюры «О смертный...» и «Как персик...» М. Горького, «Есть люди...» и «Если Лесков...» В. В. Маяковского, «Ах, Клим...» К. Б. Радека, приписываемую В. В. Казину эпиграмму «Не

для меня такая дама...», «Ценя в искусстве рублики...» и «Законный брак...» Д. Бедного, «Демьяну Бедному» А. В. Луначарского, «Среди всяких холуев...» Н. А. Заболоцкого и 5 анонимных эпиграмм: «Есенина куда вознес аэроплан?..», «Отчего так бешено...», «Гвозди бы делать...», «Вы думаете...» и «На суку ворона...».

В примечаниях, из-за ограниченности места, справки об авторах эпиграмм не приводятся.

НАРОДНОЕ ОСТРОУМИЕ

Стр. 45. *Газета «Наш век»* выходила с 1906 г., после 1917 г. меняла названия, закрыта в августе 1918-го.

Колчак Александр Васильевич (1874—1920) — военный и морской министр «Сибирского правительства», а после учиненного там переворота (1918) «верховный правитель российского государства» с диктаторскими полномочиями.

Смутное время. Поп Емеля. — Предполагают, что прототипом Емели был поп Еремей Покровский из села Кудинова под Москвой, который, по преданию, в годы «Смуты» возглавлял борьбу народа против поляков и крамольников, но при случае грабил и своих.

Стр. 46. *Аракчеев* Алексей Андреевич (1769—1834) — временщик при Павле I и Александре I.

Стр. 51. *На Распутине рубашка...* — Распутин Григорий Ефимович (1872—1916) — авантюрист. *Вышивала ее Сашка* — здесь: царица Александра Федоровна (1872—1918), фаворитом которой был Распутин.

Наша Дума... — Государственная дума в России (1906—1917), представительное законодательное учреждение. Из четырех созывавшихся дум только третья просуществовала весь пятилетний срок (1907—1912).

Стр. 52. *Троцкий* Лев Давидович (1879—1940) и *Чичерин* Георгий Васильевич (1872—1936) — государственные деятели первых лет советской власти.

Шесть условий Сталина... — Выдвинуты в 1931 г. как основа выполнения плана 1-й пятилетки.

ОТ ИСТОКОВ ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Стр. 55. *Святой Андрей* — легендарный паломник, посетивший славянские земли. Рассказ святого Андрея — первая письменно засвидетельствованная насмешка жителей южной Руси над северянами.

Стр. 57. *Слово на Николая Немчина...* — Поводом для этой инвективы послужило несбывшееся предсказание астролога Николая по прозвищу Немчин о «конце света», который ожидался к 7000 году от мифического сотворения мира (по современному календарю в 1492 г.). Заключительное четверостишие — перевод эпиграммы греческого поэта I века Леонида Александрийского. *Николай Немчин* — Николай Булев из Любека, профессор медицины и астрологии, ставший придворным врачом сначала Василия III, затем Ивана IV.

Стр. 59. *Диоген* (ок. 404—323 до н. э.) — греческий философ.

Стр. 60. *«Обед душевный»* — книга Симеона Полоцкого, вышедшая посмертно (1681). В ней семь так называемых свободных наук, представленные сведениями естественнонаучного характера, математическими понятиями, сюжетами из античной истории, были призваны сформулировать мировоззрение человека нового времени. Против этих взглядов как принадлежащих «латинистам» выступает сторонник «грекофильской партии» Евфимий Чудовский. Кроме первой эпиграммы в подборке, несомненно принадлежащей Евфимию, остальные причислены к нему условно, на том основании, что они находятся в его авторском сборнике (БАН, 16.14.24). От переплетенных с ними в одном конволюте произведений современников Евфимия их отличает своеобразие почерка, сближающего их с известными автографами чудовского писателя. Тождественны также водяные

знаки в несомненно восходящих к Евфимию тетрадях рукописи и в выявленных нами отрывках.

Мамона (Маммона) — греческая транслитерация арамейского слова «богатство»; реминисценция Матф. 6:24 и Лук. 16:9, 11, 13. Здесь Маммона является олицетворением дьявола.

Стр. 61. *Аще бо плотска праздну Павел бранит хлеба...*— Актуализируется изречение апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, то не ешь» (2 Фес. 3:10).

Стр. 62. *Приповесть.* — В рукописном сборнике XVII в. (ГИМ, Собр. Барсова, № 1531) выглядит прозаическим афоризмом. Ее первооткрыватель С. И. Николаев обратил внимание, что при инверсии словосочетания «яко очи» в первой части произведения получается двустишие. Такое же двустишие мы получим при перестановке слов «островижёвы вне дома» и в заключительной части приповести. Ясно, что перед нами искаженный переписчиком перевод фрашки, на что указывают и русские кальки с польского «приповесть» и «островижёвы».

Стр. 66. *Ян Кохановский* (1530—1584) — польский поэт.

Стр. 67. 〈*Стихословие к эмблеме...*〉 — Данная эмблема изображала разбойника-великана Кака (Какуса), который, будучи, согласно античной мифологии, сыном бога Вулкана, однажды похитил у Геркулеса (или по-гречески Алкида — в тексте: *Алцыдеса*) коров и затащил их в пещеру за хвосты, т. е. задом наперед так, чтобы следы стада увели за собой Геркулеса в противоположном от пещеры направлении. Геркулес разгадал эту хитрость, нашел Кака и убил его.

Стр. 68. *Александр* Македонский (356—323 до н. э.) — царь Македонии с 336 г. до н. э. *Таис* Афинская — гетера, пользовавшаяся особой благосклонностью Александра Македонского.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА

Стр. 73. *⟨И черт и⟩ сатана.* — Конъектура составителя.

Стр. 74. *Коперник* Николай (1473—1543) — польский астроном, доказавший гелиоцентрическую систему мира. *Птоломей* — правильнее: Птолемей Клавдий (ум. ок. 168) — греческий ученый, создатель геоцентрической системы мира.

...На супружню смерть не тронута взирала. — Пародируются слова королевы Гертруды из трагедии А. П. Сумарокова «Гамлет»: «Вы все! свидетели моих безбожных дел: // Того противна дня, как ты на трон взошел, // Тех пагубных минут, как честь я потеряла // И на супружню смерть не тронута взирала».

Стр. 77. *Потемкин*-Таврический Григорий Александрович (1739—1791) — государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал.

Стр. 78. *Дионисия Катона двустрочные стихи...* — Принадлежность этих стихов Марку Порцию Катону Старшему, или Цензору (234—149 до н. э.), в настоящее время опровергнута. Подлинный автор не установлен.

Овеновы эпиграммы. — Овен, по современной транскрипции Оуэн, Джон (1563—1622) — английский поэт, писавший по-латыни.

Стр. 82. *От зрителя комедии «Недоросля».* — Комедия Дениса Ивановича Фонвизина (1744 или 1745—1792) «Недоросль» впервые была поставлена на петербургской сцене 24 сентября 1782 г. и имела шумный успех, однако в период работы над ее постановкой вызвала тайную интригу в кругу придворной знати и цензурные рогатки. Оппозиционное отношение к этой пьесе разделял и Богданович.

На перевод «Энеиды»... — Василий Петрович Петров (1736—1799) перевел первую песнь «Энеиды» Вергилия (70—19 до н. э.) в 1770 г. Острóта эпиграммы состоит в том, что Петров заикался.

Стр. 85. *Львов* Федор Петрович (1766—1836) — литератор.

На птичку. — Время написания эпиграммы относится к пребыванию Державина статс-секретарем Екатерины II (1729—1796).

Стр. 86. *Державину.* — Державин некоторое время находился в должности министра юстиции, а потом с этого поста был уволен. *Фелица.* — Под этим именем Державин воспевал Екатерину II.

Хантошкин — Хандошкин Иван Евстафьевич (1747—1804), композитор, дирижер, педагог, основоположник русской скрипичной школы.

Стр. 88. *...Когда в живых они едали бога...* — Намек на таинство причащения.

Не попусту Вольтер монахов ненавидел... — По предположению Г. В. Ермаковой-Битнер, под воспитанником монахов имеется в виду выпускник духовного училища, поэт Иван Иванович Виноградов (1765—1801), переведший на русский язык книгу «Жизнь славнейшего Волтера» (1780) и поэму Вольтера «Естественный закон» (1786). Стихотворение перекликается с эпиграммой самого Вольтера на Лефрана де Помпиньяна: «Вот почему Иеремия // Лил много слез во дни былые: // Предвидел он, что день придет — // Его Лефран переведет». (Перевод В. Я. Брюсова.)

Сочинителю оперы «Мельника». — Адресат — Александр Онисимович Аблесимов (1742—1783). Нападая на оперу этого писателя, Горчаков, вероятно, был шокирован новаторством крестьянской тематики. *Мерин.* — В опере Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» (в Москве поставлена в 1779, в Петербурге — в 1781 г.) на сцену по ходу действия выводился конь.

Стр. 89. *Перкали, линоны, тарлатан* — разные виды ткани. *Кашемирски шали* — шали из индийской шерсти, выделкой которых славилось княжество Кашмир.

Стр. 91. *⟨Ответ М. Т. Каченовскому⟩.* — Сочинен через

год после выхода последнего, третьего тома сочинений И. И. Дмитриева в ответ на придирчивую статью литературного критика и историка Михаила Трофимовича Каченовского (1775—1842) в издаваемом им «Вестнике Европы» (1806, № 8—9). Аббат Пьер Франсуа Гийо *Дефонтен* (1685—1745) — французский критик, противник Вольтера, приверженец католицизма.

На журналы. — Во 2-й строке намек на «Северный вестник» и «Друг просвещения». *«Корифей».* — См. примеч. к с. 101. Все перечисленные в эпиграмме периодические издания были критически настроены по отношению к Карамзину и его школе.

Стр. 94. *Эраст* — герой повести Карамзина «Бедная Лиза» (1792).

Стр. 95. *Лопухин* Петр Васильевич (1753—1827) — государственный деятель, занимавший ряд видных постов и председательствовавший в Верховном уголовном суде по делу декабристов (1826). *Отец известной Благодати.* — Намек на дочь Лопухина Анну (Анна — по-древнееврейски: благодать), которая была фавориткой Павла I (1754—1801).

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

Стр. 99. *Карикатура.* Предназначалась для № 7 «Журнала российской словесности» за 1805 г., но была запрещена цензурой. Адресат эпиграммы, по всей видимости, Александр I (1777—1825). Реформистские настроения царя по восшествии на престол (1801) быстро развеялись: в 1803 г. был возвращен на службу А. А. Аракчеев и произошли крупные перемены в составе кабинета министров. Это разрушило веру в монарший либерализм.

Стр. 100. *«L'art poétique»* («Поэтическое искусство», 1674) — стихотворный трактат французского поэта и критика Никола Буало-Депрео (1636—1711), переведенный

Д. И. Хвостовым под заглавием «Наука о стихотворстве» (1808).

...Карабанов взял «Альзиру» перевесть... — Трагедию Вольтера «Альзира, или американцы» (1736) П. М. Карабанов на русский язык перевел в 1786 г. В переводе она изобилует славянизмами и другими атрибутами «высокого штиля». Хотя, издавая ее в третий раз (1811), переводчик несколько осовременил язык трагедии, тем не менее А. Е. Воейков в послании к Дашкову отозвался о ней по-крыловски сурово: «Вот здесь Альзира слезы льет: // Ее свирепый нрав Гусманов // Не мучит так, как перевод, // Который сделал Карабанов.» С этим отзывом перекликается и экспромт В. Л. Пушкина после представления «Альзиры» в переводе Карабанова на московской любительской сцене в доме С. С. Апраксина: «Альзиру видел я, Гусмана и Замора // — Умора!»

Стр. 101. *«Корифей,* или Ключ литературы» — журнал, защищавший принципы классицизма и издававшийся на деньги Александра I писателем Яковом Андреевичем Галинковским (1777—1816).

Стр. 105. *Сочинение И. И. Дибича* — скорее всего книга Ивана Ивановича Дибича (1737—1822) «Мысли о солдате в различных по званию его отношениях, рассматриваемых в воинском и нравственном виде», части 1—2 (подтверждается 8-й строкой эпиграммы: «Две части...»). — СПб., 1802—1803. *Минерва росская* — Екатерина II. *Велела в наказанье «Тилемахиды» лист виновному прочесть.* — «Тилемахида» — переложенный Тредиаковским на русский гекзаметр роман французского писателя Фенелона (1651—1715). Екатерина II в своем «пустынном убежище» (Эрмитаже) устанавливала наказание: за легкую провинность — выпить стакан холодной воды и прочесть из «Тилемахиды» страницу, а за серьезную — наизусть выучить из нее шесть строк.

Стр. 106. *Платов* Матвей Иванович (1751—1818) и *Витгенштейн* Петр Христианович (1769—1843) — герои Отечественной войны 1812 г. *«Записки» Манштейна* — точ-

нее «Записки о России (1727—1757)», автор которых Манштейн Христофор Герман фон (1711—1757), прусский генерал, недолгое время служивший в русской армии. *«Наука побеждать»* Суворова Александра Васильевича (1730—1800) вышла в свет (1-е изд.) в 1806 г.

Стр. 108. *Дед под Кистрином пал,* точнее под Кюстрином (ныне Костшин, ПНР), который русские войска осаждали во время Семилетней войны. *Под Бендерами отец убит.* — Имеется в виду крепость на берегу Днестра, которой русские войска овладевали в войнах с Турцией (военные кампании 1770 и 1789 гг.).

Стр. 109. *Неведомский* Николай Васильевич (1791—1853) — автор слабых басен и подражатель «гусарской» лирики Д. В. Давыдова.

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — литератор. Поводом для эпиграммы послужил его русский перевод «Энеиды» Вергилия (1809).

Стр. 110. Поэма Вольтера (1694—1778) *«Генриада»* была переведена на русский язык Иваном Ивановичем Сиряковым (годы творчества: 1799—1822) и напечатана в 1803 г. *Певец бессмертной Габриели,* т. е. Габриэли д'Эстре, фаворитки французского короля Генриха IV, которую Вольтер сделал одной из героинь «Генриады».

Наш Пиндар. — Имеется в виду Ломоносов, не успевший завершить поэму «Петр Великий». *Пиндар* (ок. 518—442 или 438 до н. э.) — древнегреческий поэт. *Другие живы все.* — Здесь разумеются эпигоны классицизма, авторы одноименно названных поэм Р. Сладковский и С. А. Ширинский-Шихматов, а также создатель «Петриады» А. Н. Грузинцев, опубликовавшие эти сочинения соответственно в 1803, 1810 и 1812 гг.

Мария Николаевна (1819—1852) — дочь Николая I. Внучкой плотника, а точнее праправнучкой плотника, т. е. Петра I, она названа из-за личного участия этого царя в строительстве русского флота. *Герцог Лейхтенбергский* —

Максимилиан-Евгений-Иосиф-Наполеон (1817—1852), в эпиграмме названный сыном венчанного столяра, т. е. Евгения Богарне (когда виконт Александр де Богарне был приговорен французским революционным судом к гильотине, его сын Евгений, будущий пасынок Наполеона I, покинул пансион Сен-Жермен-ан-Ле и вынужден был пойти на обучение к парижскому столяру). Максимилиан вступил в брак с великой княжной Марией в 1839 г.

Стр. 111. *Сей корсиканец...* — Родившийся на Корсике Наполеон I (Бонапарт) своего пасынка Евгения Богарне назначил вице-королем Итальянского королевства, а также посадил братьев Жозефа на неаполитанский, Людовика на нидерландский и Жерома на вестфальский трон, что и послужило поводом для этой эпиграммы.

Стр. 112. *Война 1826 года* — русско-персидская кампания, длившаяся до 1828 г.

Издателю журнала с эпиграфом: «С нами бог». — Адресат — редактор журнала «Друг юношества» (1807—1815), масон Максим Иванович Невзоров (1762—1827).

Стр. 113. *Бестужев-Рюмин* Михаил Алексеевич (1798—1832) — отставной поручик, писатель и издатель ряда периодических изданий.

Ботлер (в современной транскрипции: Батлер) Самюэл (1612—1680) — английский поэт-сатирик.

Эпиграммы Овена. — См. примеч. к с. 78.

Стр. 114. *Марков* Михаил Егорович — председатель московского уголовного суда, бравший взятки. Был начальником М. А. Дмитриева.

Стр. 115. *И. М. Снегирев.* — Под этой подписью С. А. Соболевский пустил в свет эпиграмму на М. А. Дмитриева, который, не заподозрив мистификации, обрушил свой гнев на неповинного в данном случае археолога и цензора Ивана Михайловича Снегирева (1793—1868).

Утаена твоя фамилья. — М. А. Дмитриев в статье «Второй разговор между классиком и издателем «Бахчисарайского

фонтана», где он полемизирует с Вяземским (Вестник Европы, 1824, № 5), вместо подписи укрылся под криптограммой N.

Стр. 116. *Цензор.* — За опубликование этой эпиграммы издатель «Славянина» Александр Федорович Воейков (1779—1839) был посажен на гауптвахту. *Красовский* Александр Иванович (1780—1857) — петербургский цензор, о котором отрицательно отзывался также Пушкин. *Голицын* А. Н. — См. о нем в примеч. к с. 130.

Мизинцев. — Так Вяземский назвал Грузинцева Александра Николаевича (1779—1840-е гг.), автора поэмы «Спасенная и победоносная Россия в девятом-на-десять веке» (1813).

Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829) — посредственный стихотворец, реакционный государственный деятель и доносчик. В эпиграммах часто фигурировал под именем Картузова и Картуша.

Стр. 117. *Шишков* Александр Семенович (1754—1841) — писатель и государственный деятель. *Корнеслов.* — Глава славянофилов Шишков выступал против иностранных заимствований в языке и, например, слово «галоши» предлагал заменить коренным русским словом «мокроступы».

Стр. 118. *Свиньин* Павел Петрович (1787—1839) — писатель, художник и ученый; издавал журнал «Отечественные записки» (1818—1830, 1839).

Стр. 119. *Гораций* Флакк Квинт (65—8 до н. э.) — римский поэт.

Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745—1792) — комедиограф. *Теренций* Публий (ок. 195—159 до н. э.) — римский комедиограф.

Стр. 120. *Шамфор* Никола Себастьен Рок (1741—1794) — французский писатель, автор книги «Максимы и мысли. Характеры и анекдоты».

Стр. 121. *Руссо* Жан-Батист (1671—1741) — писатель, один из лучших французских эпиграмматистов. *Япетов*

сын (греч. миф.) — Прометей, богоборец и защитник людей.

Стр. 122. *Иппократ,* или Гиппократ (ок. 460—377 до н. э.), — греческий врач, основоположник античной медицины.

⟨*На П. А. Вяземского*⟩. — Пародируя эпиграмму Вяземского «Ошибка врача», Голицын смеется над переводческой оплошностью самого Петра Андреевича, которую тот допустил в предисловии к сочинениям В. А. Озерова, где французское слово reliefs (остатки, кусочки) было по-русски обозначено «барельефом» («барельефы пиров Гомера»).

Обритый сын брадатого отца — то есть сын купца, которые, как известно, носили бороды.

Стр 123. *Вольтер* (1694—1778) — французский писатель и философ.

Талантин. — Так в эпиграммах Вяземский называл драматурга Александра Сергеевича Грибоедова (1795—1829). Здесь это имя распространено на всех дворянских поэтов пушкинского круга с пародированием резкого тона эпиграмм Пушкина и Баратынского.

Стр. 124. *Надоумко* — псевдоним Николая Ивановича Надеждина (1804—1856), под которым он в «Вестнике Европы» выступал с критическими статьями против Полевого.

«Дамон! Ты начал...» — Направлено, видимо, на эпигона сентиментализма П. И. Шаликова (1767—1852).

Стр. 125. ⟨*На А. А. Аракчеева*⟩. — Об эпиграмме см. во вступ. статье на с. 17.

Стр. 126. *Мундир мой унтерский...* — Баратынский за озорство был исключен из Пажеского корпуса и направлен рядовым в Финляндию, где позднее получил звание унтер-офицера лейб-гвардии Егерского полка.

Стр. 128. *Спаслась «П⟨олярная⟩ з⟨везда⟩».* — Речь идет об альманахе, который попал в руки читателей, отпе-

чатанный вторично, после того как первый его тираж был уничтожен наводнением в Петербурге 7 ноября 1824 г. *И в благодетельном ковчеге // Спаслись и люди и скоты.* — Издатели альманаха Бестужев и Рылеев печатали в нем материалы как первоклассных писателей, так и весьма посредственных.

Стр. 129. *⟨На А. А. Аракчеева⟩.* — Об эпиграмме см. во вступ. статье на с. 17. *И Совета он учитель.* — Здесь речь идет о Государственном совете, который полностью зависел от временщика Аракчеева.

⟨На М. С. Воронцова⟩. — Об эпиграмме № 1 см. во вступ. статье на с. 18. *Полу-милорд.* — Воронцов был англоманом. *Полу-купец.* — Близость порта Одесса создавала благоприятные условия для коммерческих операций, из которых новороссийский генерал-губернатор извлекал личную выгоду. Эпиграмма № 2. *Риэго был пред Фердинандом грешен.* — Здесь говорится об испанском короле Фердинанде VII (1784—1833), которого Риэго вынудил провозгласить в стране конституцию.

Стр. 130. *Александр I.* — См. о нем в примеч. к с. 99. *Под Австерлицем он бежал.* — В сражении с Наполеоном I под Аустерлицем (1805) русская армия потерпела поражение. *Теперь коллежский он асессор // По части иностранных дел* — то есть как дипломат настолько некомпетентный, что в иностранном ведомстве ему впору быть только коллежским асессором (тогдашний мелкий чин).

Князь Дундук — переиначенная фамилия Михаила Андреевича Дондукова-Корсакова (1792—1869), председателя Петербургского цензурного комитета. В последней строке сделан намек на противоестественные отношения между ним и президентом Академии наук Сергеем Семеновичем Уваровым (1786—1855), благодаря которому князь попал в вице-президенты.

Кн⟨язь⟩ Голицын Александр Николаевич (1773—1844) — государственный деятель, фаворит Александра I.

Хвостова Александра Петровна (1768—1853) — вдохновительница собраний секты хлыстовского толка, за что в 1823 г. была выслана из Петербурга. *Просвещения губитель.* — Министр народного просвещения с 1816 г., Голицын в начале 20-х г. преследовал прогрессивно настроенную профессуру Петербургского и Казанского университетов. *Бантыш*-Каменский Владимир Николаевич (1778—1829) — чиновник коллегии иностранных дел; у него с Голицыным были те же отношения, что и у «героев» предыдущей эпиграммы. *Напирайте, бога ради, // На него со всех сторон!* — В 1824 г. Голицын потерял министерский пост после немалых усилий сразу трех человек: митрополита Серафима, архимандрита Фотия и Аракчеева.

Стр. 131. *Пучкова* Екатерина Наумовна (1792—1867) — поэтесса. *Зачем кричишь ты, что ты дева.* — В стихотворении Пучковой «Экспромт тем, которые укоряли меня, для чего я не написала стихов на кончину Г. Р. Державина» (1816) встречается такой фрагмент: «Деве ли робкой // Арфой незвучной // Сла̀вному барду // Песнь погребальну // Деве ль брячать».

Стр. 132. *Ex ungue leonem.* — Поводом для эпиграммы послужил разбор А. Е. Измайловым стихотворения Пушкина «Приятелям»: «Из самого начала сего ужасного осьмистишия открывается, что для сочинителя приятель и враг суть синонимы... Страшно, очень страшно! Более же всего меня напугало то, что у господина сочинителя есть когти!» Пушкин, считавший, что «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей», здесь намекает на свои длинные ногти.

М. Т. Каченовский. — См. о нем в примеч. к с. 91.

⟨*Ф. В. Булгарину*⟩. — Сочинено по случаю выхода в свет романа Булгарина «Дмитрий Самозванец» (1830). *Авдей Флюгарин* — слегка завуалированное имя и фамилия Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859), писателя и журналиста, вставшего после восстания декабристов

на сторону реакции. *Видок Фиглярин.* — Франсуа-Эжен Видок (1775—1857) — вор, некоторое время шеф парижской полиции; Пушкин намекает здесь на связи Булгарина (Фиглярина) с III отделением.

Стр. 133. *Клит.* — Таким именем лицеисты называли своего соученика, будущего декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797—1846).

Яков — один из воспитателей в Царскосельском лицее.

Гр⟨афиня⟩ *Орлова-Чесменская* Анна Алексеевна (1785—1848) — камер-фрейлина.

Архимандрит Фотий (1792—1838) — в миру Петр Никитич Спасский, сан архимандрита получил в 1822 г.

Стр. 134. *Греч* Николай Иванович (1787—1867) — журналист и писатель консервативного направления; основал и редактировал журнал «Сын отечества» (1812—1838); с 1825 г. с ним на равных сотрудничал Булгарин (см. о нем в примеч. к с. 132). Они же совместно (с 1831 до конца 1850-х гг.) редактировали газету «Северная пчела».

Стр. 135. *Готфред* — герой поэмы итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим». В русском переводе Раича поэма вышла в 1828 г.

Стр. 136. *Эпиграмма-октава* — автоэпиграмма на собственный перевод 7-й песни «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. *Стал стих ломать... Всем рифмам дал... развод.* — Вводя в русскую поэзию итальянскую октаву, Шевырев допускал в ней ритмические перебои и отказался от симметрии в строфе мужских и женских рифм. *Дождь с воплем* и т. д. — Цитируются две строки из названного перевода Шевырева.

Алеатико — марка вина.

Стр. 138. *К. Ф. Четверикова* — золовка автора эпиграммы.

...Честный смещен... — Катенин имеет в виду и себя, «высочайшим приказом» уволенного в отставку в 1838 г.

Стр. 139. *Берри*, или герцог Беррийский, Карл-Ферди-

нанд (1778—1820) был убит парижским рабочим Лувелем.

Стр. 141. *«Непостижимая»* — роман Филимонова, вышедший в 1841 г.

Стр. 142. *...Россия надела с выпушкой штаны.* — При Александре I были внесены изменения в военную форму различных полков.

Александровская колонна — сооружение в Петербурге по проекту А. А. Монферрана в центре Дворцовой площади (1830—1834) в память Александра I. Она увенчана бронзовой фигурой ангела с крестом в руках (работа Б. И. Орловского).

Стр. 143. *Аврора* Карловна *Шерваль* — дочь выборгского губернатора. Сочинено до выхода ее в 1836 г. замуж за богача П. Н. Демидова.

Стр. 144. *...новый камер-юнкер.* — Этот низший придворный чин давался обычно молодым людям, начинающим службу. Пушкину он был пожалован в 1834 г.

...издает Геннади. — Книговед, историк литературы и издатель Г. Н. Геннади, стремясь донести до читателя полного Пушкина, вставил в основной печатный текст его произведений все сохранившиеся варианты и даже зачеркнутые самим поэтом строки, выделив их скобками и курсивом (сказалась слабо разработанная в то время методика научных изданий).

Сушков Николай Васильевич (1796—1871) — посредственный писатель. *Обоз.* — Намек на статью Сушкова «Обоз к потомству с книгами и рукописями», в которой был задет Соболевский. *Лишь чужим товаром...* — В упомянутой статье Сушкова приводились стихотворения и письма многих писателей.

Стр. 146. *Так нагло лезешь к ним в друзья.* — Булгарина (см. о нем в примеч. к с. 132) в этом же упрекал Вяземский: «К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный».

Россию продает Фаддей... — В эпиграмме глаголу «про-

дает» придано два значения: в 1837 г. в продажу поступила книга «Россия в историческом, статистическом и литературном отношениях», автором которой значился Ф. Булгарин (на самом деле она написана сотрудником «Северной пчелы» Н. А. Ивановым); кроме того, Лермонтов напоминает, что Булгарин, начавший военную службу в русской армии (1800), переметнулся на сторону Наполеона, а по окончании Отечественной войны 1812 г. вновь вернулся в Россию.

Стр. 147. *Князь Васильчиков* Александр Илларионович (1818—1881) — мемуарист. Был близок с Лермонтовым в 1840—1841 гг. Эпиграмма пародирует родословную князя, метя в высшие придворные круги.

Стр. 148. *Лаж,* или ажио, — отклонение курса денежных знаков, векселей, ценных бумаг от номинальной их стоимости в сторону превышения.

Голицын. — См. о нем в примеч. к с. 130. *Гурьев* Дмитрий Александрович (1751—1825) — министр финансов (1810—1823). *Аракчеев.* — См. о нем примеч. к с. 46. *Ливен* Карл Андреевич (1767—1844) — министр народного просвещения (1828—1833). *Рыжий Мишка* — здесь: великий князь Михаил Павлович, брат Николая I.

Стр. 149. *Румянцев* Николай Петрович (1754—1826) и *Кочубей* Виктор Павлович (1768—1834) в год написания этой эпиграммы (1802) были назначены: первый министром коммерции, второй министром внутренних дел.

Чичагов Павел Васильевич (1767—1849) — адмирал. В феврале 1813 г. был уволен в отставку за неудачную военную операцию, которая была возложена на него и на корпусного генерала Витгенштейна (см. о нем в примеч. к с. 106) и в результате которой армии Наполеона удалось переправиться через Березину и вырваться из окружения.

Стр. 150. *Клит бросился в реку.* — На голову Кюхельбекера, в эпиграмме названного Клитом (см. примеч. к с. 133), его соученик, лицеист Малиновский, выплеснул тарелку с

супом, из-за чего «пострадавший» побежал топиться в пруд, но был спасен товарищами.

Яковлев Михаил Лукьянович (1798—1861) в лицее слыл хорошим имитатором и был прозван Паясом, в дальнейшем проявил себя как талантливый музыкант и литератор.

Стр. 151. *Надпись к портрету графа Хвостова* А. С. (в тексте названного Хавровым) пародирует тяжеловесный стиль этого графомана. *Флакк* — вторая часть фамилии Горация Флакка (см. о нем в примеч. к с. 119).

Стр. 152. *На уход в отставку сенатора Ф. В. Булгарина.* — В должности сенатора Булгарин никак себя не проявил, что и отмечается в эпиграмме. О нем см. также в примеч. к с. 132.

Хитрово Елизавета Михайловна (1783—1839) — дочь М. И. Кутузова. *Доленька* — Дарья Федоровна Фикельмон (1804—1863), жена австрийского посла в Петербурге. *Голенька.* — У Е. М. Хитрово были очень красивые плечи. По свидетельству В. А. Соллогуба (Повести. Воспоминания. Л., 1988), «она по моде того времени часто их показывала, и даже сильно показывала».

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА
(до 90-х годов)

Стр. 157. *Печати русской доброхоты...* — Ср. письмо Тютчева к брату от 13 апреля 1868 г. по поводу предупреждения, сделанного чиновниками цензурного ведомства славянофильской газете И. С. Аксакова «Молва»: «Все они более или менее мерзавцы, и, глядя на них, просто тошно, но беда наша та, что тошнота наша никогда не доходит до рвоты».

Стр. 158. *Нерон* (37—68) — римский император.

Стр. 159. *Ответ князю П. А. Вяземскому.* — Огарев осуждает «Заметки» Вяземского, направленные против ре-

волюционеров. Назвав «Русский вестник», где они были помещены, потаповским, по имени тогдашнего шефа III отделения А. Л. Потапова (1818—1886), Огарев ставит знак равенства между охранкой и этим журналом, который издавал консервативный публицист Михаил Никифорович Катков (1818—1887).

Видок Тетерин — Борис Николаевич Чичерин (1818—1904) — юрист, историк и общественный деятель, автор книги «Несколько современных вопросов», где он нападал на Герцена. *Видок.* — См. примеч. к с. 132. *Иль смерти немца Коцебу.* — Цитата из эпиграммы Пушкина на А. С. Стурдзу. *Коцебу* Август Фридрих Фердинанд фон (1761—1819) — писатель, шпион царского правительства и агент Священного союза; студент Карл Занд заколол его кинжалом.

...взошли от корня Гречей... — игра слов, связанная с Н. И. Гречем (см. о нем в примеч. к с. 134). *Катков М. Н.* — См. о нем выше.

Стр. 160. *Муравьев* Михаил Николаевич (1796—1866) — генерал-губернатор северо-западных губерний России, получивший в народе кличку «Вешателя» за жестокую расправу над участниками польского восстания 1863 г. В первой эпиграмме речь идет об арестах по делу Каракозова, покушавшегося на жизнь Александра II (1866). По этому же делу в Петропавловскую крепость был заточен и Курочкин. *Комиссаров* Осип Иванович (1838—1892) — шапочник, спасший царя от выстрела Каракозова.

Иеромонах Гавриил — преподаватель духовного училища, судимый за то, что засек до смерти десятилетнего ученика. Суд иеромонаха оправдал.

Стр. 161. *Эпитафия Бавию.* — Адресат — П. А. Вяземский. *Бавий* Марк (I в. до н. э.) — римский поэт; его имя стало нарицательным для обозначения бездарных стихотворцев.

М. Н. Катков. — См. о нем в примеч. к с. 159.

Свифт Джонатан (1667—1745) — английский писатель и общественный деятель.

Стр. 163. *Мережковский* Дмитрий Сергеевич (1866—1941) — писатель, один из видных представителей русского символизма на первом его этапе.

Стр. 164. *Анопову.* — Эпиграмма связана с обучением старшего сына А. Н. Майкова (1821—1897) в Петербургском реальном училище цесаревича Николая, в котором директорствовал с 1884 по 1905 г. Иван Алексеевич Анопов (1845—1907).

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1900) — писатель.

Валуев Петр Александрович (1815—1890) — министр внутренних дел в 60-е гг., министр государственных финансов в 70-е гг. и председатель комитета министров в 1879—1881 гг.

Стр. 166. *«Картинка» Майкова* А. Н. — реакционно-патриотическое стихотворение, восхвалявшее манифест 1861 г.

Памятник И. А. *Крылову* работы П. К. Клодта, о котором говорится в эпиграмме, был установлен в 1855 г. в Петербурге в Летнем саду, куда водили гулять детей привилегированных сословий.

Стр. 167. *Чтоб не пропели петухи.* — По старинному поверью, при первых криках петухов нечистая сила возвращается в ад.

Звезда святого Станислава. — Орден святого Станислава, с 1831 г. именовавшийся императорским и царским. Кавалерам всех степеней (их с 1839 г. было три) назначались значительные пенсии.

Стр. 168. *Филиппов* Тертий Иванович (1825—1899) — общественный деятель и публицист, принадлежавший к «почвенникам», чьи позиции были сходны со славянофильскими. *Хоть у гроба у Господня он зовется «эпитроп».* — Филиппов был вице-президентом Православного Палестинского

общества. 2 декабря 1882 г. на его заседании он, в частности, говорил: «там (в Назарете. — *В. В.)* животворящий крест и живоносный гроб господен, «источник нашего воскресения» и т. д.

«Век» — общественно-публицистический и литературный еженедельник. Начал выходить в 1861 г., а уже в следующем прекратил существование.

Стр. 169. *«Молва»* — московская газета славянофилов, в 1857 г. издававшаяся критиком и писателем Иваном Сергеевичем Аксаковым (1823—1886).

О ты, кто принял имя Слова! — Бог. Согласно Евангелию от Иоанна, «Вначале было Слово». *«Северная пчела».* — См. о ней в примеч. к с. 134. *Гончаров* Иван Александрович (1812—1891) как цензор требовал от Щербины поправок в его стихотворении «Поколению», в которое были введены образы из Евангелия.

Стр. 170. *Ксенофонт* Алексеевич *Полевой* (1801—1867) — критик и журналист, брат Н. А. Полевого.

Фаддей Булгарин. — См. о нем в примеч. к с. 132. *Маркиз Поза* — борец за свободу в трагедии Шиллера «Дон Карлос» (1787).

«Пчела» — «Северная пчела».

Ты гимны воспевал «откинутой коляске»... — намек на стихотворение «Коляска» (1854), в котором Майков славословил Николая I. *Коцебу.* — См. о нем в примеч. к с. 159.

Стр. 171. *«Арлекин»* — стихотворение Майкова, в котором он враждебно откликнулся на революционное движение в Западной Европе. *Белье так редко он менял, // Но часто убежденья.* — В 40-е гг. Майков находил общий язык с Белинским и петрашевцами.

По взятии Севастополя. — Написано в связи с вынужденным затоплением в севастопольской бухте русского флота во время Крымской войны 1853—1855 гг. Эпиграф взят из стихотворения В. Г. Бенедиктова «Малое слово о

великом». *Ботик* — здесь речь идет о «ботике Петра Первого», который считается первенцем русского флота.

Стр. 172. *Памятник Петру I в Петербурге* был открыт на Сенатской площади в 1782 г. (работа М.-Э. Фальконе).

Всеобщий благоприятель — Николай I (1796—1855).

Стр. 173. *Головнин* Александр Васильевич (1821—1886) — государственный деятель, министр народного просвещения (1861—1866).

Стр. 174. *Феоктистов* Евгений Михайлович (1829—1898) — журналист; был доверенным лицом редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова (см. о нем в примеч. к с. 159) и чиновником особых поручений при министре Головнине.

Розенгейм Михаил Павлович (1820—1887) — поэт и публицист.

Стр. 175. *Гербель* Николай Васильевич (1827—1883) — поэт, переводчик и библиограф; до 1860 г. находился на военной службе.

Вико Джамбаттиста (1668—1744) — итальянский философ и историк. *Хвостов* Д. И. слыл графоманом.

Панаев Иван Иванович (1812—1862) — писатель и журналист.

Стр. 176. *Сушков* Н. В. — См. о нем в примеч. к с. 144.

С Толкуна или с Сенной. — Так в Петербурге назывались рынки: первый — Александровский на углу Садовой и Вознесенского проспекта и второй — на Сенной площади.

Стр. 177. *Сборник «Пчела»* (1865) — нравоучительное чтиво. «Северная *пчела» Булгарина.* — См. в примеч. к с. 134.

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — писатель, теоретик театра и актер.

Стр. 178. *Кочетова* Ольга Акимовна (2-я половина XIX в.) — художница, мастер акварельной живописи.

Ге Николай Николаевич (1831—1894) — художник-передвижник. На выставке 1880 г. его картина «Милосердие» подверглась многочисленным нападкам. *Курбет* (от фр.

Courbet) — скачок. *Курбе* Гюстав (1819—1877) — французский художник.

Стр. 180. *Русско-турецкая война* велась с 1877 по 1878 г.

Стр. 181. *Эпитафия поэту М.* — Основой для нее послужил следующий экспромт Минаева на случай своей смерти: «Прохожий, стой, ты грязью памятник не пачкай. // Любил я красное вино, а помер белою горячкой».

Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893/94) — публицист.

Стр. 182. *Александринский театр* — драматический театр в Петербурге, в наши дни носящий имя А. С. Пушкина. *Трофимов* Алексей Иванович (1818—1884) — мировой судья, писатель и острослов.

«Маляр» — петербургский художественно-карикатурный журнал (1871—1878).

Геннади. — См. о нем в примеч. к с. 144.

Стр. 183. *Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»* впервые напечатан в 1868 г. *Топят деньгами камин.* — В «Идиоте» есть сцена, где Настасья Филипповна бросает в огонь пачку кредиток в 100 000 рублей.

Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — реакционный публицист и поэт.

Стр. 184. *«Нива»* — иллюстрированный еженедельник консервативного толка, выходил с 1870 г.

Стр. 185. *«Ваза»* — дамский иллюстрированный журнал. *Фейгин* Леонид Александрович — второразрядный поэт последних двух десятилетий XIX в.

Гарусов Иван Дементьевич (1824—1893) — историк литературы и педагог. Карандашная запись эпиграммы сделана библиографом и литературоведом Петром Александровичем Ефремовым на хранящемся в Пушкинском доме (Ленинград) экземпляре книги: Грибоедов А. С. Горе от ума под редакцией И. Д. Гарусова. СПб., 1875.

Стр. 186. *Бурдин* Федор Алексеевич (1827—1887) — актер и переводчик.

Стр. 187. *Трем переводчикам «Гамлет» не удался...* — Пьесу Шекспира «Гамлет» на русский язык переводили А. П. Сумароков (1748), С. И. Висковатов (1810) и М. А. Вронченко (1828). *Четвертый за него взялся...* — Н. А. Полевой. Пьеса в переводе Полевого была поставлена на сцене в 1837 г.

«Борис». — В эпиграмме сравниваются герои пьес А. С. Пушкина «Борис Годунов» и А. К. Толстого «Царь Борис» (1870).

Стр. 188. *Васильев* Павел Васильевич (1832—1879) — актер. Достоевский писал в 1863 г.: «...я не видал до сих пор в трагедии актера, подобного Васильеву». Иван IV в пьесе А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» стал в исполнении П. Васильева (Александринский театр в Петербурге) олицетворением русской тирании. Однако глубокий психологизм актерской игры многими не был понят, в том числе Каратыгиным и Жулёвым (см. следующую эпиграмму).

Расплюев — роль из пьесы Александра Васильевича Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» (написана в 1852—1854 гг.).

Стр. 190. *Шиллер* и *Гете* — немецкие поэты. Вольные переводы из них на русский язык сделал адресат этой эпиграммы Александр Николаевич Струговщиков (1808—1878).

Стр. 191. *Новый земский устав* — реформа 1864 г., когда под давлением народных масс правительство вынуждено было создать губернские и уездные земские собрания и земские управы.

Стр. 192. *Деспоту.* — Адресат — Александр II (1818—1881).

Степанов Николай Александрович (1807—1877) — график. В 1855 г. во время Крымской войны он в альбом своих карикатур включил несколько шаржей на императора Франции Наполеона III, одного из противников России.

Стр. 193. *Клейнмихель* Петр Андреевич (1793—1869) —

государственный деятель. Руководил строительством железной дороги Петербург — Москва.

Стр. 195. *Лессинг.* См. о нем во вступ. статье на с. 10.

Гауг Иоганн Кристоф Фридрих (1761—1829) — немецкий поэт.

Стр. 197. *Гайдебуров.* — См. о нем в примеч. к с. 181.

Гейнце Николай Эдуардович (1852—1913) — писатель и журналист.

Машков Виктор Федорович — действительный член Географического общества.

Стр. 200. *Веригина* (урожд. графиня Булгари) Софья Яковлевна (ум. 1898) — светская дама и меломанка.

Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — с 1902 г. министр внутренних дел и шеф жандармов. *Плевако* Федор Никифорович (1843—1908) — видный адвокат.

«Новь» (1876) — роман о русской революционной молодежи. *Иль пересохли за границей...* — Тургенев много лет жил во Франции.

Никитенко Александр Васильевич (1804—1877) — литературовед и цензор.

Стр. 201. *Кетчер* Николай Христофорович (1809—1886) — врач и переводчик.

⟨*На А. А. Фета*⟩. — Фет был внебрачным сыном помещика А. Н. Шеншина и долго добивался юридического права носить фамилию отца в расчете на привилегированное дворянское положение. В декабре 1873 г. Фет получил наконец разрешение. По этому случаю Тургенев в письме к Фету сострил: «...как Фет вы имели имя, как Шеншин вы имеете только фамилию».

Шпеер Иван Абрамович (1823—1893) был человеком отталкивающей наружности и грубо обращался со студентами, которые прозвали его гасителем просвещения и моржом. *Омар.* — Подразумеваются: Омар I, халиф с 634 по 644 г., сжегший знаменитую Александрийскую библиотеку, и представитель рода морских ракообразных. *Бегемотов внук.* —

Мыслится бегемот, являющийся, согласно Библии (Иов 40:15), среди животных на суше тем же, что Левиафан (морское чудовище, перен.: богоборец) среди морских животных. Ср. Бегемота у М. А. Булгакова в романе «Мастер и Маргарита».

Стр. 202. *К N. N.* — Возможный адресат — Я. П. Полонский.

...ключ украсил фалды Фета... — Поэт получил звание камергера и по придворному этикету должен был носить на мундире ключ. Это слово Козлов употребил также в переносном смысле, намекая на энергичную деятельность Фета в роли помещика.

Стр. 203. Князь *Мещерский* Владимир Петрович (1839—1914) — писатель и публицист.

Стр. 204. *Строить... куры* — от ф р.: faire la cour, что означает «ухаживать».

Стр. 206. *Гамлет* — герой одноименной пьесы Шекспира.

Стр. 209. *Тебя уж нет!..* — Обращение к цензуре, которая по закону 1865 г. отменялась с возложением ответственности за публикуемый материал на авторов и редакторов.

Григорьев Василий Васильевич (1816—1881) — востоковед и цензор. *Красовский.* — См. о нем в примеч. к с. 116.

Стр. 214. *Тимашев* Александр Григорьевич (1818—1893) — министр внутренних дел (1868—1878). *У Цепного моста.* — Местонахождение III отделения в Петербурге.

Стр. 215. *...«Крест» поставил...* — намек на тюрьму «Кресты». *Нещечко* — ласкательное обращение к детям в значении: мое сокровище; в данном случае подразумевается наследник престола будущий Николай II.

Стр. 216. Граф *Толстой* Дмитрий Андреевич (1823—1889) — реакционный государственный деятель. *Заика* Владимир Денисович (1833—1893) — с 1865 г. директор департамента общих дел в Министерстве внутренних дел. *Плеве.* — См. о нем в примеч. к с. 200. *Дурново* Иван Николаевич (1834—1903) — реакционный государственный деятель.

1890-е ГОДЫ — НАЧАЛО XX ВЕКА

Стр. 219—220. *От сомнений тяжелых...* — Эпиграмма составлена в связи с частой сменой в 1906 г. государственных министров. *Кабинет «деловой»* — название министерского кабинета, который возглавлял Витте с октября 1905 г. до апреля 1906 г.

Стр. 220. Двухпалатную систему управления в России в 1906 г. составили Государственная дума (см. о ней в примеч. к с. 51) и существовавший ранее Государственный совет.

Стр. 221. *Делагоа* (в тексте ударение на французский манер на последнем слоге) — бухта в Мозамбике.

Боборыкин. — См. о нем в примеч. к с. 177.

Стр. 222. *Плаксин* Сергей Иванович (род. 1854) — писатель и цензор.

Стр. 223. *«Сатирикон»* — сатирический журнал (1908—1913).

Стр. 224. *Шлиссельбургская крепость* — оборонительное сооружение на острове в устье Невы. С XVIII в. использовалась как тюрьма для политических заключенных, в январе 1906 г. была закрыта, но вскоре снова передана министерству юстиции.

Стр. 225. *Без предварительной цензуры.* — Здесь высмеиваются «Временные правила о повременных изданиях» (приняты в 1905 г.), которые отменяли предварительную цензуру на периодические издания, но зато редакторы за нелояльные статьи привлекались к суду, а их уже отпечатанные номера журналов и газет конфисковывались.

Стр. 226. *«128» и «103»* — то есть статьи Уголовного уложения, согласно которым к ответственности привлекались «виновные в оказании дерзостного неуважения верховной власти...» и виновные «в оскорблении царствующего императора, императрицы или наследника престола...»

Олейников Николай Макарович (1898—1942) — писатель, был остер на язык.

Стр. 228—230. *Шульгин* Василий Ватальевич (?) (1878—1976) — был еще Шульгин 1-й М. Я. (род. 1854): депутаты-однофамильцы в Думе получали нумерацию по возрастному принципу. *Марков 2-й* Николай Евгеньевич (род. 1876) и *Гучков* Александр Иванович (1862—1936) — политические деятели начала XX в.

Стр. 230—231. *Ассаргадон* — ассирийский царь (681—668 до н. э.). *Кир* II Великий (погиб в 530 до н. э.) — первый царь государства Ахеменидов. *Томириса,* или Томирида — массачетская царица. В эпиграмме развивается тема сложных отношений между Киром и Томиридой.

Стр. 232. *Казнь Моаба* (6 и 6 л.) — народа, жившего к востоку от Мертвого моря и враждовавшего с израильтянами.

Стр. 233. *Сруб.* — В эпиграмме поставлен в одном ряду со словами «дыба» и «топор» как символ смерти: в допетровской Руси принятой расправой над старообрядцами было сожжение их в срубах. *Двойственный грех* — здесь совершение крестного знамения двуперстием.

Стр. 238. *На Клеона...* — Адресат — издатель журнала «Знамя» (1899—1901) Николай Дмитриевич Облеухов.

Айхенвальд Юрий Исаевич (1872—1928) — критик.

Стр. 239. *Полукоморствовал.* — См. эпиграфы к первым двум эпиграммам Князева на с. 248—249.

Ты беса мелкого узрел... — Подразумевается роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1905).

Стр. 239—240. *Рашковская* Августа Натановна (1898—1988) — литературный критик. *Шакеспеар* — Шекспир Уильям (1564—1616) — английский драматург. Сологуб в шутку русскими буквами имитирует английское написание этой фамилии.

Стр. 240. *Трепов* Дмитрий Федорович (1855—1906) — петербургский генерал-губернатор и начальник петербург-

ского гарнизона (с января 1905 г.). Борясь с октябрьской политической стачкой 1905 г., он приказал: «Холостых залпов не давать! Патронов не жалеть!»

Стр. 241. *Дубасов* Федор Васильевич (1845—1912). — Будучи московским генерал-губернатором, подавлял в Москве Декабрьское вооруженное восстание 1905 г.

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — государственный деятель, обер-прокурор синода с 1880 г.; ушел в отставку, недовольный Конституцией, или Манифестом 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором Николай II, напуганный размахом Октябрьской Всероссийской политической стачки, обещал «даровать» народу «незыблемые основы гражданской свободы».

Стр. 242. *Ненасытный министр* — П. И. Дурново, который в момент написания эпиграммы был министром внутренних дел. *В кабинете бразильца-посла.* — В бытность Дурново директором департамента полиции он через своих агентов пытался похитить у бразильского (по более поздним, уточненным данным — у испанского) посла письма своей неверной любовницы, за что и получил от последнего пощечину.

Стр. 243. *Остаться вовсе без ... уделов.* -- Игра слов: значению слова «удел» как судьба, участь соответствует также название в дореволюционной России земельного имущества, на которое распространялась власть царской фамилии через министерство двора и уделов.

Дурново Стаховичу. — Вероятно, отклик на договор с правительством о поставке для армии из имения Петра Ивановича Дурново (1845—1915) (брата И. Н. Дурново) 15 000 пудов овса. Дурново нашел более выгодного покупателя, а полученный аванс не только не вернул в государственную казну, но пытался еще вытребовать дополнительное возмещение за якобы понесенный им в этой купле-продаже убыток. *Стахович* — либо общественный и государ-

ственный деятель Александр Александрович (1861—1913), либо писатель Михаил Александрович (1861—1923).

Стр. 246. *...слава да рога.* — Намек на Нину Ивановну Петровскую (1884—1928), жену С. А. Соколова-Кречетова (1879—1936), которая к моменту свадьбы (24 апреля 1905 г.) В. Ф. Ходасевича и Марины Эрастовны Рындиной (род. 1887) была спутницей В. Я. Брюсова.

Антон-Горемыка — герой одноименной повести Д. В. Григоровича.

Стр. 247. *Павлович* Надежда Александровна (1895—1980) — поэтесса. *На площади Урицкой* — ныне Дворцовой в Ленинграде, в центре которой находится Александровская колонна (см. о ней в примеч. к с. 142). *Белицкий* Ефим Яковлевич — врач и писатель, владелец издательства «Эпоха», в котором в 1922 г. вышло две книги Ходасевича.

Стр. 248. *Кузьмин* Николай Васильевич (1890—1988) — художник. *Буренин* Виктор Петрович (1841—1926) — публицист и поэт. *Суворин* Алексей Сергеевич (1834—1912) — писатель и издатель.

Стр. 250. *Четвертая дума.* — См. примеч. к с. 51.

Стр. 251. *Трижды черный муж.* — Игра слов: адресат Шварц (см. о нем в следующем примеч.) по-немецки означает «черный».

Шварц Александр Николаевич (1848—1915) — профессор Московского университета, член Государственного совета, в 1908—1910 гг. министр народного просвещения, на посту министра провел ряд реакционных преобразований с намерением истребить революционный дух, проникший в учебные заведения страны; в своем проекте университетского устава предлагал учредить должность «факультетских приставов» для надзора за поведением студентов и т. п.

Стр. 252. *Фалес Милетский* (ок. 625—547 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель милетской школы.

Стр. 253. *Из парусины вырезал квадрат...* — Намек на ху-

дожника-супрематиста Казимира Севериновича Малевича (1878—1935), автора знаменитой картины «Квадрат» (1913).

Стр. 254. *Людвиг Фульда* (1862—1939) — немецкий поэт и драматург.

Стр. 256. *Памятник Александру III* работы князя Павла Петровича Трубецкого (1867—1938) был открыт в Петербурге в 1909 г. Скульптор подчеркнул в образе Александра III (1845—1894) его вульгарность и грубость, что противоречило общепринятым канонам изображения царствующих особ.

Стр. 257. *Свобода, сожаление и читатель.* — Парафраз басни-эпиграммы К. Пруткова «Пастух, молоко и читатель» (см. с. 204).

«Треугольник» — объединение группы художников, устроивших выставку в Петербурге в 1910 г.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, художественный критик; увлекался живописью.

Стр. 258. *Бурлюк* Владимир Давидович (1886—1917) — художник-кубофутурист.

Бурлюк Давид Давидович (1882—1967) — отец русского футуризма, живописец и поэт.

Стр. 259. *Шилейко* Владимир Казимирович (1891—1930) — филолог-востоковед, жил в Петербурге.

Стр. 260. *Васильев* Павел Николаевич (1910—1937) — поэт; в 1928 г. переехал из Сибири в Москву и подружился с Мандельштамом.

Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955) — переводчик.

Стр. 262. *Листок суворинский* — газета «Новое время», принявшая консервативное направление при Суворине (см. о нем в примеч. к с. 248) и придерживавшаяся этого направления при преемниках Суворина. Эпиграмма является парафразом дмитриевского перевода «Я разорился от во-

ров...» (см. с. 91) из французского поэта П.-Д. Экушар-Лебрена (1729—1807).

Дно — железнодорожная станция, где Николай II подписал отречение от престола.

Стр. 263. *Хабалов* Сергей Семенович (1858—1924) — генерал-лейтенант. В 1916—1917 гг. начальник и командующий войсками Петроградского военного округа; в дни февральской революции возглавлял все вооруженные силы монархии.

Стр. 264. *Штюрмер* Борис Владимирович (1848—1917) — государственный деятель, крайний реакционер, германофил. 20 января 1916 г. получил пост председателя Совета Министров, 10 ноября того же года уволен в отставку. Умер в Петропавловской крепости.

Суковнин — скорее всего Николай Иосафович, мировой судья в Курске.

Стр. 265. *Заем свободы* был выпущен Временным правительством (март 1917 г.) для продолжения войны. *Не ожидал! Благодарю!* — С перестановкой слов концовка модных куплетов, написанных В. А. Соллогубом (1814—1882).

«Братство, Равенство, Свобода» — лозунг сторонников Французской буржуазной революции. *Здесь учился Данте сам// Силе двёрных эпиграмм!* — В поэме Данте «Божественная комедия» перед входом в ад начертано: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Стр. 268. *Читатель, он тебе не попадался?!* — Используется концовка басни-эпиграммы К. Пруткова «Пастух, молоко и читатель» (см. с. 204).

Стр. 269. Кусиков Александр Борисович (род. 1896) — поэт, не проявлявший интереса к общественной жизни («Я поэт журавлиный, от земли я далек»).

Лидин (Гомберг) Владимир Германович (1894—1979) — писатель.

Стр. 271. *Уткин* Иосиф Павлович (1903—1944) — поэт. Маяковский был недоволен стихотворением Уткина «Гитара»

и некоторыми другими в его «Первой книге стихов» (1927), усматривая в них ложную романтику и потакание мещанским вкусам. *Не вам строчить агитки хламовые.* — Намек на претенциозность Уткина-поэта и вызов литературным недругам, противопоставлявшим однодневной агитке Маяковского поэзию подлинную. *Для сходства с Байроном на русский на язык прихрамывая.* — Д. Г. Байрон (1788—1824) английский поэт-романтик, с которым некоторые критики 1920-х гг. сравнивали Уткина, страдал врожденной хромотой.

Стр. 272. *Иванов* Всеволод Вячеславович (1895—1963) — писатель, автор обыгрываемых в эпиграмме повестей «Бронепоезд 14—69» (1922) и «Особняк» (1928).

Фадеев Александр Александрович (1901—1956) — писатель, на творчество которого сильно влиял Л. Н. Толстой.

Ермилов Владимир Владимирович (1904—1965) — литературовед, с 1928 г. один из секретарей РАПП'а. В 1950-е гг. на него была сочинена и такая эпиграмма: «Один — молчал, // Другой — стучал» (молчальник. — И. Г. Эренбург).

«На Литпосту» — сокращенное название журнала критики «На литературном посту» (1926—1932), основного органа Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП).

Стр. 273. *Перевальская лягушка* — здесь: «Перевал» (1923—1932) — литературная группа (Э. Г. Багрицкий, И. И. Катаев, М. М. Пришвин и др.), выступавшая против сектантства и левачества.

«Новый ЛЕФ» (1927—1928) — журнал литературно-художественного объединения «Левый фронт искусств».

Авербах Леопольд Леонидович (1903—1939) — один из основателей ВАПП'а, ответственный редактор журнала «На литературном посту».

Стр. 274. *19 февраля 1861 года* Александр II обнародовал манифест об отмене в России крепостного права. 50-летие

манифеста широко отмечалось правительственными кругами.

Стр. 276. *Кресты.* — См. в примеч. к с. 215.

Меньшиков Михаил Осипович (1859—1919) — публицист и литературный критик. *Мендель* Бейлис (1873—1934) — жертва черносотенцев, ложно обвинивших его в ритуальном убийстве русского мальчика. Киевский суд (сентябрь — октябрь 1913) оправдал Менделя.

Стр. 277. *Марков* Н. Е. — См. о нем в примеч. к с. 228.

Литвинов-Фалинский В. Н. — чиновник министерства торговли. Написано в марте 1914 г.

Стр. 278. *Манифест.* — Здесь речь идет о манифесте Николая II, в котором он 2 марта 1917 г. отрекся от престола в пользу брата Михаила.

Стр. 279. *Александр* Александрович *Яблоновский* (1870—1934) — писатель и публицист. *Поскребите либерала, // Перед вами — крепостник!* — Парафраз из стихотворения французского писателя Виктора Гюго (1802—1885): «Поскребите бога и вы обнаружите человека».

Стр. 280. *Памятник Александру III.* — См. о нем в примеч. к с. 256.

Стр. 281. Луначарская-*Розенель* Наталья Александровна — жена Луначарского. Эпиграмматическая дуэль между Д. Бедным и Луначарским, вероятно, явилась досадным недоразумением. Вскоре между ними наступил мир. В 1931 г. Луначарский в одном из выступлений дал высокую оценку творчеству Д. Бедного.

Стр. 284. *«Честь безумцу, который навеет // Человечеству сон золотой...»* — Строки из стихотворения французского поэта П. Беранже «Безумные» в переводе В. С. Курочкина.

Стр. 285. Князья *Юсуповы* обладали огромным собранием произведений искусства. *«Ковш», что издается Госиздатом* — литературно-художественный альманах (вышло четыре выпуска, 1925—1926).

Стр. 286. *Вестингауз* (Уэстингауз) Джордж (1846—1914) — американский изобретатель. Его главное изобре-

тение — пневматический железнодорожный тормоз (1869).

Стр. 287. *ВЦУ* — высшее церковное управление (?). *Ильинцу-лубянцу* — то есть человеку, связанному с историческими районами Москвы Ильинка и Лубянка; на Ильинке еще до революции находились торговые учреждения, а на Лубянке — следственные органы.

Стр. 288. *Погромный Марков.* — См. о нем в примеч. к с. 228.

Стр. 289. *Ив*⟨ан⟩ Сергеевич *Рукавишников* (1877—1930) — писатель.

Стр. 291. *Роденбах* Жорж (1855—1898) — бельгийский писатель.

Новалис (Фридрих фон Харденберг) (1772—1801) — немецкий поэт и философ. *Саис* — религиозный центр в Древнем Египте, славившийся также изготовлением полотен для мумий и культовых обрядов.

Стр. 292. *«Астория»* — гостиница в Ленинграде на Исаакиевской площади.

Федин Константин Александрович (1892—1977) — писатель.

Стр. 293. *Марк-Аврелий* — Аврелий Марк (121—180) — римский император с 161 г.

Стр. 294. *Птица Соловьев* Геннадий Алексеевич и *рыба Фиш* Геннадий Семенович (1903—1971) — ленинградские писатели. В эпиграмме значима не только фамилия Соловьев, но и Фиш (по-немецки Fisch — рыба).

Стр. 296. *Рада* — Центральная рада, объединенный орган националистических партий и организаций на Украине, действовавший в Киеве (1917—1918).

Стр. 297. *Радлов* Сергей Эрнестович (1892—1958) — театральный режиссер и драматург. *«Лизистрата»* — комедия Аристофана, поставленная Радловым, в духе студийных экспериментов В. Э. Мейерхольда, на сцене Петроградского академического театра драмы (1924).

Стр. 298. Поэт Сергей *Есенин* (1895—1925) увлекся

гастролировавшей в СССР американской танцовщицей Айседорой *Дункан* (1878—1927) и совершил с нею заграничное путешествие (1922—1923).

Гвозди бы делать из этих людей... — У Н. С. Тихонова (1896—1979) после этой строки идет такая: «Крепче бы не было в мире гвоздей». Эпиграмма-пародия приписывается как В. М. Волженину (1886—1942), так и В. В. Князеву (см. другие его эпиграммы на с. 248—251).

В повести эсера Бориса Викторовича *Савинкова* (1879—1925) *«Конь вороной»* показано движение белых.

Стр. 299. *Брик* Осип Максимович (1888—1945) — филолог и писатель.

Марр Николай Яковлевич (1864—1934) — лингвист; выдвинул яфетическую теорию языка, или так называемое «новое учение о языке», которое исходило из вульгаризации марксистских понятий.

Зозуля Ефим Давыдович — писатель. *Огоньковский гений.* — Зозуля работал редактором в издательстве «Огонек», а также выпустил в нем две книги своих рассказов (1925).

Стр. 300. *Елисеевы поля* — улица в Париже. *Оноре Пильняк* — шутливая ассоциация с французским писателем Оноре Бальзаком (1799—1850); *Эмиль Зозуля* — вторая параллель между Зозулей и французским классиком Эмилем Золя (1840—1902). *Парнахские рощи.* — Игра слов: парнахские — производное от названия горы Парнас (в мифологии — прибежище Аполлона и муз) и от фамилии Парнах. В сборнике избранных стихов Валентина Яковлевича Парнаха «Вступление к танцам» (М., 1925) портрет автора исполнен французским художником Пабло Пикассо.

СОСТЯЗАНИЯ В ОСТРОУМИИ

Стр. 303. *Вопрос и ответ.* — Сумарокову и Ломоносову приписываются по давней традиции.

Перед полетом на воздушном шаре. — О пикировке А. С. Хвостова и генерала и остряка Львова (1740—1812) сообщает С. П. Жихарев в «Записках современника» (М.—Л., 1955). Между тем стихи, приписываемые Жихаревым Хвостову в четырехтомном рукописном собрании (в 4-ю долю листа; писано частично в последние годы XVIII в., частично в начале XIX в.: ГПБ, QXVII, № 183, т. 3, л. 157 об.) под заглавием «Стихи на генерала Львова», записаны в следующей редакции: Генерал от инфантерии Львов // Поднялся выше облаков//Просить богов // Для заплаты долгов, // Но на низ спустился // И ни с кем не расплатился. Под ними подпись: Г. Р. Дер—вин. То есть Державин. Итак, вопрос об авторстве остается открытым. Может статься, Державину принадлежит только реплика «На низ спустился...» и т. д., которая отсутствует в интерпретации Жихарева.

Стр. 304. *Смирдин* Александр Филиппович (1795—1857) — книгопродавец и издатель. *Сенковский* Осип Иванович (1800—1858) — писатель, журналист и востоковед.

Стр. 305. *Я Тютчева заставил расстегнуться...* — Тургенев убедил Тютчева поместить свои стихи в журнал «Современник» (1854, № 3, 5) и содействовал появлению в свет его первой книги стихов (1854), предпослав ей вступительную статью. *Фету вычистил штаны.*— С 1853 г. Тургенев активно участвовал в редактировании произведений Фета и написал предисловие к его сборнику «Стихотворения» (СПб., 1856).

Экспромт после торжественного обеда... — Этот эпизод приводит М. В. Шевляков в своей кн.: Русские остряки и остроты их. СПб., 1899. Он же предполагает, что платил за обед К. Третьяков.

Боборыкин П. Д. — См. о нем в примеч. к с. 177.

Стр. 307. *«Среды» Дризена* — с весны 1909 г. нечто вроде свободной театральной академии. Участники собирались на петербургской квартире историка театра и цензора

Николая Васильевича Остен-Дризена (1868—1935), который завел специальный альбом «Наши среды», куда заносились выдержки из докладов, а также стихотворные экспромты, рисунки, фотографии.

Стр. 308. *Ресторан Донона* находился на Мойке. Это было традиционное место встречи петербургских литераторов еще со времен Пушкина (тогда заведение принадлежало Сен-Жоржу), а в 1900-е гг. здесь собирались К. Д. Бальмонт, В. П. Буренин, Д. С. Мережковский, В. И. Немирович-Данченко, К. К. Случевский и другие знаменитости.

Мясоедов Григорий Григорьевич (1834—1911) — живописец, автор известной картины «Земство обедает» (1872).

Стр. 309. *Саламбо* — героиня одноименного исторического романа Гюстава Флобера (1821—1880). *МПО* — Московское потребительское общество.

Стр. 311. *И. Ионов* (Илья Ионович Бернштейн) (1887—1942) — поэт. В эпиграмме Ионов сопоставляется с библейским Ионой, которого проглотил кит.

Стр. 313. *Погибли Рогачевские...* — Василий Львович Рогачевский (1873—1930; псевдоним: Львов-Рогачевский), критик и литературовед, чьи попытки встать на марксистско-социологические позиции носили вульгаризаторский характер.

Стр. 314. *Киршон* Владимир Михайлович (1902—1938) — драматург.

Стр. 315. *Татьяна* Владимировна *Толстая* — московская писательница.

Третьяков Сергей Михайлович (1892—1939) — писатель.

Стр. 316. *Сельде-двинский* — неологизм, основанный на игре слов, связанной с поэтом И. Л. Сельвинским (1899—1968).

Жиц Федор Арнольдович (род. 1892) — литературный критик.

Стр. 317. *Кассиль* Лев Абрамович (1905—1970) — писатель.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стр. 322. *Архиепископ Ростовский* (с 1718 до 1730) *Георгий Дашков* (ум. в 1739) состоял в синоде, конкурируя с его первенствующим членом Феофаном Прокоповичем.

Стеллер Георг Вильгельм (1709—1746) — естествоиспытатель. Был домашним врачом Феофана Прокоповича.

Стр. 323. *Иеродиакон Адам* — один из учителей школы, которую Прокопович в 1721 г. организовал в своем петербургском доме на Карповке.

К Луке и Варлааму Кадецким. — Эпизод с деньгами, послуживший темой для стихотворения, свидетельствует о бедности учеников на Карповке, большую часть которых Прокопович, видимо, набирал из «худородных». *Лука и Варлаам Кадецкие,* то есть из Шляхетского кадетского корпуса, были также законоучителями в школе на Карповке.

В. Васильев

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПИГРАММЫ

Р 89 Русская эпиграмма / Сост., вступ. статья и примеч. В. Васильева; Худож. Г. Клодт. — М.: Худож. лит., 1990. — 366 с., ил. (Классики и современники. Поэтическая б-ка).

ISBN 5-280-01014-6

В сборник включены лучшие образцы русской эпиграммы от истоков до начала XX века: Симеона Полоцкого, М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, М. Горького, В. Маяковского и др.

Р $\frac{4702010102-179}{028(01)-90}$ 24-90

ББК 84Р1

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННИКИ

Поэтическая библиотека

РУССКАЯ ЭПИГРАММА

Редактор И. Парина
Художественный редактор А. Моисеев
Технический редактор Л. Ковнацкая
Корректоры Н. Пехтерева, О. Левина

ИБ № 5718

Сдано в набор 30.08.89. Подписано в печать 26.12.89. Формат $70\times100^{1}/_{32}$. Бумага кн.-журн. имп. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,9. Усл. кр.-отт. 30,13. Уч.-изд. л. 12,33. Изд. № I-3473. Тираж 1 000 000 экз. (3-й завод 450 001—750 000). Заказ 556. Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

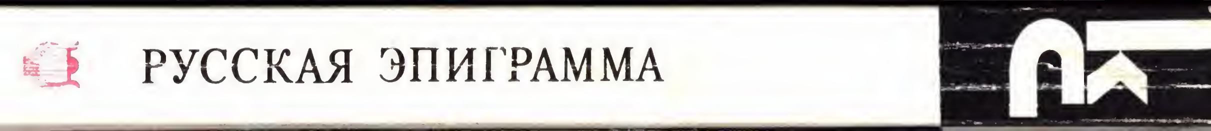
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Государственного комитета по печати. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

1 р.

Поэтическая библиотека

РУССКАЯ ЭПИГРАММА